СЛОВО
О КУЛЬТУРѢ

СБОРНИКЪ КРИТИЧЕСКИХЪ
и ФИЛОСОФСКИХЪ СТАТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ

К. МЕЧЕВАЛЬДЪ—Поэзія Блока. С. БОРИЦЕВСКІЙ—Новое лицо въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго. М. ГЕРШЕНЗОНЪ—Духъ и душа. С. ГОРДОНЪ—Приспособленіе къ трагедіи (О лѣвомъ народничествѣ). АЛ. ЛАВРИНЕЦКІЙ—Выскользающій благодати (Ѳ. И. Тютчевъ—поэтъ и поэзія).

ИЗДАНІЕ М. ГОРДОНЪ-КОНСТАНТИНОВОЙ

МОСКВА 191

СЛОВО О КУЛЬТУРѢ.

СБОРНИКЪ КРИТИЧЕСКИХЪ
и ФИЛОСОФСКИХЪ СТАТЕЙ.

ИЗДАНІЕ М. ГОРДОНЪ-КОНСТАНТИНОВОЙ.

МОСКВА—1918.

Тип. т-ва „Кооперативное Издательство“ въ Москвѣ, Б. Дмитровка, 26.

Духъ и душа.

Біографія двухъ словъ.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.
Пушкинъ.

Зачѣмъ понадобились русскому народу два разныхъ, хотя и родственныхъ слова для обозначенія таинственной силы, незримо обитающей и движущей человѣка? А разъ были созданы два и сохраняются донынѣ въ постоянномъ употребленіи, значитъ оба ему нужны. Другими словами, оба означаютъ не одинъ и тотъ же предметъ, но два разныхъ.

Это раздвоеніе смысла тѣмъ болѣе загадочно, что оба слова, какъ ясно всякому, произведены отъ одного корня, различаясь только суффиксами. Ихъ общій корень — индо-европейское dhu или dheu, означавшее вообще быструю подвижность, потомъ вѣяніе, откуда и наши слова: дуть, дымъ, дыханіе, также латинское fumus, дымъ, и греческое thumòs, страстное начало духа. Извѣстно, что большинство первобытныхъ народовъ отожествляютъ жизнь и духъ человѣка съ его дыханіемъ. По Библіи Богъ вдунулъ Адаму, чрезъ ротъ или чрезъ ноздри, дыханіе жизни; точно такъ же малайцы вѣрятъ, что душа умирающаго выходитъ чрезъ его ноздри, и почти у всѣхъ арійскихъ народовъ, у яванцевъ, австралійцевъ, калифорнійцевъ, совершенно одинаково понятія „дыханіе“ и „душа“ выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ. Слѣдовательно въ отношеніи словопроизводства русскій языкъ не составляетъ исключенія; напротивъ, онъ повинуется широко-дѣйствующему закону. Этимологически „духъ“ и „душа“ равно значатъ: дыханіе. Почему же народная мысль вывела изъ одного корня два ствола, увѣнчанныхъ несходными кронами-суффиксами?

Но эта самая историческая справка бросаетъ первый свѣтъ на загадку. Стоитъ только съ точки зрѣнія изложеннаго корнесловія взглянуть на живое употребленіе обоихъ словъ, тотчасъ становится яснымъ, что основной стволъ—одинъ, а другой есть лишь надземный отростокъ перваго. Именно, обнаруживается, что только слово „духъ“ сохранило въ себѣ тотъ смыслъ который заключался въ корнѣ: матеріальный смыслъ вѣянья, и дыханія. По славянски „духъ“ означалъ просто движеніе воз-

духа: „Духомъ бурнымъ (т. е. сильнымъ вѣтромъ) сокрушиши корабли Ѳарсійскіе“, Псал. 47-ой. „Духъ“ еще и теперь значитъ—паръ, испареніе; мы говоримъ: „духъ поднимается отъ сгорѣвшаго навоза“. Духъ значитъ также—запахъ: „тяжелый духъ“, „винный духъ“, у Толстого: „да и духу же напустили—ажъ на дворѣ воняетъ“; о собакахъ, почуявшихъ звѣря, говорятъ: „забрали духъ“. „Духъ“ еще и теперь значитъ дыханіе; говорятъ: „перевести духъ“, „отъ бѣга захватило духъ“, „духъ коротокъ“, и въ этомъ смыслѣ духъ или дыханіе служитъ синонимомъ жизни, жизненной силы: „испустить духъ“ значитъ умереть, „духъ вонъ“—то же, что „умеръ“. Итакъ, слово „духъ“, наряду съ позднѣйшимъ, психологическимъ смысломъ, удержало и первоначальный, вещественный смыслъ—смыслъ самаго корня; слову же „душа“ весь этотъ рядъ матеріальныхъ значеній совершенно чуждъ; нельзя сказать: „перевести душу“, „испустить душу“ и т. п. Очевидно, что древнее и исконное слово—„духъ“, слово же „душа“ не возросло непосредственно изъ корня, а отвѣтвилось отъ слова „духъ“, уже послѣ того, какъ „духъ“ пріобрѣлъ свой производный смыслъ психическаго начала.

Поэтому я начну мой разсказъ съ основного слова „духъ“.

О достовѣрной исторіи этого слова еще нельзя и думать, такъ какъ не собраны документальныя свѣдѣнія о немъ и даже не приступлено къ ихъ собиранію. Итакъ, все, что я разскажу о немъ, есть лишь моя догадка или гипотеза.

Корень dhu, принесенный съ пра-родины, былъ въ рукахъ народа--какъ глина; народъ лѣпилъ изъ этого корня всевозможныя слова, разновидныя и разномысленныя, смотря по нуждамъ своимъ,—лѣпилъ съ полной свободой мастера. Онъ передѣлывалъ корень, прибавлялъ къ нему другія вещества и сплавы изъ своего звукового матеріала, отмѣрялъ длину словъ, опредѣлялъ под-ударныя гласныя. Онъ обдѣлывалъ каждое свое созданіе съ величайшей практичностью и крайней экономіей силъ, такъ что ни въ одномъ нѣтъ никакого излишка или ущерба ни одной случайной неровности, но все до мельчайшей черты геніально-обдумано, дѣловито и точно. Онъ вылѣпилъ изъ dhu „дуть“ и „дымъ“, „дохнуть“ и „дыханіе“, „духъ“ и „удушье“ и всѣ ихъ безчисленныя производныя, какъ „воздухъ“, „духота“, „дуновеніе“, „душный“, „духовный“, „вздохъ“, и пр. и пр. Въ этомъ ряду—не слѣпо и не случайно древній языкъ создалъ слово „духъ“ именно въ *этой* формѣ, по *этому* типу словъ, а не какъ-нибудь иначе. Односложностью слова „духъ“ ему данъ характеръ суровый и замкнутый. Такимъ

онъ является въ именованіи, какъ созидающій или призываемый: именительный и звательный—„духъ"; да еще въ страдательной роли, т. е. въ винительномъ. Но слово „духъ" образовано еще по закону тѣхъ односложныхъ именъ мужескаго рода, которыя и въ косвенныхъ падежахъ сохраняютъ удареніе на коренной гласной, потому что есть и другія, переносящія его на флексію, какъ „бичъ"—„бича", „бичу". Слѣдовательно, слово „духъ" никогда не измѣняетъ своему происхожденію и остается вѣрно самому себѣ даже предъ приманками соблазна, т. е. въ богатствѣ двусложности; и это сдержанное удареніе въ косвенныхъ падежахъ: *духа*, *духу*, *духомъ*, кажется добровольнымъ самоотреченіемъ: духъ какъ бы сдерживаетъ себя или смягчаетъ свою суровость, когда вступаетъ въ общеніе съ другою сущностью. Насколько онъ непреклоненъ въ явленіи и страданіи, настолько въ дѣйствіи онъ строгъ къ самому себѣ и трогательно милосерденъ. Предощущалъ ли народный разумъ уже въ самый моментъ созданія будущее призваніе слова и создалъ его пригоднымъ для его грядущихъ дѣлъ? Или, напротивъ, именно своей счастливой формѣ слово обязано своимъ позднѣйшимъ могуществомъ?

Такова наружность слова „духъ". Что же касается его біографіи, то она необыкновенна; ее по праву можно сравнить съ біографіей Наполеона. И даже не такъ чудесно было вѣнчаніе скромнаго корсиканца-поручика французской короной, какъ восшествіе слова „духъ" на высшую ступень величія въ русской рѣчи. Происходя изъ древняго, но чужеземнаго и незнатнаго рода, изъ санскритскаго вещественнаго „дуновенія", оно постепенно пріобрѣло у насъ смыслъ наивысшей умопостигаемой сущности, общей уже людямъ и Божеству.

Какъ совершилось это чудесное возвышеніе слова? Первоначально „духъ" означалъ только вѣяніе, т. е. движущуюся волну воздуха; но вѣроятно очень рано въ кругѣ этого общаго смысла обособился болѣе узкій и спеціальный смыслъ—воздушной волны, исходящей изъ устъ человѣка. Такъ образовались два родственныхъ, но разныхъ значенія слова „духъ": вѣянье и дыханіе. Но вѣянье только внѣшнимъ образомъ важно для человѣка, какъ явленіе окружающей его природы, дыханіе же является неотъемлемой частью его собственнаго существа; и потому дальнѣйшее развитіе обоихъ значеній пошло разными путями: „духъ какъ вѣянье" сталъ расширять свой смыслъ экстенсивно, по мѣрѣ того какъ человѣкъ все лучше узнавалъ міръ, „духъ какъ дыханіе", наоборотъ, сосредоточенно углублялъ свой смыслъ сообразно растущему самопознанію человѣка. И такъ какъ оба значенія все-таки выражались однимъ и тѣмъ же словомъ, то всякое завоеваніе одного неизбѣжно доставалось въ удѣлъ и другому, такъ что оба смысла — природный

и человѣческій — на всемъ пути своего самостоятельнаго развитія взаимно обогащали другъ друга и тѣмъ сугубо возвышали общій смыслъ слова „духъ“.

Свое первое и навѣки важнѣйшее завоеваніе „духъ-вѣянье“ сдѣлалъ тогда, когда особенной формой вѣянья былъ признанъ запахъ. „Духъ-запахъ“ явился не только пространственнымъ расширеніемъ изначальнаго смысла: на новомъ мѣстѣ, въ своемъ новомъ значеніи, слово „духъ“ какъ бы вдругъ расцвѣло и раскрылось; оно обнаружило въ себѣ новое, раньше скрытое содержаніе. Простая струя воздуха однородна и опредѣленно-вещественна; но въ томъ особенномъ дуновеніи, которое мы ощущаемъ какъ запахъ, явственно различаются не одинъ, а два дѣятеля: движущаяся волна воздуха и чувственная окраска этой волны, собственно запахъ. Именно этотъ второй дѣятель стали обозначать теперь словомъ „духъ“. Такимъ образомъ, первоначальная, простая вещественность „духа“ уступила мѣсто новому представленію; если „духъ“ и раньше означалъ матерію легкую и разрѣженную (воздухъ), то теперь онъ былъ познанъ какъ вещество высшаго рода, почти развоплощенное, какъ нѣкая безплотная сила, потому что *качество* вещи есть, правда, еще вещественность, но уже не вещество. Въ значеніи „запахъ“ слово „духъ“ было сразу вырвано изъ первобытной матеріальности и поставлено на путь абстракціи. Этотъ рѣшающій шагъ опредѣлилъ всю дальнѣйшую исторію слова „духъ“.

Тѣмъ временемъ и второе, параллельное значеніе слова „духъ“—„духъ-дыханіе“—само по себѣ несомнѣнно развивалось въ томъ же направленіи. Ибо съ той минуты какъ общее природное дуновеніе было пріурочено къ человѣку, слово „духъ“ начало и въ этой сферѣ наполняться соотвѣтственнымъ содержаніемъ.

Этотъ особенный видъ воздушной струи—дыханіе—привлекалъ къ себѣ, какъ уже сказано, несравненно болѣе пристальное вниманіе, нежели остальные виды вѣянья; и, конечно, очень рано было замѣчено, что дыханіе неизмѣнно свойственно всякому живому существу во все продолженіе его жизни, и, напротивъ, со смертью исчезаетъ, — что, слѣдовательно, дыханіе—не случайный, а необходимый признакъ жизни. Отсюда первобытный человѣкъ естественно заключилъ: жизнь и наличность дыханія суть тожество, жизнь и есть не что иное, какъ дышаніе. Эта идея тотчасъ угнѣздилась въ языкѣ; таковы русскія реченія: „испустить духъ“, „духъ вонъ“ въ значеніи „умереть“, и подобныя имъ во многихъ другихъ языкахъ. Позднѣе слово „дыханіе“ было даже вовсе приравнено къ слову „тварь“, т. е. живое существо: „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“. И вотъ, этотъ новый смыслъ слова

„духъ“: духъ какъ жизненное начало, повлекъ за собою тѣ же самыя послѣдствія, какъ значеніе „запахъ“ для основного „духа-вѣянья“: онъ еще несравненно рѣшительнѣе вывелъ слово „духъ“ изъ грубой вещественности. Духъ-дыханіе есть явленіе доступное чувственному воспріятію; но духъ-жизнь есть явленіе всеобщее и не уловимое раздѣльными чувствами. Образъ, знаменуемый словомъ „духъ“, безмѣрно расширился въ объемѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ развоплотился почти до абстрактности. Такъ „духъ-дыханіе“ въ своемъ новомъ значеніи жизненнаго начала очутился бокъ-о-бокъ съ „духомъ-вѣяньемъ“, понятымъ какъ „духъ-истеченіе“, „духъ-запахъ“. Они встрѣтились теперь послѣ долгой разлуки и подали другъ другу руку, какъ два школьныхъ товарища, которые, не видавшись много лѣтъ, узнаютъ другъ въ другѣ, несмотря на разность опыта, людей одного духовнаго строя. И болѣе опредѣленный, болѣе положительный духъ-запахъ оказалъ драгоцѣнную помощь своему собрату — духу-дыханію жизни: помогъ ему своимъ опытомъ укрѣпиться на той зыбкой почвѣ, какую представляло понятіе „жизнь“.

Общаго между ними было то, что оба далеко ушли отъ той низменной, матеріальной среды, въ которой они родились. Одинъ, подвигаясь какъ-бы горизонтально въ своей родной плоскости, вдругъ оказался на рубежѣ ея, тамъ, гдѣ вещественность разрѣжена уже почти до неосязаемости; другой углублялся вертикально и, пробивъ всю толщу вещественности, точно такъ же увидалъ себя на грани ея, правда—на другой грани, гдѣ вещественность переходитъ не въ опредѣленную качественность дѣйствія (запахъ), а въ безъ-образную всеобщность какъ бытія, такъ и дѣйствія (жизнь). Но духъ-запахъ имѣлъ важное преимущество предъ духомъ-дыханіемъ. Волна воздуха, означавшаяся раньше словомъ „духъ“, есть простое единство; неизвѣстно, откуда она пришла, неизвѣстна также ея дальнѣйшая участь; она мыслится всегда, какъ нѣкоторый средній отрѣзокъ. Напротивъ, запахъ—явленіе двусложное: вотъ виновникъ запаха—пахнущій предметъ, личность, и вотъ порождаемая имъ пахучая волна, тоже въ своемъ родѣ самостоятельное существо, какъ столбъ дыма, поднимающійся отъ костра. Слѣдовательно, здѣсь образовалось представленіе—во-первыхъ, о существѣ грубо-матеріальномъ, и во-вторыхъ, о другомъ существѣ, болѣе тонко-матеріальномъ, которое пребываетъ не иначе какъ въ первомъ, и изъ него выдѣляется. Простая воздушная волна какъ-бы разложилась на двѣ опредѣленныя вещи: внизъ осѣло плотское тѣло, вверхъ поднялся его эѳирный „духъ“. Но именно таковъ былъ духъ какъ дыханіе жизни, только въ отношеніи запаха конечно рано была замѣчена эта *оформленность* истекшаго существа, тогда какъ

дыханіе сразу не могло быть понято столь ясно. И вотъ, эти два опредѣленныхъ свойства запаха-истеченія: его *производность* въ смыслѣ происхожденія, и его *самобытность* послѣ исхода,—какъ бы сообщились внутри общаго слова „духъ" отъ духа-запаха—человѣческому духу; слово „духъ" соединило въ себѣ ту абстрактность, которую оно уже пріобрѣло въ значеніи жизненнаго начала, съ обоими конкретными смыслами духа-запаха. Отъ этого отожествленія отвлеченнаго „духа" съ запахомъ или вообще истеченіемъ образовались двѣ обширныя группы реченій, изъ коихъ одна представляетъ духъ какъ *эманацію*, другая какъ *самостоятельное существо*.

Отожествленіе дыханія съ запахомъ въ общей идеѣ эманаціи совершилось, кажется, не сразу, а постепенно и съ большой осторожностью. Первымъ, какъ и естественно, осмѣлился на этотъ шагъ старый пращуръ духа, исконно-вещественный глаголъ „дышать". Онъ образовалъ по примѣру запаха реченіе: дышать чѣмъ-либо, конечно, еще въ своемъ древнемъ значеніи дуновенія, вѣянья; мы и теперь говоримъ; „отъ ея смуглыхъ щекъ такъ и вѣяло зноемъ и здоровьемъ", или: „такъ и пышетъ здоровьемъ". Такіе обороты, какъ „дышать злобой", „дышать ненавистью", образованы несомнѣнно по аналогіи съ запахомъ или вообще истеченіемъ. Пушкинъ говоритъ про Ленскаго: „Его перо любовью дышетъ", у Лермонтова сказано: „И дышетъ непонятная, святая прелесть въ нихъ": все это—какъ бы отвлеченныя выдѣленія нѣкоторыхъ конкретныхъ существъ; слово „дышать" употреблено здѣсь исключительно въ смыслѣ эманаціи. Только позднѣе, когда люди освоились съ этимъ новымъ значеніемъ слова „дышать", когда стало привычнымъ понимать дыханіе какъ эманацію дышащаго, этотъ смыслъ былъ перенесенъ и на слово „духъ". Что такое „германскій духъ"? У Крылова сказано: „Вдругъ сырный духъ лису остановилъ":—„германскій духъ" образованъ по образцу этого „сырнаго духа" или „виннаго духа" старой бочки, т. е. по принципу запаха, эманаціи. Чуткій слухъ Пушкина еще умѣлъ разслышать это прозябаніе отвлеченнаго смысла въ словѣ „духъ" изъ конкретнаго представленія „духъ-запахъ"; онъ говоритъ: „Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ"—т. е. поясняетъ „русскій духъ" какъ запахъ Руси. И всѣ реченія, гдѣ слово „духъ" соединено съ родительнымъ падежомъ (такъ назыв. у грамматиковъ genitivus auctoris или genitivus originis), принадлежатъ къ этой группѣ; заглавіе старой русской переводной книги: „Духъ Жанъ-Жака Руссо" (собраніе афоризмовъ изъ его сочиненій) имѣетъ точную аналогію въ стихѣ А. Толстого: „О свѣжій духъ березы!" Дальше слѣдуютъ еще болѣе отвлеченныя реченія, какъ „духъ законовъ", „духъ партій", „духъ вѣка", „въ духѣ того времени", и наконецъ вовсе

отвлеченныя: „духъ противорѣчія“, „духъ кротости, смиренномудрія и терпѣнія“, гдѣ смыслъ эманаціи уже совсѣмъ исчезъ, оставивъ по себѣ только свою оболочку: сочетаніе слова „духъ“ съ родительнымъ падежомъ.

Второе значеніе—духъ какъ обособленное явленіе, какъ личность — могло зародиться лишь непосредственно въ словѣ „духъ“, и именно въ томъ его состояніи, когда слово „духъ“ уже управляло родительнымъ падежомъ. Реченіе „духъ тьмы“ образовано по типу „духъ кротости“, т.-е. по типу эманативному; весь рядъ можно представить такъ, въ порядкѣ возрастающей отвлеченности: „духъ березы“ — „духъ законовъ“— „духъ кротости“—„духъ тьмы“. „Духъ тьмы“—родной братъ „духу кротости“, но глубоко отличается отъ него тѣмъ, что реченіе „духъ кротости“ имѣетъ цѣлью указать единственно происхожденіе (а тѣмъ—и характеръ) даннаго „духа“, подобно „духу березы“, тогда какъ въ реченіи „духъ тьмы“ этотъ первоначальный смыслъ родительнаго падежа уже значительно стерся и на первый планъ выступила та вторая особенность запаха—его оформленность. „Духъ тьмы“—существо, правда порожденное тьмою, но прежде всего—существо, личность. И опять Пушкинъ съ необыкновенной чуткостью подмѣтилъ эту блѣдную грань въ развитіи слова „духъ“ — его переходъ отъ эманативнаго смысла къ персональному; онъ прямо употребляетъ реченіе: „духъ“ съ родительнымъ падежомъ—въ значеніи „личность“:

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ.

Въ Евангеліи отъ Іоанна сказано: „Когда же пріидетъ... Духъ истины, *который отъ Отца исходитъ*, Онъ будетъ свидѣтельствовать о Мнѣ“. Здѣсь какъ бы на нашихъ глазахъ совершается воплощеніе Духа истины; по происхожденію онъ—эманація Бога, въ бытіи же—личность.

Такъ въ результатѣ долгаго и глубокаго развитія духъ приблизился къ моменту своего воплощенія, сохранивъ однако всю такъ трудно завоеванную имъ невещественность. Ему оставалось теперь сдѣлать еще только послѣдній шагъ: отчетливо раздвоиться въ своемъ познанномъ чудесномъ естествѣ— на *духъ-абстракцію* и *духъ-личность*, на духъ, какъ высшую, абсолютно безплотную энергію, и духъ какъ абсолютно же безплотное существо sui generis. Въ любомъ противопоставленіи духа плоти данъ первый полюсъ духа—его чистая умопостигаемость въ отличіе отъ чистой же вещественности тѣла, и въ словѣ „духовидецъ“ данъ второй полюсъ—духъ, облеченный личной формою и оттого по крайней мѣрѣ зримый. Такъ говорится: „вызывать духовъ,“ „духъ“ въ значеніи „призракъ“, „привидѣніе“, у Пушкина „чистый духъ“ вмѣсто „ангелъ“;

„нечистый духъ“, „злой духъ“ и т. п. Этотъ олицетворенный „духъ“ имѣетъ общаго съ духомъ-силою только безплотность, да еще нѣкоторую долю могущества, проистекающую, впрочемъ, не изъ его сущности, а именно изъ его минимальной вещественности, которая дѣлаетъ его неуязвимымъ для смертныхъ. Духъ - личность (ангелъ, демонъ) мыслится конечно прикрѣпленнымъ въ каждое данное мгновеніе къ опредѣленному мѣсту въ пространствѣ—по закону всякаго индивидуальнаго бытія. Напротивъ, духъ какъ сила универсаленъ. Онъ мыслится какъ высочайшее и оттого лишенное какой бы то ни было конкретной опредѣленности, неизсякаемо-дѣйственное начало, міровой принципъ жизни и движенія. Въ этомъ смыслѣ евангелистъ Іоаннъ далъ наивысшее истолкованіе слову „духъ“, написавъ: „Духъ есть Богъ“. То же представленіе очень тонко выразилъ Державинъ:

Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ.

Въ матеріальной исторіи человѣчества господствуетъ непреложный законъ, въ силу котораго каждый высшій строй развитія можетъ возникнуть только изъ останковъ предшествующаго. Здѣсь сынъ неизмѣнно пожираетъ отца, какъ и самъ въ урочный часъ будетъ растерзанъ своимъ порожденіемъ. Напротивъ, духъ содержитъ въ себѣ неизсякаемый запасъ протоплазмы; ему нѣтъ надобности освобождать матеріалъ изъ старыхъ формъ, чтобы переплавлять его въ новыя. Возводя слово „духъ“ отъ узкаго грубо-вещественнаго смысла до крайней и всеобъемлющей отвлеченности, языкъ не уничтожилъ ни одного изъ пройденныхъ значеній, но всѣ ихъ закрѣпилъ и сохранилъ въ прежней силѣ. Мы и теперь употребляемъ слово „духъ“ въ его древнѣйшемъ значеніи воздушной волны, когда говоримъ: „духовое ружье“, „духовой шкапъ“, „духовая музыка“. „Духъ“ и теперь значитъ „дыханіе“; мы говоримъ: „захватило духъ“, „перевести духъ“. Онъ и теперь означаетъ „жизнь“ въ реченіяхъ, какъ „испустить духъ“. Онъ означаетъ и запахъ, откуда наше слово „духи“. Тѣмъ болѣе, конечно, уцѣлѣли всѣ позднѣйшія, сравнительно недавнія значенія его въ смыслѣ эманаціи, понимаемой все болѣе отвлеченно, какъ „духъ березы“ „духъ вѣка“, „духъ кротости“, и наконецъ въ смыслѣ олицетворенія, какъ „духъ тьмы“ и просто „духъ“ - привидѣніе. Въ

славянской фразѣ „Духъ вѣетъ идѣ же хощетъ" какъ бы сразу воплощена тысячелѣтняя біографія слова „духъ", потому что „духъ" понятъ здѣсь и какъ безплотная міродержавная сила, Божественный абсолютъ, — и какъ вещественное нѣчто, подлинно—прахъ земной, „вѣющій" дуновеніемъ вѣтра,—и оба эти полярные смыслы его свились въ образъ конкретной личности, обладающей личной волею, отчего „Духъ" и написанъ здѣсь съ прописной буквы и о немъ сказано, что онъ „хочетъ".

Древне-арійское слово dhu или dhea, легендарный прощуръ, отъ котораго ведутъ свое происхожденіе наши слова: духъ, дыханіе, дымъ и всѣ ихъ несмѣтныя поколѣнія, строго завѣщалъ своимъ потомкамъ: „Я былъ созданъ для того, чтобы знаменовать движеніе; движеніе — мой единственный смыслъ. Нынѣ вамъ передаю дѣло мое. Блюдите свято это значеніе. Какова бы ни была ваша судьба,—въ богатствѣ и въ бѣдности, на всѣхъ поприщахъ жизни, не измѣняйте ему никогда, вы и ваши потомки".

Слово „духъ" навѣки осталось вѣрно родительскому завѣту: оно пронесло древній смыслъ чрезъ всѣ ступени своего возвышенія; какъ воздушная струя, какъ дыханіе, какъ запахъ, какъ отвлеченная эманація — оно всегда и неизмѣнно включало въ себя смыслъ движенія. Даже въ олицетворяющемъ смыслѣ своемъ, какъ духъ-безплотное существо, оно не уклонилось отъ пути, потому что „духъ-призракъ", „духъ-ангелъ", „злой-духъ" мыслятся преимущественно какъ дѣйствующіе, а не пребывающіе, и лишены почти всѣхъ признаковъ статическаго бытія.

Какъ терминъ, означающій движеніе, слово „духъ" на вершинѣ своего развитія естественно пріобрѣло смыслъ абсолютнаго движенія, отрѣшеннаго отъ всякихъ формъ. Въ этомъ смыслѣ духъ универсаленъ и сверхличенъ; онъ одновременно пребываетъ и въ цѣлостномъ строѣ вселенной, и въ отдѣльномъ созданіи. „Духъ"—въ подлинномъ смыслѣ слова понятіе пантеистическое, какъ „энергія" современной физики. „Духъ" не можетъ быть заключенъ въ личности: онъ только дѣйствуетъ въ ней и изъ нея, какъ винный запахъ—въ этой бочкѣ, какъ міровая энергія—въ этомъ водопадѣ, или жизнь—въ этой бабочкѣ, не переставая однако быть и во всѣхъ другихъ.

Именно въ этомъ высшемъ своемъ смыслѣ, достигнувъ уже предѣльной абстрактности, слово „духъ" было наконецъ примѣнено для означенія человѣческой психики. Здѣсь оно образовало двѣ группы словъ и реченій. Высшая группа вполнѣ сохраняетъ тотъ смыслъ безусловной противоположности всему статическому—прежде всего, значитъ, плотскому, бренному, — который слово „духъ" пріобрѣло въ концѣ своего пути. Во вселенной духъ есть Богъ, въ человѣкѣ духъ—высшая и совершенно-безплотная божественная сила: я говорю „божест-

сная", потому что въ примѣненіи къ человѣку духъ мыслится непремѣнно пантеистически. Таковъ смыслъ реченій: „духовный голодъ" („Духовной жаждою томимъ"), „духовный стихъ", „духовный отецъ", „духовенство", „духоборы", „быть на духу", и т. п.

Иначе понимается слово „духъ" въ примѣненіи къ *отдѣльной* личности. Поскольку духъ пребываетъ во мнѣ, отдѣльномъ человѣкѣ, онъ и есть во мнѣ единственная движущая сила; въ этомъ смыслѣ ему противоположны апатія, косность, нерѣшительность. Такъ образовались реченія: „не хватаетъ духа", „собраться съ духомъ", „придать духа", „падать духомъ", „присутствіе духа", „быть въ духѣ", не „въ духѣ", и т. п. Этотъ спеціальный, въ примѣненіи къ отдѣльному человѣку, смыслъ слова „духъ" есть позднѣйшее съуженіе основного полнаго смысла, знаменующаго ту высшую умопостигаемую сущность, которая во-вѣки равна себѣ и не знаетъ ни подъемовъ, ни упадка, ни разсѣянія. Здѣсь въ созрѣвшемъ словѣ „духъ" какъ бы вновь проступили пятна того давняго психологизма, который невидимо зародился въ „духѣ-дыханіи" и позднѣе, растаявъ, изчезъ.

Теперь ясно, что слово „душа" могло возникнуть лишь послѣ того, какъ слово „духъ" завершило путь своего развитія. Слово „духъ" въ его послѣднемъ, отвлеченнѣйшемъ смыслѣ, было примѣрено къ внутреннимъ состояніямъ отдѣльной человѣческой личности—и здѣсь оказалось недостаточнымъ. Видно, русскій народъ уже зналъ цѣлую категорію психическихъ состояній, не выразимыхъ словомъ „духъ"; и когда было дознано въ опытѣ, что всѣ онѣ подлинно составляютъ единство, явилась потребность образовать новое слово для обозначенія этой множественной цѣлости. Народный разумъ въ высшей степени экономенъ—и смѣлъ.

Я разскажу дальше, какъ искусно и просто, точно играя, онъ вылѣпилъ новое слово „душа", и какъ тонко разсчитаны закономѣрныя движенія этого слова. Его конструкція и смыслъ недвумысленно показываютъ, зачѣмъ и когда оно понадобилось. Очевидно, слово „духъ" оказалось недостаточнымъ какъ-разъ вслѣдствіе своей избыточности, вслѣдствіе своей универсальности. Очевидно, къ тому времени, когда оно пріобрѣло свой отвлеченнѣйшій смыслъ, отдѣльная личность уже отчетливо сознала замкнутость своей внутренней жизни, ощутила себя стройной и самостоятельной организаціей въ цѣлостномъ составѣ міра. Личность движима особеннымъ механизмомъ, пусть и подчиненнымъ общему „духу", но какъ-то мѣстно изолиро-

ваннымъ. Та уже совершенно безъ-образная, разсѣянная, весь міръ наполняющая энергія, которая теперь обозначалась словомъ „духъ", въ личности какъ бы оплотнѣваетъ и ощущается чувствомъ какъ внутреннее ядро человѣка, обладающее несравненно большей оформленностью, нежели умопостигаемый „духъ". Эту замкнутость и конкретность исключало слово „духъ". Надо было создать новое слово, которое обрисовывало бы какъ разъ эти двѣ особенности индивидуальной психики. Въ словѣ „духъ" личность чувствовала себя космически-распыленной, безличной; ей было холодно въ словѣ „духъ", — хотѣлось наоборотъ всегда знать себя неразложимымъ и самоправнымъ единствомъ. И такъ какъ ни на минуту не возникало сомнѣнія, что индивидуальная психика есть лишь внутри-личное уплотненіе всемірнаго духа, то новое слово было создано изъ стараго слова „духъ" путемъ соотвѣтственной переработки его. Важнѣе всего было сохранить корень, dhu, чтобы по завѣту родоначальника и въ новомъ обликѣ знаменовать движеніе.

Древній русскій мыслитель точно опредѣлялъ *отношеніе* духа къ душѣ: *духъ есть* Богъ, душу же Богъ *создалъ*. Авторъ Палеи XIV вѣка возстаетъ противъ нелѣпаго мнѣнія, будто душа происходитъ „отъ существа Божія", т.-е. субстанціально тожественна Ему: „Аще оубо бы отъ существа Божия была душа, то всѣмъ бы одинака была; но се оубо видимъ разньство, яко во иномъ мудра, во иномъ же есть буя, въ друземъ же неразумѣва, а въ друземъ же размыслива, и нравомъ обдержащися на злое клонится, иная же на благое, иная же правду хваляши и добрыя нравы любящи; *Божие же существо не раздѣляется на примняется*".

Основное слово „духъ" и произведенное изъ него слово „душа" относятся другъ къ другу такъ же, какъ „господ-инъ" и „госпож-а", „лодочник-ъ" и „лодочниц-а", вообще какъ всякая пара соотносительныхъ словъ, разнящихся въ отношеніи пола. Они отличаются другъ отъ друга только суффиксами: исконный мужской *инъ* или *ъ* замѣняется женскимъ *а*, и соотвѣтственно смягчается послѣдняя предъ суффиксомъ согласная; въ словѣ „госпожа" коренное *д* смягчено въ *ж*, въ словѣ „лодочница" *н* образовано изъ коренного *к*. Совершенно такъ же изъ двухъ измѣненій, помощью которыхъ слово „духъ" превращено въ слово „душа", одно является основнымъ и преднамѣреннымъ, именно замѣна *ъ* женскимъ *а*, другое же—смягченіе *х* въ *ш*— самостоятельнаго характера не имѣетъ, но есть лишь механическое слѣдствіе перваго, какъ въ словахъ: „страхъ"—„страшный", „пухъ"—„пушинка", „дыханіе"—„дышать". Подобно тому, какъ Богъ во дни творенія захотѣлъ дать Адаму жену и создалъ ее не изъ земли, какъ Адама, а изъ плоти Адама-же и въ Адамовой формѣ, такъ русскій на-

родъ въ какое-то время счелъ нужнымъ поставить рядомъ со словомъ „духъ“ въ его психологическомъ значеніи такое же, но женское имя, и не создалъ его заново, а съ обычной своей практичностью образовалъ его изъ наличнаго уже мужского имени, употребивъ на эту подѣлку лишь минимальныя и безусловно необходимыя средства. Онъ далъ старому виду только одинъ отличный органъ (новый суффиксъ *а* вмѣсто *ъ*), функція котораго уже сама закономѣрно породила вторичное половое измѣненіе, *ш* вмѣсто *х*, какъ бы мягкую округлость женскаго стана вмѣсто мужской жесткости.

Но нѣтъ: русскій „духъ“, подобно еврейскому Богу, не имѣетъ жены. Душа—дочь вселенскаго духа и жена индивидуальнаго тѣла.

Слово „духъ“ образовано изъ корня dhu, слово „душа“—изъ слова „духъ“. Но много ли значитъ матеріалъ? Адамъ, созданный изъ земли, и Ева, созданная изъ его ребра, развѣ не стали равноправными мужчиной и женщиной?—Важно то, что и въ Еву, какъ раньше въ Адама, Богъ вдунулъ свое дыханіе и образовалъ ее по своему образу и подобію. Такъ и русскій народъ одинаково творчески создалъ древнее слово „духъ“ и позднѣйшее слово „душа“, соподчинивъ ихъ плотски для того, чтобы они ощущали свою природную родственность и сліянность.

„Духъ“—мужескаго рода, „душа“—женскаго. Слово „духъ“ звучитъ сухо и замкнуто, „душа“ звучитъ мягко и открыто. И не случайно слову „душа“ приданъ именно тотъ характеръ, какой мы видимъ въ немъ. Слово это сразу предстаетъ намъ лишеннымъ той существенности, какая свойственна „духу“: оно измѣнило корню, перенеся удареніе съ него на суффиксъ: душà, и тѣмъ откровенно выставило на видъ свой полъ. Оно образовано не по типу „суша“, „груша“: оно носитъ удареніе на послѣднемъ слогѣ—и не принудительно, какъ „духъ“, а своевольно, потому что въ немъ вѣдь не одинъ, а два слога и удареніе могло бы пасть на первый изъ нихъ. И дальше „душа“, въ отличіе отъ „духа“, всюду обнаруживаетъ эту чрезмѣрную экспансивность, сохраняя свое страстное удареніе во всѣхъ косвенныхъ падежахъ: душѝ, душѣ, душѐю; она смиряется и входитъ въ себя только подъ властью неотразимаго насилія, т.-е. въ винительномъ: душу. Такъ глубоко она разнится отъ „духа“ уже по внѣшнему поведенію. Тамъ врожденная суровость и честность односложнаго слова и высокая мудрость въ безкорыстіи, въ самообладаніи; здѣсь—нервозный и слабый характеръ въ женственно-нѣжномъ обличьѣ.

Слово „душа“ почти не имѣетъ біографіи. Долгій жизненный опытъ прошелъ для него безслѣдно: со дня своего рожденія донынѣ оно на іоту не измѣнило своего смысла. Не мѣняясь внутренно, оно только расширяло кругъ своей дѣятельности,

т. е. вовлекалось все въ новыя сочетанія словъ или само основывало ихъ. Оно объемлетъ узкій и опредѣленный кругъ явленій. Духъ универсаленъ, къ слову „духъ“ неприложимо притяжательное мѣстоименіе: мой, твой, его. Напротивъ, „душа“ всегда употребляется или по крайней мѣрѣ мыслится въ соединеніи съ такимъ мѣстоименіемъ. Въ томъ-то и обнаруживается сравнительная овеществленность души, что она пребываетъ непремѣнно въ отдѣльномъ живомъ существѣ и уже болѣе ни въ какомъ другомъ, какъ любой матеріальный предметъ обязательно находится въ опредѣленной точкѣ пространства и больше въ то же мгновеніе нигдѣ. Духъ вездѣсущъ, онъ владыка надъ тварью—всегда во всемъ и никогда не замкнутъ ни въ одномъ созданіи; душа не имѣетъ крыльевъ, чтобы летать, она индивидуальна, т. е. заперта въ личности, какъ ея собственность: моя душа. Другими словами, „духъ“ по самому существу понятія есть не что иное, какъ чистѣйшее начало мірового движенія; напротивъ, душа означаетъ лишь опредѣленную форму движенія,—ту, которую міровое движеніе принимаетъ въ личности. Такъ мы одинаково называемъ движеніемъ, но разумѣемъ разное, когда говоримъ о рѣкѣ, движущей свои воды вдаль на протяженіи сотенъ верстъ, и о движеніи мельничнаго колеса, вращаемаго той рѣкою вокругъ своей оси. *Въ строгомъ смыслѣ слова* по-русски нельзя сказать: мой духъ, хотя можно сказать въ эманативномъ значеніи: духъ Вольтера; но можно и должно говорить: моя душа, какъ нельзя сказать: моя женственность, ни: моя женщина, но непремѣнно: моя жена, или вообще чья-нибудь. Въ этомъ пунктѣ обыденное литературное словоупотребленіе погрѣшаетъ на каждомъ шагу; ошибался, и не разъ, даже Пушкинъ. У него есть два односмысленныхъ стиха:

Душа кипитъ и замираетъ
(„Погасло дневное свѣтило“)

Въ немъ замеръ духъ и взволновался
(„Сводъ неба мракомъ обложился“)

изъ нихъ точенъ только первый, — второй терминологически ошибоченъ. Нельзя сказать:

Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ
(„Утопленникъ“)

нельзя сказать:

Окаменѣлъ мой духъ жестокій
(„Братья-разбойники“)

но правильно сказано (тамъ-же):

Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства,

правильно:

Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Вещественность души сказывается не только въ ея исключительной принадлежности одному человѣку: по народному представленію душа просто заперта въ человѣкѣ, находится внутри его, какъ кинжалъ въ ножнахъ или монета въ кошелькѣ. Объ исхудаломъ тѣлѣ говорятъ: „въ чемъ только душа держится". Оттого и мозжочекъ гусинаго пера называется „душею"; всѣ знаютъ загадку о гусиномъ перѣ для писанья: „Голову отрѣжу, душу выну, дамъ пить, станетъ говорить". Пьяница, поднося рюмку ко рту, говоритъ: „Сторонись, душа, оболью". И еще внутри человѣка душа имѣетъ опредѣленное мѣстопребываніе. Покуда она на своемъ законномъ мѣстѣ—все хорошо, но состояніе человѣка становится ненормальнымъ, какъ только душа смѣщается; тогда говорятъ: „душа не на мѣстѣ", „душа ушла въ пятки".

Эта внутри человѣка пребывающая душа мыслится часто какъ вещь, конечно, только потому, что она составляетъ собственность своего владѣльца. Душу можно отдать, какъ вещь; говорятъ: „отдать Богу душу", „положить за кого душу", „выложить предъ кѣмъ душу". Такой же предметный смыслъ имѣютъ реченія: „кривить душою", „открыть кому всю душу", „душа на распашку", „тяжело на душѣ", „взять грѣхъ на душу", „въ чужую душу не влѣзешь", „въ глубинѣ души" и вообще „въ душѣ", напримѣръ, „проклинать въ душѣ" и т. п. Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" такъ говорится о смерти Изяслава: „изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожерелье" (очевидно, ему перерѣзали горло). Иногда же душа представляется живымъ, самодѣйствующимъ существомъ: „душа не принимаетъ", „душа замираетъ", „...такъ хорошо, что душа умиляется", „душа мѣру знаетъ", „душа съ Богомъ разговариваетъ" (объ отрыжкѣ). Душа по своей матеріальности можетъ быть большой или маленькой: „у француза ножки тоненьки, душа коротенька"; „мелкая душонка"; ее можно приласкать уменьшительнымъ именемъ: „душенька".

Біологически душа есть то въ человѣкѣ, что дѣлаетъ его живымъ; оттого живыя существа называются „одушевленными" и оттого смерть обозначается реченіями: „отдалъ душу Богу", „положить за кого душу", „душа вонъ". Душа въ человѣкѣ—то же, что вѣтеръ для вѣтряной мельницы или паровозъ для поѣзда: механизмъ движенія. Отсюда естественно возникло отожествленіе самого индивидуума съ душою, какъ важнѣйшей частью его: слово „душа" употребляется въ смыслѣ „человѣкъ", подобно тому какъ простолюдинъ скажетъ: „машина" о желѣзнодорожномъ поѣздѣ и „вѣтрякъ" о мельницѣ. Говорятъ: „на улицѣ—ни души", „въ селѣ душъ двѣсти", „ро-

визскія души", крѣпостныхъ называли „душами", и т. п. Тѣло и находящаяся въ немъ душа—два разныхъ предмета, отсюда поговорка: „ни душой, ни тѣломъ не виноватъ",—и смерть механически разлучаетъ ихъ; говорятъ: „душа съ тѣломъ разстается"; есть пословица о зернѣ и соломѣ послѣ молотьбы: „душу въ рай несутъ, тѣло въ край везутъ", а въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" кровавая битва на Нѣмигѣ изображена такимъ уподобленіемъ: „на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла". Но душа, какъ самостоятельная вещь, безсмертна; *она продолжаетъ жить и послѣ смерти своего собственника; оставаясь и тогда индивидуальной:* это надо особенно замѣтить она удаляется, смотря по своимъ прижизненнымъ грѣхамъ или заслугамъ, либо въ рай, либо въ адъ. Даль сообщаетъ пословицу: „душка не сучка, не вышлешь вонъ, когда Богъ не возьметъ", въ запорожской поговоркѣ допросъ души послѣ смерти кончается приговоромъ: „Ступай, душа, въ рай"; о колоколѣ, пожертвованномъ за упокой, говорятъ, что онъ вызвонитъ душу изъ ада; молятся за упокой души, пекутся о спасеніи души, и т. д.

Но самый характерный признакъ души—ея женственность. Душа—не только женщина по полу: въ отношеніи къ тѣлу она—подлинно жена. Она собственно для того и создана, чтобы мудро и благостно править грубымъ, буйнымъ, обуреваемымъ животными страстями тѣломъ. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что русскій простонародный образъ души, какъ жены-домоправительницы тѣла, чрезвычайно похожъ на тотъ стилизированный образъ женщины, который нарисовалъ Шиллеръ въ стихотвореніи „Würde der Frauen".

Сила грубая мужчины
Устремляется въ пучины,
Гдѣ царитъ мятежно страсть.

Духъ мужчины—разрушенья
Дышетъ силой роковой;
Въ необузданномъ стремленьи
Онъ проносится грозой.

Холодна душа мужская...

Страсти бѣшеною бурей
Разыгрались—и царитъ
Всюду голосъ адскихъ фурій
Вмѣсто голоса харитъ.

Таково тѣло: мужъ. А вотъ жена—душа.

Женщина властью своей неизмѣнной—
Мольбою и лаской—царица вселенной...
Смягчая раздоръ, зажигающій кровь,
Она примиряетъ враждебныя силы...
Съ силой чарующей женщины взглядъ
Вновь бѣглеца призываетъ назадъ
Въ міръ настоящаго...
...Свѣтлаго чувства огонь затаенный
Въ кроткой груди неизмѣнно горитъ...
...Вздымается грудь
Нѣжнымъ участьемъ при видѣ страданья.

Пер. О. Чюминой.

Душѣ, какъ женѣ въ домѣ, принадлежитъ высшая разумная власть въ человѣкѣ, рѣшающій голосъ во всѣхъ его побужденіяхъ; оттого говорится: „душа всему мѣра", „душа мѣру знаетъ", „душа не принимаетъ", „сколько душѣ угодно", „какъ Богъ на душу положитъ",—такъ что ея біологическая роль какъ бы сливается съ ея нравственной функціей; она мыслится вообще какъ глубинная, подлинная воля личности; говорятъ: „это мнѣ по душѣ, не по душѣ". Но ея воля—не одна; въ человѣкѣ есть и другая воля, воля плоти, и эти двѣ воли—высшая, души, и низшая, тѣла,—вѣчно спорятъ между собою: „душѣ съ тѣломъ мука", „плоть душѣ ворогъ", и т. д., и нерѣдко плоть побѣждаетъ: „грѣшное тѣло и душу съѣло", „погубилъ ты свою душу". Душа—не Богъ, а лишь созданіе Бога; въ ней нѣтъ чистой духовности. Въ ея характерѣ опредѣленнѣе всего выступаетъ общая женская возбудимость, эмоціональность: „душа вся изныла", „за душу беретъ", „душа не на мѣстѣ", „душа замираетъ", „душа умиляется", „на душѣ легко, тяжело". Она сосредоточиваетъ въ себѣ всю теплоту чувства—отсюда слово: „задушевность". Скажу: „задушевный" и тотчасъ вспоминается: „у него за душой нѣтъ ни гроша". „За душой"—какъ за печкой; „задушевный"—„запечный". За печуркой тепло, темновато, немного душно, уютно; тамъ можно отдохнуть и согрѣться,—но долго сидѣть тамъ не хочется. Такъ изъ мужественнаго нѣмецкаго Muth образовались слабосильное Gemüth и особенно gemüthlich, одно изъ пошлыхъ словъ нѣмецкаго духа. Таковы еще: „душевный человѣкъ" (или, напротивъ, „бездушный"), „душевный другъ", „съ душевнымъ прискорбіемъ"; отсюда и такія выраженія, какъ: „въ ея пѣніи много души", „быть душою бесѣды", „душа общества", „душа-человѣкъ", и обращеніе: „душа моя!" Душа есть искренность, совѣстливость и доброта въ человѣкѣ: „отъ всей души" значитъ просто „искренно"; „радъ всей душой", „поговорить по душѣ", „жить душа въ душу", „открыть предъ кѣмъ душу". Но мораль-

ный элементъ не есть сущность души: онъ лишь слѣдствіе ея природной чувствительности. Потому что души бываютъ и дурныя: „черная душа“, „каменная душа“; нельзя слѣпо полагаться на ея благость: „чужая душа—потемки“, „въ душу не влѣзешь“. Разгаръ чувствительности мы называемъ „одушевленіемъ“, мы говоримъ: „воодушевиться“; наоборотъ, атрофія чувствительности въ человѣкѣ обозначается реченіемъ: „безъ души“. „Онъ отъ своей жены безъ души“ значитъ: „такъ любитъ свою жену, что ужъ ничего кругомъ не видитъ и не слышитъ“ (сравни: „безъ памяти влюбленъ“). У Крылова:

Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.

Тотъ же смыслъ — въ оборотѣ: „въ комъ-нибудь души не чаять, не слышать“.

Природныя созданія измѣняются непрерывно, человѣческія навсегда остаются неподвижными въ своей формѣ. Но есть геніальныя и бездарныя созданія человѣка; при общей внѣшней неизмѣнности, геніальныя отличаются отъ бездарныхъ ничѣмъ другимъ, какъ только внутренней расширяемостью. „Гамлетъ“ Шекспира почти безпредѣльно емокъ; англійскій парламентъ, созданный для узкой конкретной надобности, оказался способнымъ вмѣстить въ себя необозримо-сложную жизнь современнаго государства. Такъ и слова бываютъ болѣе и менѣе геніальны. Слово „духъ“ принадлежитъ къ числу геніальнѣйшихъ.

Какъ ангелы въ сновидѣніи Іакова всходили по лѣстницѣ съ земли въ небо, какъ порою человѣкъ переживаетъ въ мгновеніи вѣчность, такъ русскій народъ въ словѣ „духъ“ прошелъ весь путь познанія—отъ *вещества* въ его низшемъ, еще слабо-оформленномъ состояніи—до наивысшей и уже всеобщей *идеи*, отъ мельчайшей раздѣльности до слитнаго единства, отъ праха до Бога. И проходя дальше, все дальше, познавалъ этотъ путь какъ единый горный путь, и оттого не разрушалъ пройденныхъ ступеней, но утверждалъ ихъ навѣки; и нынѣ, пройдя всѣ и озирая все его протяженіе, твердо знаетъ, что начало и конецъ пути—одно, что нѣтъ двухъ міровъ, вещественнаго и духовнаго, но и вѣянье воздуха есть Богъ, и Богъ—въ вѣяньи, дыханіи и запахѣ. Онъ позналъ, что духъ живетъ двойнымъ бытіемъ: какъ единая и нераздѣльная сущность-движеніе всего мірозданія, и какъ спеціальный двигатель въ отдѣльныхъ созданіяхъ. Единый всемірный духъ умопостигаемъ, въ раздѣльности же онъ принимаетъ формы, отчасти доступныя чувственному опыту. Такъ, въ воздухѣ онъ—дуновеніе, въ цвѣткѣ—запахъ, а нисходя въ человѣка, онъ воплощается въ женскомъ образѣ души. Духъ вѣченъ, душа

же только безсмертна, потому что она рождается вмѣстѣ съ личностью. Духъ не подвластенъ судьбѣ; онъ—чистая активность, въ томъ смыслѣ, что онъ есть и дѣйствуетъ, но не терпитъ; поразительно, какъ рѣдко приходится употреблять слово „духъ“ въ винительномъ падежѣ. Для души страдательное состояніе (винительный падежъ), можетъ быть, даже болѣе обычно, нежели свободное самоопредѣленіе; ея жизнь есть закономѣрная послѣдовательность опредѣленной, индивидуальной доли. Поэтому бытіе духа представляется вовсе непознаваемымъ, между тѣмъ какъ судьбу индивидуальной души народъ мыслитъ раціонально, какъ цѣпь причинъ и слѣдствій. Внѣвременный духъ вѣетъ въ мірѣ вещественнымъ вѣяньемъ, и дуновенія его, какъ бы силою вихреобразнаго движенія, оплотнѣваютъ здѣсь въ души; но разъ возникши, душа уже не можетъ прейти, какъ не можетъ и развоплотиться: она индивидуально-безсмертна, она и послѣ разрушенія личности имѣетъ свою личную участь и пребываетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ; ей никогда не слиться съ другими душами въ единство духа. Этой мыслью о неистребимости и несліянности душъ русскій народъ заявляетъ: „твердо знаю, что личность безсмертна; я, Иванъ такой-то, разъ созданный, не прейду уже во-вѣкъ; тѣло мое сгніетъ и обратится въ прахъ, но *самъ я* въ какой-то другой формѣ буду жить во всѣ времена столь же своеобразный и несравнимый, какимъ я созданъ“.—Поразительная мысль! Вѣдь она означаетъ и большее себя; она означаетъ, что Хозяинъ міра ограниченъ—или добровольно ограничилъ себя—въ своемъ полновластіи: онъ создаетъ личности, но безсиленъ уничтожать ихъ; малѣйшая букашка, родившись, уже обезпечена личнымъ безсмертіемъ, и тѣмъ равна Божеству; Его творчество не безотвѣтственно — оно безповоротно связываетъ Его безсмертіемъ Его созданій, какъ несмѣняемость назначенныхъ судей связываетъ предержащую власть. Знайте: что родилось, то безсмертно, ибо все въ мірѣ есть Духъ, а Духъ есть только движеніе: какъ можетъ движеніе само остановить себя?

М. Гершензонъ.

Новое лицо въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго.

Сейчасъ кажется, что попраны завѣты самоотверженныхъ борцовъ за народное благо. Жизнь не склонна поддаваться человѣческому внушенію, самому искреннему и гуманному,— сурово говорятъ наши дни.

И невольно приходятъ на умъ образы „Бѣсовъ“. Многимъ кажется, что они тожественны съ нашей дѣйствительностью. Сейчасъ часто слышишь: то, что померещилось обезумѣвшему художнику въ гоголевскомъ „Портретѣ“, свершается на яву: жуткіе образы Липутина, Верховенскаго и присныхъ ожили, обрѣли свое выраженіе въ злобѣ нашего дня, воплотились въ живыхъ людяхъ современности, и Россія, въ массѣ безграмотная, читаетъ, не вѣдая того, пророческія страницы „Бѣсовъ“.

Можемъ ли мы, послѣ всѣхъ разочарованій и скорбей, сказать это убѣжденно, вѣря до конца? Глядимъ ли мы достаточно зорко вокругъ, не застилаетъ ли нашъ взоръ роковая пелена?

Въ трудные дни вернулись мы къ „Бѣсамъ“. Отверженная лучшими людьми 70 г. г., заклейменная ими какъ надуманная, лживая и клеветническая,—эта книга предстала сейчасъ роковымъ искушеніемъ. Отношеніе къ ней, быть можетъ, скажется на нашемъ будущемъ.

I.

Литература, посвященная „Бѣсамъ“, совершенно не разсматриваетъ разсказчика романа какъ дѣйствующее лицо. Въ нашемъ изслѣдованіи мы попытаемся выявить, по мѣрѣ силъ, подлинный, живой образъ разсказчика.—Обнаруженіе лица, *психически* воспринявшаго содержаніе романа и передавшаго

это содержаніе уже отраженнымъ въ себѣ,—помимо литературнаго значенія, важно, какъ попытка психологическимъ путемъ безпристрастно разобраться въ произведеніи, вызвавшемъ столь пристальное вниманіе.

Для нашей задачи сначала представляется необходимымъ уяснить душевное состояніе автора при писаніи изслѣдуемаго произведенія. Для этого мы обратимся къ анализу писемъ Достоевскаго въ періодъ созданія „Бѣсовъ".

12 февраля (стараго стиля) 1870 г. Достоевскій пишетъ изъ Дрездена А. Майкову: ...„Сѣлъ за богатую идею, не про исполненіе говорю, а про идею. Въ родѣ „Преступленія и наказанія", но еще ближе, еще насущнѣе къ дѣйствительности и прямо касается современнаго вопроса. Кончу къ осени, не спѣшу и не тороплюсь. Постараюсь, чтобъ осенью же и было напечатано, а нѣтъ—такъ все равно... Никогда я не работалъ съ такимъ наслажденіемъ и съ такой легкостью". (Изд. 1883 г. 229 стр.)

Это письмо полно движенія; замыселъ захватилъ автора, онъ увлеченъ. Все кажется въ замыслѣ яснымъ, правдивымъ, значительнымъ. Въ томъ же духѣ написано письмо къ Н. Н. Страхову отъ 26 февраля. Ему же 24 марта онъ пишетъ снова:

...„Это одна изъ самыхъ дорогихъ мыслей моихъ, и мнѣ хочется сдѣлать очень хорошо... (На вещь, которую я теперь пишу въ „Р. В.", я сильно надѣюсь, но не съ художественной, а съ тенденціозной стороны;) хочется высказать нѣсколько мыслей, хотя бы погибла при этомъ моя художественность, но меня увлекаетъ накопившееся въ умѣ и въ сердцѣ; пусть выйдетъ хоть памфлетъ, но я выскажусь". (288 стр.).

„Накопившееся въ умѣ и въ сердцѣ" сдѣлало то, что замыселъ дался легко, представлялся прекраснымъ, возбуждалъ подъемъ и желаніе воплотить его въ образы. Правда, въ самомъ началѣ Достоевскій „смотрѣлъ на эту вещь, какъ на выдуманную, какъ на сочиненную, смотрѣлъ свысока". Но первоначальная стадія была пройдена, и авторъ въ упоеніи повѣрилъ въ Степана Трофимовича—Грановскаго, въ Кармазинова—Тургенева, въ обобщенную русскую дѣйствительность—нечаевскій процессъ. „Накопившееся въ умѣ и въ сердцѣ", а особенно въ сердцѣ,—на время разсѣяло сомнѣнія, нерѣшительность, и Достоевскій съ увлеченіемъ приступилъ къ воплощенію лелѣемыхъ образовъ.

Его ожидало тяжкое разочарованіе: слово воспротивилось мастеру. Но желаніе „высказаться" было очень сильно, и онъ черкалъ и снова писалъ, писалъ и черкалъ... Отраженіе этого состоянія мы находимъ въ письмѣ къ Н. Н. Страхову отъ 9 октября 1870 г.

„Не отвѣтилъ я вамъ до сихъ поръ потому, что буквально сидѣлъ не разгибая шеи за романомъ въ „Р. В.". До того не

удавалось, до того много разъ пришлось передѣлывать, что я, наконецъ, далъ себѣ слово не только не читать и не писать, но даже и не глядѣть по сторонамъ прежде чѣмъ кончу то, что задалъ себѣ. И это вѣдь еще только самое первое начало. Правда, романа много написано изъ середины, и много забракованнаго (разумѣется, не цѣликомъ). Но, тѣмъ не менѣе, хочется сдѣлать что-нибудь получше. Говорятъ, что тонъ и манера разсказа должны у художника зарождаться сами собою. Это правда, но иногда въ нихъ сбиваешься и ихъ ищешь. Однимъ словомъ, никакая вещь не стоила мнѣ большаго труда. Вначалѣ, т. е. еще въ концѣ прошлаго года, я смотрѣлъ на эту вещь, какъ на выдуманную, какъ на сочиненную, смотрѣлъ свысока. Потомъ посѣтило меня вдохновеніе настоящее и вдругъ полюбилась вещь, схватился за нее обѣими руками— давай черкать написанное". (296 стр.).

Тревожившія Достоевскаго мысли о надуманности романа имѣли глубокое основаніе. Вѣдь фурьеризмъ, напр., являющійся въ романѣ вѣяніемъ конца 60-хъ г.г., Достоевскій воспроизводилъ *по памяти*: фурьеризмъ увлекалъ молодежь 40-хъ г.г. Нечаевскій процессъ, т.-е. содержаніе соціальной части романа, былъ только процессомъ кучки людей; Достоевскій же обобщилъ явленіе, какъ типичную повседневность. Эта неправдивость основанія романа мучила автора, онъ чувствовалъ, что романъ *не можетъ быть* художественнымъ: этого не допуститъ слово. А съ памфлетомъ онъ все же не мирился.

2 марта 1871 г. Достоевскій пишетъ А. Майкову:

..."Лестный вашъ отзывъ о началѣ моего романа привелъ меня въ восторгъ. Боже, какъ я боялся и боюсь. Когда прочтете это—вѣроятно, уже прочтете и вторую половину I части въ февр. кн. „Р. В.". Что то скажете? Боюсь, боюсь я за дальнѣйшее—просто я въ отчаяніи, справлюсь ли. ...За все другое не отвѣчаю, но за это мѣсто [1]) отвѣчаю заранѣе. Но опять повторяю: боюсь, какъ испуганная мышь".

Достоевскій высказалъ увѣренность въ художественности наиболѣе слабаго мѣста въ романѣ; конецъ письма объясняетъ это заблужденіе.

„*Идея* [2]) соблазнила меня и полюбилъ я ее ужасно, но слажу ли, не [3])...—ли весь романъ—вотъ бѣда". (252 стр.).

Какъ ни велико было ослѣпленіе Достоевскаго обличительной идеей, совѣсть художника тревожила его. Эта тревога должна была возбудить горшую — сомнѣніе въ этичности выдумки, непріемлемой словомъ. Было ли это такъ, мы не знаемъ. Ясно только, что желаніе „высказаться" одержало верхъ.

---

[1]) Конецъ Степана Трофимовича.
[2]) Курсивъ Достоевскаго.
[3]) Пропущено.

Былъ написанъ захватывающій, страшный памфлетъ: тенденціозность помѣшала ему стать художественнымъ произведеніемъ. И только одинъ образъ крѣпъ и углублялся. И чѣмъ искаженнѣе становились лица, дѣйствующія въ романѣ, чѣмъ случайнѣе содержаніе его, тѣмъ законченнѣе и выразительнѣе выявлялся невидимый, во мракѣ растущій образъ разсказчика.

II.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказчику какъ къ лицу, одаренному самостоятельной душевной дѣятельностью, выяснимъ отношеніе къ нему самого Достоевскаго. Онъ, поскольку намъ извѣстно, мыслилъ разсказчика только какъ литературную форму. Для него разсказчикъ былъ традиціоннымъ средствомъ изображенія: Достоевскій влагалъ въ уста разсказчика свои мысли, свое отношеніе къ описываемому. Но въ процессѣ творчества, избыточнаго и яркаго, создавалось новое, непримѣтное для художника. Онъ не замѣчалъ, какъ яркіе мазки, которые онъ безъ умысла, нечаянно, по чьей-то прихоти въ немъ же самомъ, клалъ на полотно, будучи увлеченнымъ другимъ, главнымъ планомъ картины, слагались въ новыя черты, загорались отъ пламени, горѣвшаго въ смятенномъ воображеніи художника.

Этотъ скрытый художественны процессъ создалъ интимныя движенія, которыя не входили въ заданіе художника. Благодаря ему, разсказчикъ обрѣлъ *свою* жизнь, *свой* міръ, который опредѣлился сильнымъ чувствомъ къ женщинѣ. Но въ „Бѣсахъ“ больше ненависти, чѣмъ любви. Какъ пассивная форма, разсказчикъ долженъ былъ быть, по мысли Достоевскаго, объективнымъ излагателемъ событій. Въ этой объективности должна была заключаться сила повѣствованія, объективность же должна была внушить вѣру въ изображенное. Тутъ и сказался разладъ, который придалъ образу разсказчика страстность, мрачный паѳосъ. Бунтъ внутри Достоевскаго, обуревавшіе его мятежъ и ненависть создали особый стиль: объективному якобы изложенію сопутствуетъ опредѣленный *тонъ*, въ корнѣ преображающій то, о чемъ идетъ рѣчь. Отсюда тѣ противорѣчія, которыя возникаютъ въ повѣствованіи между заданіемъ Достоевскаго и изображеннымъ въ дѣйствительности; отсюда, слѣдовательно, и *обособленность,* бытіе разсказчика.

Жизнь художественнаго образа испытуется внѣшнимъ и внутреннимъ дѣйствіемъ, самъ образъ—ихъ согласнымъ сліяніемъ: душевной дѣйственностью. Къ внѣшнимъ дѣйствіямъ разсказчика относится *движеніе* въ смыслѣ драматическомъ; внутреннія выражаются въ личныхъ переживаніяхъ, въ раскрытіи характеровъ и въ связи отдѣльныхъ нитей романа. Одно

вкупѣ съ другимъ, и движеніе драматическое проявляется незамѣтно, когда говоритъ о себѣ само дѣйствующее лицо.

Личныя, интимныя переживанія сыграли въ созданіи живого, дѣйственнаго облика разсказчика рѣшающую роль. Они впервые проявились тогда, когда разсказчикъ коснулся своего отношенія къ Лизаветѣ Николаевнѣ.

Говоря о своей досадѣ на Степана Трофимовича, не рѣшавшагося сдѣлать визитъ Лизаветѣ Николаевнѣ, разсказчикъ замѣчаетъ:

— „Главное было въ томъ, что мнѣ самому ужасно хотѣлось тогда быть ей представленнымъ и отрекомендованнымъ, въ чемъ могъ я разсчитывать единственно на одного лишь Степана Трофимовича. *Чрезвычайное впечатлѣніе производили на меня тогда частыя встрѣчи мои съ ней*, [1]) разумѣется, на улицѣ, когда она выѣзжала прогуливаться верхомъ, въ амазонкѣ и на прекрасномъ конѣ, въ сопровожденіи такъ называемаго родственника ея, красиваго офицера, племянника покойнаго генерала Дроздова. Ослѣпленіе мое продолжалось одно лишь мгновеніе, и я самъ очень скоро потомъ созналъ всю невозможность мечты моей,—*но хоть на мгновеніе, а оно существовало дѣйствительно*, а потому можно себѣ представить, какъ негодовалъ я иногда въ то время на бѣднаго друга моего за его упорное затворничество“. (Изд. Маркса, стр. 79).

Черезъ нѣкоторое время Лизавета Николаевна посѣтила Степана Трофимовича, и разсказчикъ былъ ей представленъ. Тутъ же, у Степана Трофимовича, Лизавета Николаевна заговорила о Шатовѣ; она сказала, что хочетъ съ нимъ познакомиться, что онъ ей нуженъ, какъ помощникъ въ одной литературной работѣ. Разсказчикъ предложилъ свои услуги.

— „Я довольно хорошо знаю Шатова,—сказалъ я,—и если вы мнѣ поручите передать ему, то сію минуту схожу“.

— Передайте ему, чтобъ онъ завтра утромъ пришелъ въ двѣнадцать часовъ...

„Я, *разумѣется*, тотчасъ же побѣжалъ къ Шатову“. (Стр. 108).

Это порученіе, которое беретъ разсказчикъ, вслѣдствіе интимныхъ побужденій, дѣлаетъ его участникомъ и въ смыслѣ драматическомъ.

Шатова разсказчикъ не застаетъ и попадаетъ къ Кириллову (они живутъ рядомъ). Кирилловъ, по обыкновенію молчаливый, неожиданно высказывается передъ разсказчикомъ, привлеченный его внѣшнимъ сходствомъ со своимъ покойнымъ братомъ.

Въ этомъ разговорѣ Кирилловъ вскрываетъ свои потаенныя, мучающія его мысли о боли, о страхѣ передъ смертью, о богѣ-человѣкѣ, преодолѣвшемъ въ себѣ этотъ страхъ.

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ. С. Б.

Здѣсь разсказ· икъ дѣйствуетъ двояко: внѣшне (какъ собесѣдникъ) и внутренне: онъ вскрываетъ душевныя движенія.

Разсказчикъ передаетъ черезъ Кириллова приглашеніе Шатову явиться къ Лизаветѣ Николаевнѣ.

Они встрѣчаются у нея. Лизавета Николаевна предлагаетъ Шатову принять участіе въ одномъ литературномъ изданіи; тотъ соглашается. Неожиданно она заговариваетъ о Лебядкиныхъ; Шатовъ настороживается, заподозрѣвъ неладное. Потомъ вдругъ поднимается и уходитъ. Лизавета Николаевна въ отчаяніи, ей необходимо видѣть Лебядкину. Она прибѣгаетъ къ разсказчику за помощью, чувствуя, что онъ не откажетъ.

„У меня явилось страстное желаніе помочь ей во всемъ",— говоритъ разсказчикъ; онъ обѣщалъ.

„Я вышелъ подавленный моимъ обѣщаніемъ и не понималъ, что такое произошло. Я видѣлъ женщину въ настоящемъ отчаяніи, не побоявшуюся скомпрометировать себя довѣренностью почти къ незнакомому ей человѣку. Ея женственная улыбка въ такую трудную для нея минуту и намекъ, что она уже замѣтила вчера мои чувства, точно рѣзнулъ меня по сердцу; но мнѣ было жалко, жалко, — вотъ и все! Секреты ея стали для меня вдругъ чѣмъ-то священнымъ и если бы даже мнѣ стали открывать ихъ теперь, то я бы, кажется, заткнулъ уши и не захотѣлъ слушать ничего дальше. Я только нѣчто предчувствовалъ... И, однакожъ, я совершенно не понималъ, какимъ образомъ я что-нибудь тутъ устрою. Мало того, я все-таки и теперь не зналъ, что именно надо устроить: свиданье, но какое свиданье? Да и какъ ихъ свести? Вся надежда была на Шатова, хотя я и могъ знать заранѣе, что онъ ни въ чемъ не поможетъ. Но я все-таки бросился къ нему". (130 стр.).

Благодаря свиданію съ Шатовымъ, становятся извѣстны его взгляды на русскаго либерала, на „русскій атеизмъ". Этотъ же разговоръ выясняетъ его отношенія къ Кириллову, ихъ жизнь за границей подъ знакомъ Ставрогина. Попутно читатель знакомится съ Шигалевымъ, котораго разсказчикъ встрѣчаетъ у Шатова.

Свиданіе съ Лебядкиной выдвигаетъ личность, играющую крупную роль въ романѣ; благодаря ему, возникаетъ связь между отдѣльными отношеніями дѣйствующихъ лицъ.

На первый взглядъ, не дѣйствующимъ лицомъ является разсказчикъ у Варвары Павловны въ то памятное воскресеніе, когда нахлынуло столько событій и загадокъ. На самомъ дѣлѣ и тутъ проявилось дѣйствіе: въ наблюденіяхъ надъ состояніемъ Лизаветы Николаевны.

Три слѣдующихъ сцены, въ которыхъ участвуетъ разсказчикъ, судорожно-нелѣпы, кошмарны. Эти сцены: на праздникѣ, гдѣ разсказчикъ былъ распорядителемъ, у Юліи Михайловны,

послѣ скандала на утренникѣ и, въ финалѣ, на пожарѣ. Въ этихъ сценахъ онъ суетится, волнуется, а больше всего негодуетъ... Мы оставляемъ разсказчика на пожарѣ, въ хмурой толпѣ, среди всевозможныхъ догадокъ и слуховъ.

III.

Послѣ этого общаго вступленія перейдемъ къ детальному изслѣдованію душевныхъ движеній разсказчика, создавшихъ живой образъ его. Въ нашемъ заданіи рѣшающимъ является анализъ отношенія разсказчика къ окружающему его міру. Уже какъ слѣдствіе, постепенно выявится душевная глубина разсказчика; одновременно, въ силу этого выявленія, будетъ освѣщаться повѣствованіе о событіяхъ въ романѣ, и, въ завершеніе, такимъ образомъ, возможно будетъ вынести то или иное сужденіе о самомъ его содержаніи.

Прежде всего мы остановимся на отношеніи разсказчика къ Степану Трофимовичу.

Манера повѣствованія о немъ можетъ быть обозначена характернымъ для Достоевскаго словомъ: подлая. Вотъ ея детали.

Удачно пользуется разсказчикъ слѣдующими оборотами: „оттѣнокъ высшаго юмора", „оттѣнокъ высшаго значенія", „деликатнѣйшія отношенія", „деликатнѣйшія обстоятельства", „деликатнѣйшія причины", „деликатнѣйшая связь", „деликатнѣйшее предложеніе", „изящные поступки". Если присоединить къ этимъ средствамъ выразительные обороты, въ родѣ: „то есть", „впрочемъ", „вѣдь", „такъ сказать", „кажется", а также уменьшительныя имена, особенно достигающія цѣли, то будетъ исчерпанъ весь арсеналъ надругательства.

Разсказчикъ избѣгаетъ прямо говорить о недостаткахъ Степана Трофимовича. Этого мало. Нужно, не говоря о нихъ настойчиво, уронить какое-нибудь словечко, и цѣль достигнута. Особенно хорошо получается, когда сейчасъ же слѣдуетъ: „Впрочемъ, это пустяки".

Вотъ иллюстрація художественныхъ средствъ разсказчика. Говоря о Степанѣ Трофимовичѣ, „талантливомъ и многочтимомъ", онъ будто невзначай замѣчаетъ: „А по правдѣ ужасно любилъ сразиться въ *карточки*" (стр. 11) или... „Бывало и то: возьметъ съ собою въ садъ Токевиля, а въ кармашкѣ несетъ спрятаннаго Поль-де-Кока. *Но, впрочемъ, это пустяки*". (18 стр.).

Вмѣсто того, чтобы сказать, что Степанъ Трофимовичъ любилъ выпить, разсказчикъ роняетъ: „приносилась *бутылочка* и становилось утѣшнѣе". Степанъ Трофимовичъ рисуется, но „не то, чтобъ ужъ я его приравнивалъ *къ актеру на театрѣ*: сохрани Боже, тѣмъ болѣе, что самъ его уважаю" (5 стр.).

О его общественномъ значеніи: „Я даже такъ думаю, что подъ конецъ его всѣ и вездѣ позабыли; но уже никакъ *вѣдь*

нельзя сказать, что и прежде совсѣмъ не знали. Безспорно, что и онъ нѣкоторое время принадлежалъ къ знаменитой плеядѣ иныхъ прославленныхъ дѣятелей нашего прошедшаго поколѣнія и, одно время,—*впрочемъ*, всего только одну самую маленькую *минуточку*,—его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не на ряду съ именами Чаадаева, Бѣлинскаго, Грановскаго и только что начинавшаго тогда за границей Герцена". (6 стр.).

Степанъ Трофимовичъ какъ ученый: „А между тѣмъ это былъ *вѣдь* человѣкъ умнѣйшій и даровитѣйшій, человѣкъ, *такъ сказать*, даже науки, *хотя, впрочемъ*, въ наукѣ... ну, однимъ словомъ, въ наукѣ онъ сдѣлалъ не такъ много и, *кажется*, совсѣмъ ничего". (7 стр.).

О его личности: „Замѣчу лишь, что это былъ человѣкъ даже совѣстливый (*то есть*, иногда), а потому часто грустилъ". (11 стр.).

Очень двусмысленно рисуетъ разсказчикъ отношеніе Степана Трофимовича къ Варварѣ Петровнѣ. Пикантно то, что ничего опредѣленнаго неизвѣстно. Все намеки, потомъ опроверженія, похожія на намеки, потомъ „деликатнѣйшія отношенія", „изящныя чувства"... Вотъ что разсказчикъ говоритъ хотя бы о первомъ періодѣ отношеній между Степаномъ Трофимовичемъ и Варварой Петровной: „Скажу прямо: все разрѣшилось пламеннымъ участіемъ и драгоцѣнною, такъ сказать, классическою дружбою къ нему Варвары Петровны, если только такъ можно о дружбѣ выразиться. Онъ бросился въ объятія этой дружбы и дѣло закрѣпилось слишкомъ на двадцать лѣтъ. Я употребилъ выраженіе „бросился въ объятія", *но сохрани Богъ кого-нибудь подумать о чемъ-нибудь лишнемъ и праздномъ; эти объятія надо разумѣть въ одномъ лишь самомъ высоконравственномъ смыслѣ. Самая тонкая и самая деликатнѣйшая связь соединила эти два столь замѣчательныя существа навѣки*". (10 стр.).

Послѣ смерти генерала Ставрогина: „*Разумѣется*, Степанъ Трофимовичъ находился при ней (Варварѣ Петровнѣ) безотлучно". (16 стр.).

Казалось бы, отношенія опредѣленныя, но вслѣдъ за этимъ говорится о колебаніяхъ Степана Трофимовича относительно супружества съ Варварой Петровной.

„Онъ задумался: „Состояніе огромное, правда, но"... Дѣйствительно, Варвара Петровна не совсѣмъ походила на красавицу: это была высокая, желтая, костлявая женщина, съ чрезмѣрно длиннымъ лицомъ, напоминавшимъ что-то лошадиное". (16 стр.).

А рядомъ повѣствуется о вечерахъ въ бесѣдкѣ, о „поэти-

ческихъ минутахъ". Очевидно, недоумѣніе внушается умышленно. Пущены всѣ средства, чтобы обставить отношенія непонятнѣе и комичнѣе.

Изъ приведеннаго, а приведена малая часть, ясна та роль пошлаго отраженія, которую играетъ разсказчикъ. Въ этомъ отношеніи онъ представляется предтечей чорта Ивана, изображеннаго въ другомъ романѣ Достоевскаго, „Братья Карамазовы".

На первый взглядъ странное сопоставленіе: бредовая идея и реальный чиновникъ. Но, вѣроятно, чортъ не прочь былъ бы перевоплотиться и въ смиреннаго чиновника. Лучше всего—въ семипудовую купчиху, на худой конецъ и чиновникъ желателенъ... Судьба сыграла съ бѣднягой скверную игру. Чортъ хотѣлъ уйти изъ „отдѣленія критики"; онъ жаждалъ найти мѣсто въ тѣлѣ незлобивомъ, пахнущемъ ладаномъ; изъ всѣхъ силъ онъ хотѣлъ сказать „осанна". Но, видно, такой жребій палъ на его долю: онъ долженъ былъ разрушать, сѣять сомнѣнія, вносить трагизмъ. Въ чиновника онъ перевоплотился, но смутьяномъ не пересталъ быть; наоборотъ, еще болѣе ожесточился. Да и въ писаніи навострился: все, что онъ разсказываетъ—мѣтко, ядовито. Честно исполняетъ чортъ свои обязанности предъ „отдѣленіемъ критики": въ каждой очередной книжкѣ бѣсовскаго органа на видномъ мѣстѣ, ибо онъ сотрудникъ отмѣнный, печатается его хроника—„Бѣсы".

На самомъ дѣлѣ, повторяемъ, разсказчикъ лицо реальное. Сопоставленіе же вызвано сходствомъ роли; усугубляетъ сопоставленіе то, что авторъ одинаково освѣтилъ сходныя фигуры. Подобно чорту Ивана, разсказчикъ является къ Степану Трофимовичу всегда неожиданно, и до странности подробно освѣдомленъ относительно него. Еще болѣе странно (и сближаетъ опять чорта и разсказчика) то обстоятельство, что „другъ" знаетъ только пошлое о Степанѣ Трофимовичѣ. Онъ подстерегаетъ каждую его некрасивую мыслишку, каждое нехорошее движеніе его души. Степанъ Трофимовичъ скрываетъ отъ него многое, но тщетно—рано или поздно „другъ" вынудитъ признаніе, и горе тогда Степану Трофимовичу: „другъ" не проститъ; онъ будетъ негодовать, возмущаться до тѣхъ поръ, пока не измучаетъ „многочтимаго". А тотъ, въ наивной увѣренности, что сѣтуетъ доброжелатель, будетъ бичевать себя пуще, къ радости издѣвщика.

Разсказчикъ понимаетъ, что можетъ показаться странной его необычайная освѣдомленность, и спѣшитъ разъяснить.

„Можетъ быть, спросятъ: какъ могъ я узнать такую тонкую подробность? А что если я самъ бывалъ свидѣтелемъ? Что если самъ Степанъ Трофимовичъ неоднократно *рыдалъ на моемъ плечѣ, въ яркихъ краскахъ рисуя предо мной всю свою*

подноготную? (И ужъ чего-чего при этомъ не говорилъ!) (12 стр.).

Вотъ другое мѣсто; настроеніемъ своимъ оно приближается къ знаменитой сценѣ изъ „Братьевъ Карамазовыхъ"— „Иванъ и чортъ".

„Эта забота мучила его (Степана Трофимовича) чрезвычайно, неотступно; отъ нея онъ худѣлъ и падалъ духомъ. Это было нѣчто такое, чего онъ уже болѣе всего стыдился и о чемъ никакъ не хотѣлъ заговорить даже со мной; напротивъ, *при случаѣ и лгалъ и вилялъ предо мной, какъ маленькій мальчикъ*, а между тѣмъ самъ же посылалъ за мной ежедневно, двухъ часовъ безъ меня пробыть не могъ, нуждаясь во мнѣ, какъ въ водѣ или въ воздухѣ.

Такое поведеніе оскорбляло нѣсколько мое самолюбіе. *Само собой разумѣется, что я давно уже угадалъ про себя эту главную тайну его и видѣлъ все насквозь.* По глубочайшему тогдашнему моему убѣжденію, обнаруженіе этой тайны, этой главной заботы Степана Трофимовича, не прибавило бы ему чести, и потому я, какъ человѣкъ еще молодой, нѣсколько негодовалъ на грубость чувствъ его и на некрасивость нѣкоторыхъ его подозрѣній. Сгоряча и, признаюсь, отъ скуки быть конфидентомъ,—я, можетъ быть, слишкомъ обвинялъ его. *По жестокости моей я добивался его собственнаго признанія предо мной во всемъ, хотя, впрочемъ, и допускалъ, что признаваться въ иныхъ вещахъ, пожалуй, и затруднительно. Онъ тоже меня насквозь понималъ, то есть ясно видѣлъ, что я понимаю его насквозь и даже злюсь на него, и самъ злился на меня за то, что я злюсь на него и понимаю его насквозь.* Пожалуй, раздраженіе мое было мелко и глупо; *но взаимное уединеніе чрезвычайно иногда вредитъ истинной дружбѣ.*" (78 стр.).

А вотъ финалъ этой утонченной, дьявольски-жестокой игры; и въ немъ то же настроеніе, что въ знаменитой сценѣ. Степанъ Трофимовичъ, побѣжденный, высказывается.

„Съ жалкой и потерянною улыбкой,—улыбкой стыда и совершеннаго отчаянія, и въ то же время какого-то страннаго восторга, прошепталъ онъ мнѣ, на мигъ пріостанавливаясь:

—„Не могу же я жениться на „чужихъ грѣхахъ"!

Я только и ждалъ этого слова. Наконецъ-то это завѣтное, скрываемое отъ меня словцо было произнесено послѣ цѣлой недѣли виляній и ужимокъ. Я рѣшительно вышелъ изъ себя.

— И такая грязная, такая... низкая мысль могла появиться у васъ, у Степана Верховенскаго, въ вашемъ свѣтломъ умѣ, въ вашемъ добромъ сердцѣ и... еще до Липутина!" (стр. 102).

Такъ, шагъ за шагомъ, опошляетъ разсказчикъ обликъ Степана Трофимовича. На все, начиная съ костюма, кончая его душевными переживаніями, онъ кладетъ пластъ пошлости и скверны.

При всемъ томъ, описаніе жизни Степана Трофимовича выдержанно. Не пощажена и смерть его, но тутъ разсказчикъ терпитъ пораженіе: язвительный, злобный „приживальщикъ“ смѣшонъ. Дѣло въ томъ, что до сцены смерти его издѣвательство было безкорыстно, вѣрнѣе, такимъ оно *казалось* (и въ этомъ было искусство), ибо все было написано для „конца“. Къ концу ожидалъ сюрпризъ: у разсказчика оказалась „идея“. „Идея“ эта выражена въ текстѣ изъ Евангелія, поставленномъ эпиграфомъ къ роману. Не довольствуясь *своимъ* изображеніемъ, разсказчику захотѣлось, чтобы Степанъ Трофимовичъ самъ „изобразилъ“ себя. Самооплеваніемъ должна была закончиться жизнь „многочтимаго“. Въ этомъ планѣ съ особой силой сказался „приживальщикъ“: въ немъ много издѣвательства, но отсутствуетъ тонкость, почему и приключился конфузъ. Равновѣсіе поколебалось; Степану Трофимовичу была навязана невозможная роль. До тѣхъ поръ, пока разсказчикъ былъ „безкорыстенъ“, онъ былъ неуязвимъ. Но какъ только его хихикающая двусмысленная улыбка сложилась въ серьезное выраженіе лица,—получилась гримаса. Цѣли онъ не достигъ.

IV.

Обликъ Ставрогина разсказчикъ оскудилъ, извратилъ, не прибѣгая къ внѣшнимъ средствамъ карикатуры.

Въ повѣсти о немъ не найти также злобности, придирчивости, столь яркихъ въ отношеніи Степана Трофимовича; ее отличаетъ строгая объективность изложенія. Эта повѣсть—великолѣпный образецъ карикатуры, которую мы назовемъ *эпической*.

Эпическая карикатура лишена будничныхъ чертъ обычной, потому она особенно убѣдительна, опасна. Суть ея въ томъ, что подлинно сильная внутренняя жизнь Ставрогина замѣнена соотвѣтствущимъ выраженіемъ внѣшнихъ чертъ: мы не удивляемся проявленной волѣ Ставрогина, памятуя его лицо, походку, неторопливыя движенія; мы видимъ Ставрогина столь живо, что насъ не удивляетъ энтузіастское отношеніе къ нему Петра Степановича Верховенскаго: мы, глядя на Ставрогина, убѣждены, что оно естественно, что апатія Ставрогина временна и непремѣнно особаго, непонятнаго характера—подготовительная стадія къ пока невѣдомымъ намъ, захватывающимъ достиженіямъ. Исторія съ пощечиной, дуэль съ Гагановымъ, объявленіе хромоножки женой—волнуютъ насъ, привлекаютъ. Въ этихъ сценахъ Ставрогинъ—герой, но въ нихъ же онъ достигаетъ вершины карикатурности: разсказчикъ забылъ повѣдать намъ о бесѣдахъ Ставрогина съ Дашей, упоминаемыхъ имъ въ предсмертномъ письмѣ, не удосужился застать Ставрогина наединѣ съ собой: то, что должно

было расти постепенно, параллельно съ внѣшнимъ выявленіемъ —тѣ душевныя движенія, благодаря которымъ становятся ясны, понятны дѣйствія,—скрыто. Въ этомъ умолчаніи своеобразіе пріема изображенія. Оно грознѣе преувеличенія, издѣвательства, ѣдкихъ словечекъ, смѣшныхъ, унижающихъ положеній—всего того, что съ такимъ злобнымъ мастерствомъ направилъ разсказчикъ противъ Степана Трофимовича. Къ Ставрогину разсказчикъ питаетъ большее, чѣмъ злобу, его чувство диктуетъ ему горшее, чѣмъ карикатуру: оно велитъ оскудить, изъять насущное—душевное дѣйствіе и все же показать человѣка внѣшне значительнымъ, надежнымъ; оно велитъ усыпить бдительность зрителей, заворожить ихъ лицомъ, походкой, голосомъ, движеніемъ руки Ставрогина, заворожить смѣло, увѣренно: придетъ часъ и воздастся сторицей: вмѣсто силы и здоровья, увидятъ грозный въ своей непонятности и неожиданности контрастъ: немощь, опустошенность—слѣды невѣдомо когда промчавшагося вихря. Умолчаніе, нарочитый пробѣлъ необходимы были разсказчику, чтобъ создать контрастъ, столь излюбленный имъ: Ставрогинъ, не спускающій глазъ съ померкшаго Шатова, послѣ полученной пощечины, Ставрогинъ, заложившій руки за спину, когда пощечина горитъ на щекѣ и мутитъ умъ, Ставрогинъ, подставляющій грудь на нелѣпомъ поединкѣ, а самъ палящій въ воздухъ, Ставрогинъ, объявляющій публично, безъ запинки, о бракѣ съ жалкой хромоножкой, Ставрогинъ, досадливо-небрежно отмахивающійся отъ энтузіастскихъ, безумныхъ посуловъ Петра Степановича—и разговоръ съ Дашей, послѣ дуэли, съ Лизой, въ Скворешникахъ, послѣ проведенной вмѣстѣ ночи, предсмертное посланіе къ „сидѣлкѣ“ —жуткій по ничтожеству и изломанности языкъ его— и намыленная веревка. Можно ли придумать горшую неправду, вообразить болѣе жуткую объективность!

Повѣсть о Ставрогинѣ—проблема ненависти, разрѣшенная съ силой сдержаннаго паѳоса. Оскудить молчаніемъ—жестоко и тонко; въ этой тонкости усложненіе, мрачный ростъ личности разсказчика. Къ дальнѣйшему развитію этой усложненности приводитъ попутно преодолѣнное испытаніе, испытаніе зрѣлости: съ подлиннымъ полетомъ воображенія, въ упоеніи имъ, разсказчикъ создаетъ картину смѣшенія, смуты.

Въ слѣдующихъ главахъ мы остановимся на прикосновенныхъ къ ней лицахъ, прежде всего, конечно, на зачинщикѣ смуты—Петрѣ Степановичѣ.

V.

Къ Петру Степановичу разсказчикъ относится лирически отрицательно: онъ не скупясь, многократно подчеркиваетъ ничтожество его, бичуетъ въ немъ свои же низкія черты

(отмѣнно выпуклая иллюстрація—наглое объясненіе Петра Степановича съ отцомъ)—въ этомъ преодолѣніе ихъ, что само по себѣ лирично. Лиризмъ однако сказался еще шире. Разсказчикъ задался „насмѣшливой“ цѣлью показать, какъ ничтожество ведетъ къ смѣшенію, развалу. Лиризмъ обязываетъ, и разсказчикъ создаетъ романтическій образъ Петра Степановича. Онъ съ увлеченіемъ передаетъ его особую манеру рѣчи, движенія, органическую лживость, смятеніе, энтузіазмъ, не исключающій жестокаго расчета, дѣловитость, потрясающую въ драматическихъ положеніяхъ, онъ одаряетъ его роковой властью надъ Эккелемъ, таинственнымъ вліяніемъ на массы и, въ довершеніе, внушаетъ фантастическій переворотъ при помощи Ивана-Царевича—Ставрогина.

Чтобы ярче оттѣнить фигуру Петра Степановича, разсказчикъ даетъ ему въ товарищей-слугъ Липутина, Лямшина, Эккеля и Виргинскаго. Липутинъ—деспотиченъ, скаредъ, ехиденъ и—фурьеристъ. Лямшинъ — безъ всякаго подобія человѣка — авторъ потрясающей пѣсенки „Mein lieber Augustin“. Эккель — молчаливый юноша, упорный сектантъ, по своему идеалистически настроенный, безусловно преданный Петру Степановичу. Виргинскій, по отзыву разсказчика,—идейный человѣкъ, съ хорошими задатками, но заблудшій. Можно подумать, что симпатія разсказчика къ Виргинскому искренняя; слѣдующія строки однако разувѣряютъ: онѣ точно взяты изъ повѣсти о Степанѣ Трофимовичѣ. Говоря объ измѣнѣ жены Виргинскому, разсказчикъ замѣчаетъ: „Увѣряли, что Виргинскій при объявленіи ему женой отставки, сказалъ ей: „другъ мой, до сихъ поръ я только любилъ тебя, теперь уважаю“, но врядъ ли въ самомъ дѣлѣ произнесено было такое древнеримское изреченіе; напротивъ, говорятъ, навзрыдъ плакалъ“. Въ свою неудачную жизнь Виргинскій никого не посвящалъ: „Однажды только, возвращаясь со мною отъ Степана Трофимовича, заговорилъ было отдаленно о своемъ положеніи, но тутъ же, схвативъ меня за руку, пламенно воскликнулъ:—Это ничего; это только частный случай; это нисколько не помѣшаетъ „общему дѣлу“! (31 стр.). Добродѣтельному—въ замыслѣ Достоевскаго — разсказчику добродѣтель мало импонировала; она внушала ему карикатурныя строки; въ нихъ разногласіе разсказчика съ своимъ творцомъ, бытіе разсказчика. Симпатіи его на сторонѣ Липутина, Лямшина, Эккеля — этихъ экзотическихъ вспышекъ необузданнаго воображенія; потому такъ ярки ихъ фигуры и посредственень образъ Виргинскаго. Разсказчикъ очарованъ контрастомъ; отсюда его увлеченіе Липутинымъ — злымъ, ехиднымъ угнетателемъ, ростовщикомъ и — мечтателемъ о вселенскомъ счастьѣ, Эккелемъ—идеалистомъ и безпощаднымъ убійцей. Только въ Лямшинѣ, казалось, не могло

быть контраста — такимъ безнадежно-смраднымъ представилъ его разсказчикъ. Но случилось неожиданное: контрастъ создалъ его вопль въ сценѣ убійства Шатова, вопль, который могъ только въ душѣ разсказчика отразиться, какъ звѣриный...

Таковъ кружокъ, во главѣ котораго Петръ Степановичъ; ему подчинены, его не смѣютъ ослушаться эти люди. Но *подлинный* владыка—разсказчикъ, его злая воля, творящая жуткія положенія. Они, эти образы, лелѣемые пособники въ созданіи грандіозной картины смятенія, разрухи.

VI.

Въ главахъ о Кирилловѣ и Шатовѣ полностью выявилась эта органическая потребность разсказчика создавать болѣзненно-яркія, мучительскія положенія.

Къ Кириллову разсказчика привело драматическое участіе въ романѣ. Ихъ свиданіе—вступленіе къ повѣсти. Въ остальныхъ частяхъ ея разсказчикъ дѣйствуетъ психологически; этимъ самымъ душевныя движенія Кириллова, внѣшнія его дѣйствія, событія жизни — предоставлены воображенію разсказчика.

Прежде всего, еще при поверхностномъ взглядѣ, останавливаетъ вниманіе чисто количественная непропорціональность описанія: изъ двадцати пяти страницъ—пятнадцать посвящены сценѣ смерти. Повѣсть о жизни Кириллова— рядъ эпизодическихъ сценъ, не создающихъ подлиннаго образа; какъ попытка охватить душевное настроеніе Кириллова, онѣ неубѣдительны: Кирилловъ въ этихъ сценахъ на людяхъ. По природѣ своей крайне несловоохотливый, онъ вынужденъ, по волѣ разсказчика, безъ умолку вести бесѣду. О подлинномъ, молчаливомъ Кирилловѣ разсказчикъ не находитъ словъ, ибо онъ не приблизился сердечно къ борьбѣ чувствъ и мыслей, терзавшихъ Кириллова, остался чуждъ тоски и страданія его душевныхъ переживаній. Разсказчику не было доступа въ душевные тайники Кириллова, но, подобно тому, какъ равнодушный наблюдатель - артистъ можетъ изобразить скорбную гримасу на лицѣ отчаявшагося, онъ уловилъ и передалъ его рѣчь. И ей вѣришь, какъ полно выраженному слѣдствію душевныхъ переживаній. Волнуютъ не идеи Кириллова—онѣ кажутся произвольными въ немъ, — потрясаетъ языкъ его, изломанный лавиной мыслей, терзавшихъ Кириллова въ томъ уединеніи, къ которому не въ силахъ былъ приблизиться разсказчикъ.

Душевная трагедія Кириллова побудила разсказчика лишь на острую, зловѣщую игру. Игрой былъ захваченъ онъ, когда задумалъ столкнуть Кириллова со смертью, и съ этого мгновенія Кирилловъ былъ обреченъ.

Въ сцену смерти, жуткаго боренья съ страхомъ предъ болью разсказчикъ вложилъ всю жестокость своего воображенія,—и создалъ безсмертную поэму мучительства.

Кирилловъ, жаждущій презрѣть страхъ, и весь объятый имъ; Петръ Степановичъ, разсудительно, настойчиво, изъ холоднаго расчета толкающій Кириллова къ самоубійству; Кирилловъ, сознающій это и все же нелѣпо идущій на смерть; невыносимая тишина у шкафа и разрѣшающіе ее вопли — до того это все кошмарно и бьетъ по нервамъ, что выстрѣлъ, завершающій сцену, пробитый черепъ, капли брызнувшаго мозга приносятъ скорѣе облегченіе, чѣмъ тревогу: не то насъ трогаетъ, что погибъ Кирилловъ; насъ потрясаетъ *длительный процессъ* этой гибели.

Съ мучительски-изощреннымъ мастерствомъ разсказчикъ использовалъ то, во что не могъ проникнуть въ другой части повѣсти—молчаніе.

Страсть къ жестокому воздѣйствію на воображеніе руководила разсказчикомъ и въ его повѣсти о Шатовѣ. Идеи Шатова изслѣдованы съ достаточной тщательностью. Мы не коснемся ихъ. Замѣтимъ лишь, что онѣ не создаютъ образа и представляютъ интересъ лишь постольку, поскольку имѣютъ отношеніе къ міровоззрѣнію самого Достоевскаго. Поспѣшно ведетъ разсказчикъ нехитрую линію жизни Шатова: не въ ней суть, она лишь неизбѣжное преддверіе къ главному—ея уничтоженію. Потому такъ малозначуща (художественно) картина жизни Шатова (проблескъ—пріѣздъ жены) и такъ потрясающъ ея конецъ. Въ сценѣ убійства Шатова трогаетъ, главнымъ образомъ, безсловесность, сопровождающая драматическое дѣйствіе. Напряженное молчаніе убійцъ, дѣловито волокущихъ Шатова къ озеру, вынужденное молчаніе жертвы—вотъ тѣ средства, которыми достигнуто ощущеніе почти физической боли, охватывающей при чтеніи этой сцены. Неотразимую силу молчанія разсказчикъ испыталъ и здѣсь, у озера. Оно звучитъ могучимъ, пронизывающимъ, полонящимъ звукомъ. Какъ и въ сценѣ самоубійства Кириллова, тоскливая тишина разрѣшается воплемъ. Это кричитъ не выдержавшій страшнаго безмолвія Лямшинъ.

VII.

Смерть Кириллова и Шатова наиболѣе яркія сцены въ картинѣ разрухи и смуты. Къ этимъ злодѣяніямъ, по убѣжденію Достоевскаго, безусловно причастенъ кружокъ, руководимый Петромъ Степановичемъ. Объ этой связи разсказчикъ повѣствуетъ бѣгло, неубѣдительно. Предвзятость Достоевскаго,

видимо, не находитъ у него сочувствія. Суть въ томъ, что разсказчикъ, по своей природѣ, не тенденціозенъ: онъ готовъ клеветать и карикатурить, не разбирая лагеря. Главное—удовлетворить своей страсти: вскрыть гаденькую черточку и силой воображенія многократно ее умножить. По волѣ Достоевскаго, разсказчикъ уходитъ изъ либеральнаго кружка и, возмущенный имъ, повѣствуетъ о видѣнномъ и слышанномъ. Добродѣтельнымъ разсказчикъ получился постольку, поскольку о немъ зналъ Достоевскій: онъ представлялъ его себѣ формой. Въ живомъ образѣ важны не поверхностныя черты, которыми сознательно надѣлилъ разсказчика Достоевскій, а тѣ, что создались помимо его воли. Въ предыдущемъ мы пытались вскрыть эти черты. Намъ остается довершить ихъ яркость, упомянувъ о „праздникѣ".

Празднику, устроенному городской знатью въ пользу бѣдныхъ гувернантокъ, предшествовало томительное предчувствіе неблагополучнаго конца его. Рядъ сумбурныхъ эксцессовъ въ средѣ избраннаго общества губернаторши, „угнетенное" состояніе фонъ-Лембке—все подготовляло къ неизбѣжному. Неизвѣстно только было, въ какую форму выльются событія.

Виновникомъ послѣдовавшаго является Петръ Степановичъ. Наканунѣ онъ куда-то уѣзжалъ, навербовалъ чернь, которая въ сборѣ явилась на праздникъ. Гдѣ былъ Петръ Степановичъ, какимъ образомъ онъ достигъ успѣха—неизвѣстно. Такая недосказанность, естественно, лишній разъ убѣждаетъ въ надуманности; но то, что мѣшаетъ вѣрить жизненности изображеннаго—недомолвки и туманность—прекрасныя средства для разсказчика, и онъ пользуется ими съ отмѣннымъ мастерствомъ.

Разсказчикъ негодуетъ... Какъ раньше помыслами Степана Трофимовича, теперь онъ возмущенъ „чѣмъ-то развеселымъ", охватившимъ общество, онъ въ ужасѣ отъ „праздника". Добродѣтельнымъ негодованіемъ надѣлилъ его сознательно Достоевскій, и оно стало самой двусмысленной и жуткой чертой въ углубившемся образѣ. „Праздникъ"—рядъ быстро смѣняющихся кошмарныхъ сценъ, но самое зловѣщее въ нихъ—мечущійся въ благородномъ негодованіи разсказчикъ: въ каждой сценѣ пульсъ его жизни, въ каждомъ мазкѣ—черта его образа.

VIII.

Мы исчерпали все то, что характеризуетъ органическую потребность разсказчика безобразить и мучить. Теперь, для объективнаго возсозданія истинно-художественнаго облика разсказчика, мы займемся областью, которая озаряетъ этотъ обликъ, просвѣтляетъ человѣчески,—мы займемся областью интимнаго отношенія разсказчика къ Лизаветѣ Николаевнѣ.

Въ противовѣсъ осмѣянному, оболганному издѣвательствомъ Степану Трофимовичу, оскуденному ненавистью Ставрогину, „насмѣшливо“ созданному Петру Степановичу, въ противовѣсъ жестокой игрѣ въ сценахъ смерти Кириллова и Шатова,— встаетъ, тутъ же рядомъ созданный, ослѣпительный, необыкновенно тонкій образъ безысходнаго метанія и безысходной муки, плѣнительно-женственный образъ Лизаветы Николаевны.

Да, въ душонкѣ разсказчика, въ помыслахъ его, занятыхъ злымъ, издѣвательскимъ дѣломъ, чудесно сохранились любовь, сочувствіе и чуткое состраданіе. Это подлинное чудо, имя которому,—страшное и таинственное, и обыденное, до нельзя простое—человѣкъ. На вершинѣ художества образъ разсказчика, ибо онъ образъ человѣка. Безъ Лизаветы Николаевны разсказчикъ бы не былъ истинно-художественнымъ твореніемъ, ибо безъ Лизаветы Николаевны не живетъ ни одна душа человѣческая.

Въ первую ихъ встрѣчу Лизавета Николаевна была жизнерадостна, и разсказчикъ повѣдалъ объ этомъ чудесными словами. Трудно передать эту сцену встрѣчи Лизаветы Николаевны со своимъ учителемъ и другомъ дѣтства, Степаномъ Трофимовичемъ, съ которымъ она была въ долгой разлукѣ. Лизавета Николаевна увлекательна своею юностью, женственнымъ задоромъ, женственной чуткостью. Ея рѣчь, быстрая, живая, полная огня и теплоты, воскрещаетъ ея сіяющій взоръ. Въ словахъ, которыя она бросаетъ ошеломленному отъ радости Степану Трофимовичу, столько любви къ нему, старому человѣку, любви молодой, чувствующей эту молодость женщины. Степанъ Трофимовичъ напомнилъ ей дѣтство, ихъ совмѣстныя занятія, его невинные чудесные обманы. Увы, она уже открыла ихъ, она не вѣритъ имъ. Но прочь сомнѣніе. Въ этотъ часъ она не будетъ скорбной. Ея лицо проясняется, она опять вся молодѣетъ, и разсказчикъ, любуясь ею, говоритъ: „Какое-то могущество сказывалось въ горящемъ взглядѣ ея темныхъ глазъ: „она являлась какъ побѣдительница, чтобъ побѣдить“. (106 стр.).

Ея побѣда была полной. Каждое движеніе, всякое колебаніе выраженія на ея лицѣ, тончайшій переливъ голоса отражались, запечатлѣвались въ душѣ разсказчика. Онъ бродилъ за ней тѣнью, подобно Маврикію Николаевичу. И если бъ Маврикій Николаевичъ нарушилъ обѣтъ молчанія, много трогательнаго повѣдалъ бы онъ про переживанія разсказчика... Будь разсказчикъ откровеннѣе, мы бы глубже прониклись страданіями Маврикія Николаевича.

Мы сказали, что разсказчикъ слѣдилъ за любимой женщиной подобно тѣни. Такая пассивность можетъ показаться странной. Можетъ, пожалуй, возникнуть сомнѣніе въ самомъ

бытіи разсказчика. Скажутъ: если бы разсказчикъ былъ подлинно живымъ лицомъ, онъ бы попытался дать выходъ своему чувству, онъ выступилъ бы какъ герой романа. Почему же онъ не рѣшился признаться Лизаветѣ Николаевнѣ, почему онъ не попытался связать свою жизнь съ ея жизнью? Вѣдь онъ ясно сознавалъ, что чувство къ Ставрогину ведетъ Лизавету Николаевну къ катастрофѣ. Почему же онъ не поддался сильному и искреннему влеченію и не обнажилъ Ставрогина, а изобразилъ его post factum, послѣ гибели Лизаветы Николаевны? Можетъ быть, онъ зачаровалъ бы ее страшной картиной опустошенности души Ставрогина и отвратилъ испытаніе? Съ другой стороны, казалось бы, не мнительность разсказчика была виной его пассивности: напротивъ, онъ былъ очень гордъ и, несомнѣнно, ставилъ себя неизмѣримо выше Ставрогина.

Недоумѣніе вполнѣ справедливое. Чтобы разрѣшить его, мы подойдемъ вплоть къ реальной жизни. Въ другомъ мѣстѣ, при сопоставленіи разсказчика съ чортомъ Ивана, мы подчеркнули, что разсказчикъ—лицо съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ. Остановимся на этомъ подробнѣе. Разсказчикъ—одинъ изъ многихъ людей, разбросанныхъ по городамъ и весямъ Россіи, которые ставили себя выше того круга, въ которомъ жили, и жили въ немъ за неимѣніемъ другого. Наединѣ съ собой разсказчикъ безпощадно критиковалъ свой кружокъ, но стоило ему только выйти на улицу, встрѣтиться съ живыми людьми, — и онъ становился чиновникомъ Г—въ. Его индивидуальная жизнь, личные взгляды уходили въ потаенную область. Это былъ процессъ самосохраненія—такимъ образомъ онъ избѣгалъ столкновенія съ обществомъ. Бороться съ нимъ разсказчику было скучно, да и къ тому же борьба нарушила бы его покой. Оставалось наединѣ съ собой, въ стѣнахъ своего дома, закрывъ, пожалуй, дверь на ключъ,—злобно высмѣивать, высмѣивать съ тѣмъ большей злобой, чѣмъ тщательнѣе приходилось на людяхъ скрывать ее. Въ этомъ была отрада, было отдохновеніе.

Про себя разсказчикъ крѣпко вѣрилъ, что онъ не связанъ съ кругомъ, въ которомъ ему суждено было родиться; про себя онъ всячески отмежевывался отъ него. Такъ изъ года въ годъ шла жизнь разсказчика: онъ скучалъ, наединѣ съ собой отводилъ душу; но трагедіи во всемъ этомъ не было. Трагедія началась съ пріѣздомъ Лизаветы Николаевны. Она была первымъ человѣкомъ, предъ которымъ смирилось его недовѣріе. Внѣшне, какъ ему потомъ казалось, некрасивая, она сразу плѣнила его. И тутъ-то ему впервые пришлось столкнуться съ инымъ, высшимъ общественнымъ кругомъ, и онъ до жуткости явственно почувствовалъ, а затѣмъ воспри-

нялъ и разсудкомъ, что онъ прикованъ къ опредѣленному общественному положенію, что въ немъ не достанетъ силы разрушить преграду. Эта преграда казалась ему столь несокрушимой, что смѣшно и нелѣпо было бы пытаться одолѣть ее. Стоитъ только вспомнить, какъ отнеслось общество къ Ставрогину, вообразивъ, что онъ не потребовалъ удовлетворенія отъ Шатова изъ-за его низкаго происхожденія, стоитъ только вспомнить, какъ всѣ эти почтенные люди укоряли себя въ несправедливости по отношенію къ Ставрогину, и станетъ ясно, что въ данномъ случаѣ разсказчикъ не проявилъ мнительности. Послѣ сказаннаго становятся понятны вскользь и, по гордости, безъ поясненія брошенныя имъ слова:

„Ослѣпленіе мое продолжалось одно лишь мгновенье, и я самъ очень скоро потомъ созналъ всю невозможность мечты моей"... Оставалось уйти. „Но,—говоритъ дальше разсказчикъ о своемъ ослѣпленіи—хоть на мгновенье, а оно существовало дѣйствительно,"—и это рѣшило все. Разсказчикъ бывалъ тамъ, гдѣ бывала Лизавета Николаевна, какъ это ни претило ему. Не вмѣшиваясь въ разговоры окружающихъ изъ боязни не такъ выразиться, какъ принято въ чужомъ кругу, по мѣрѣ возможности, не двигаясь, чтобъ не обнаружить неуклюжести—онъ молча наблюдалъ ту, ради которой пришелъ. Для характеристики его состоянія въ высшей степени показательны его переживанія, когда въ гостиной Варвары Петровны появляется Лебядкинъ. Только плебей, глубоко презирающій свое плебейство, страдающій за него, могъ такъ воспринимать неловкость другого плебея, попавшаго не въ свой кругъ.

И еще одно испытаніе долженъ былъ преодолѣть разсказчикъ—не подавать виду, что онъ наблюдаетъ Лизавету Николаевну. Это могло натолкнуть на слѣдъ, и разсказчикъ лишился бы возможности встрѣчаться съ любимой женщиной. Разъ навсегда отказавшись стать рядомъ съ Лизаветой Николаевной, разсказчикъ въ то же время боится, что сама Лизавета Николаевна замѣтитъ его чувство. Онъ счастливъ, когда она взглянетъ на него, и въ то же время говоритъ:

„Ея женственная улыбка въ такую трудную для нея минуту и намекъ, что она уже вчера замѣтила мои чувства, точно *рѣзнулъ* меня по сердцу". Въ этихъ словахъ—горечь отъ сознанія „невозможности мечты" и гордость плебея, который пуще всего боится показаться смѣшнымъ стоящимъ выше его. Вотъ почему онъ избѣгаетъ встрѣчаться взглядомъ съ любимой женщиной и—характерный штрихъ!—когда во время обморока Лизаветы Николаевны всѣ суетятся—онъ одинъ остается внѣшне безучастнымъ.

Только разъ разсказчикъ измѣнилъ себѣ; это произошло тогда, когда Петръ Степановичъ принесъ оглушившее всѣхъ

извѣстіе объ увозѣ Лизаветы Николаевны. Ударъ былъ слишкомъ тяжекъ. Разсказчикъ вскочилъ, забывъ, что онъ въ домѣ губернаторши, и въ бѣшенствѣ закричалъ Петру Степановичу:

— Это ты, негодяй, все устроилъ! Ты на это и утро убилъ. Ты Ставрогину помогалъ, ты пріѣхалъ въ каретѣ, ты посадилъ... ты, ты, ты!...

И я опрометью выбѣжалъ изъ дому. Я до сихъ поръ не понимаю, и самъ дивлюсь, какъ это я тогда ему крикнулъ". (482 стр.).

Это случилось однажды. Обычно же онъ въ чужомъ кругу не ронялъ ни слова. Въ этомъ помогалъ ему долгій опытъ скрывать свои мысли и чувства.

Послѣ сказаннаго ясно, что пассивность разсказчика не умаляетъ живучести его образа; напротивъ, она утверждаетъ реальность его, такъ какъ является новымъ доказательствомъ того, что разсказчикъ не абстракція.

Если разсказчикъ не могъ притти къ любимой женщинѣ какъ вѣстникъ, то онъ счастливъ былъ служить ей посланцемъ. Уже въ первую ихъ встрѣчу Лизавета Николаевна чутьемъ женщины угадала его чувства. Больше того, она знала, что онъ, человѣкъ низшаго круга, не посмѣетъ ей открыться; вотъ почему она была такъ странно-откровенна съ нимъ, вотъ почему она рѣшилась пріобщить его къ самому интимному для себя переживанію. Послѣ Маврикія Николаевича онъ былъ единственнымъ („Я надѣюсь только на васъ и больше у меня нѣтъ никого"...), кому она могла довѣриться. И это довѣріе, при всей интимности было довѣріемъ къ человѣку не своего, иного круга.

Безгласность дѣлаетъ присутствіе разсказчика незамѣтнымъ. Она мѣшаетъ проникнуть въ глубокую активность его въ повѣсти о Лизаветѣ Николаевнѣ. На самомъ дѣлѣ, ничто касающееся ее не ускользаетъ отъ его вниманія: онъ все это воспринимаетъ и по своему претворяетъ. Онъ видитъ, можетъ, не глядя, какъ: „Ея (Лизаветы Николаевны) глаза зорко перебѣгали отъ Варвары Петровны къ хромой женщинѣ и обратно; на губахъ ея кривилась улыбка, но нехорошая". (153 стр.). Вошла Даша, и отъ него не ускользнуло, что въ глазахъ любимой „засверкали ненависть и презрѣніе, слишкомъ уже нескрываемыя". (163 стр.). По уходѣ Ставрогина съ хромоножкой поднимается сумятица, но отъ разсказчика не укрылось, что Лизавета Николаевна „для чего-то вдругъ привскочила съ кресла, пока они выходили, и неподвижнымъ взоромъ прослѣдила ихъ до самыхъ дверей. Потомъ молча сѣла опять, но въ лицѣ ея было какое-то судорожное движеніе, какъ будто она дотронулась до какого-то гада". (178 стр.). Все это отрывочныя, мгновенныя вспышки, но тѣмъ труднѣй ихъ наблюдать

равнодушному; онѣ воспринимаются только глубокимъ, непосредственнымъ чувствомъ. Послѣ ухода Ставрогина Лизавета Николаевна внѣшне спокойна, она будто сосредоточенно слушаетъ Петра Степановича, но разсказчикъ чувствомъ угадываетъ близкій взрывъ. Тревога его не обманула. Вернулся Ставрогинъ, и Лизавета Николаевна уже не въ силахъ совладать съ собой. Она, смѣясь, что-то говоритъ Ставрогину, но разсказчику ясно, что не въ словахъ суть, что это разговоръ особый,—онъ весь въ оттѣнкахъ,—и онъ глубоко воспринимаетъ ея настроеніе, яркимъ штрихомъ возсоздавъ его:

— Вы, пожалуйста, извините меня, отвѣтила она скороговоркой (на привѣтствіе Ставрогина).

— Вы... вы, конечно, видѣли Маврикія Николаевича... Боже, какъ вы непозволительно высоки ростомъ, Маврикій Николаевичъ. И опять смѣхъ. Маврикій Николаевичъ былъ роста высокаго, но вовсе не такъ уже непозволительно.

— Вы давно... пріѣхали? пробормотала она опять, сдерживаясь, даже конфузясь, но со сверкающими глазами". (192 стр.).

Въ робкой конфузливости, въ блескѣ глазъ—разсказчикъ чуетъ опасную примѣту близкой реакціи, и не ошибается. Она приходитъ. Какъ напряженно воспринимаетъ разсказчикъ слѣдующую сцену, послѣ пощечины, нанесенной Ставрогину, сцену, до основанія потрясшую Лизавету Николаевну, свидѣтельствуютъ строки, которыми онъ заканчиваетъ главу:

„До сихъ поръ я какъ будто еще слышу, какъ стукнулась она (Лизавета Николаевна) о коверъ затылкомъ. (200 стр.).

Событія этого дня такъ потрясли Лизавету Николаевну, что она слегла. Но болѣзнь не вернула ей спокойствія, какъ это часто бываетъ въ дѣтствѣ, не возстановила силъ, томленіе не покинуло ее.

Послѣ выздоровленія Лизаветы Николаевны разсказчикъ встрѣтилъ ее на площади у храма. Тамъ столпился народъ, возмущенный кощунствомъ: ночью ограбили особенно чтимую въ городѣ икону. Вдобавокъ неизвѣстные, по слухамъ, въ разбитое стекло пустили живую мышь.

Изъ народа выходили, крестились и клали на блюдо пожертвованія. Подъѣзжали купцы и оставляли крупныя суммы. Когда разсказчикъ подошелъ къ мѣсту происшествія, подъѣхала коляска, въ которой были дамы и молодые люди изъ круга губернаторши. Не снимая шляпъ, два молодыхъ человѣка протѣснились къ иконѣ, одинъ изъ нихъ вынулъ туго набитый кредитками кошелекъ, выискалъ мѣдную копейку, небрежно бросилъ на блюдо и, самодовольно смѣясь, оба сѣли въ коляску. Въ эту минуту подскакала Лизавета Николаевна въ сопровожденіи Маврикія Николаевича.

„Она соскочила съ лошади, бросила поводъ своему спутнику оставшемуся, по ея приказанію, на конѣ и подошла къ образу именно въ то время, когда брошена была копейка. Румянецъ негодованія залилъ ея щеки; она сняла свою круглую шляпу, перчатки, упала на колѣни передъ образомъ, прямо на грязный тротуаръ, и благоговѣйно положила три земныхъ поклона. Затѣмъ вынула свой портмонэ, но такъ какъ въ немъ оказалось только нѣсколько гривенниковъ, то мигомъ сняла свои брильянтовыя серьги и положила на блюдо.

— Можно, можно? На украшеніе ризы? вся въ волненіи спросила она монаха.

— Позволительно, отвѣчалъ тотъ.—Всякое даяніе благо.

Народъ молчалъ, не высказывая ни порицанія, ни одобренія; Лизавета Николаевна сѣла на коня въ загрязненномъ своемъ платьѣ и ускакала“. (313 стр.).

Смятеніе Лизаветы Николаевны росло неуклонно, безостановочно, пока, поднявшись до предѣла, который можетъ вмѣстить человѣческое сердце,—сокрушило его.

Чѣмъ горше давили Лизавету Николаевну душевныя волненія, тѣмъ острѣе становилось ея сознаніе. Обреченная, она на мигъ не забывала объ этомъ. И Лизавета Николаевна возмутилась, подняла мятежъ противъ слѣпой, безпощадной силы. Пусть завтра—смерть, уничтоженіе, ничто, но она возьметъ свой „часъ“, силой воли остановитъ роковое движеніе. Изнуренная, сгибающаяся подъ ударами, Лизавета Николаевна возымѣла страстное желаніе,—разсудочное и вмѣстѣ безумное,—выпрямиться, отдохнуть.

Она пришла ночью къ Ставрогину, чтобы на разсвѣтѣ уйти невозвратно. Разсказчикъ дрогнулъ, и не обнажилъ этой ночи. Но и безъ словъ все сказалось, когда кончился ея срокъ: слѣпая сила издѣвательски поразила мятежницу ея же оружіемъ: разсудокъ и сознаніе не дали ей упоенія своевольно взятымъ часомъ.

Жизнь Лизаветы Николаевны кончалась хмурымъ утромъ, когда горѣло Зарѣчье и испуганная, озлобленная толпа глухо роптала у мѣста, гдѣ свершилось злодѣяніе надъ хромоножкой и ея братомъ.

Ставрогинъ, жалкій въ безсиліи, чуть не со слезами говорилъ о своей вѣрѣ въ то, что Лизавета Николаевна его не покинетъ, но она упорно, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, рвала нить за нитью.

Лизавета Николаевна уходила изъ жизни, не примиренная сіяющимъ образомъ, не умиротворенная свѣтлой путеводной мыслью. Она кончала, какъ жила, бурно, въ смятеніи. И ея послѣдній разговоръ съ любимымъ—былъ отъ смятенія.

Лизавету Николаевну ожидало послѣднее, самое страшное пораженіе. Оно свершилось тогда, когда изъ подслушанныхъ словъ невѣдомо откуда взявшагося Петра Степановича она узнала объ убійствѣ, о причастности Ставрогина къ злодѣянію. Только въ этотъ мигъ Лизавета Николаевна въ полной мѣрѣ постигла глубину своей привязанности; только въ этотъ мигъ она не разсудкомъ, а всей глубиной, самой потаенной глубиной постигла свой конецъ. И не молясь, она жарко и безумно молила о чудѣ, жарко и безумно ждала его.

— Николай Всеволодовичъ, скажите какъ передъ Богомъ, виноваты вы или нѣтъ, а я клянусь, вашему слову повѣрю, какъ Божьему, и на край свѣта за вами пойду, о, пойду. Пойду, какъ собачка...

Петръ Степановичъ, пытаясь не дать возможности отвѣтить Ставрогину, лихорадочно доказывалъ невиновность его.

— Такъ ли? Такъ ли? вся трепеща,—ждала послѣдняго себѣ приговора Лиза.

— Я не убивалъ и былъ противъ, но я зналъ, что они будутъ убиты, и не остановилъ убійцъ. Ступайте отъ меня, Лиза, вымолвилъ Ставрогинъ и пошелъ въ залу.

Лиза закрыла лицо руками и пошла изъ дому". (513 стр.).

Петръ Степановичъ пытался уговорить ее остаться, но все было напрасно. Она была охвачена однимъ желаніемъ: посмотрѣть на убитыхъ, сейчасъ, немедленно, не откладывая мгновенья.

„Лиза летѣла, какъ птица, не зная куда, и Петръ Степановичъ уже шаговъ на пятьдесятъ отсталъ отъ нея. Она упала, споткнувшись о кочку. Въ ту же минуту сзади, въ сторонѣ, раздался ужасный крикъ, крикъ Маврикія Николаевича, который видѣлъ ея бѣгство и паденіе и бѣжалъ къ ней черезъ поле. Петръ Степановичъ въ одинъ мигъ отретировался въ ворота Ставрогинскаго дома, чтобъ поскорѣе сѣсть на свои дрожки.

А Маврикій Николаевичъ, въ страшномъ испугѣ, уже стоялъ подлѣ поднявшейся Лизы, склонясь надъ нею и держа ея руку въ своихъ рукахъ. Вся невѣроятная обстановка этой встрѣчи потрясла его разумъ, и слезы текли по его лицу. Онъ видѣлъ ту, предъ которой столь благоговѣлъ, безумно бѣгущей черезъ поле, въ такой часъ, въ такую погоду, въ одномъ платьѣ, въ этомъ пышномъ вчерашнемъ платьѣ, теперь измятомъ, загрязненномъ отъ паденія...

— О, хоть бы кто-нибудь,—въ отчаяніи оглядывался онъ кругомъ. — Хоть бы какой проѣзжій. Вы промочите ноги, вы потеряете разсудокъ.

— Ничего, ничего—ободряла она его,—вотъ такъ, при васъ я меньше боюсь,— держите меня за руку, ведите меня... Куда

мы теперь, домой? Нѣтъ, я хочу сначала видѣть убитыхъ. Они, говорятъ, зарѣзали его жену, а онъ говоритъ, что онъ самъ зарѣзалъ; вѣдь это неправда, неправда. Я хочу видѣть сама зарѣзанныхъ... за меня... изъ-за нихъ онъ въ эту ночь разлюбилъ меня... я увижу и все узнаю. Скорѣй, скорѣй, я знаю этотъ домъ... тамъ пожаръ"... (518 стр.).

По дорогѣ Лизаветѣ Николаевнѣ суждено было встрѣтить друга и учителя дѣтства, чаровавшаго когда-то чудесными обманами. Ихъ пути,—стараго, отжившаго человѣка и молодого, безсильнаго долѣе жить,—скрестились. И взволнованныя рѣчи на этомъ скорбномъ перекресткѣ были приговоромъ тому, что нѣкогда влекло и обольщало.

Лизавета Николаевна, охваченная жалостью, пыталась уговорить Степана Трофимовича пойти съ ней, но онъ былъ, какъ въ туманѣ, и они разошлись.

Лизавета Николаевна со своимъ спутникомъ пришла къ дому Лебядкиныхъ въ то время, когда толпа была подъ сильнымъ впечатлѣніемъ разговоровъ о роли Ставрогина въ убійствѣ. Разсказчикъ, бывшій на пожарѣ, не сразу ихъ замѣтилъ.

„Впервой я замѣтилъ Лизу, остолбенѣвъ отъ изумленія, уже далеко отъ меня въ толпѣ, а Маврикія Николаевича даже сначала и не разглядѣлъ. Кажется, былъ такой мигъ, что онъ отъ нея отсталъ шага на два за тѣснотой, или его оттерли. Лиза, прорывавшаяся сквозь толпу, не видя и не замѣчая ничего кругомъ себя, словно горячечная, словно убѣжавшая изъ больницы, разумѣется, слишкомъ скоро обратила на себя вниманіе: громко заговорили и вдругъ завопили. Тутъ кто-то крикнулъ: „Это Ставрогинская." И съ другой стороны: „Мало что убьютъ, глядѣть придутъ." Вдругъ я увидѣлъ, что надъ ея головой, сзади поднялась и опустилась чья-то рука; Лиза упала. Раздался ужасный крикъ Маврикія Николаевича, рванувшагося на помощь и ударившаго изо всѣхъ силъ заслонявшаго отъ него Лизу человѣка. Но въ тотъ же самый мигъ обхватилъ его сзади обѣими руками тотъ мѣщанинъ. Нѣсколько времени нельзя было ничего разглядѣть въ начавшейся свалкѣ. Кажется, Лиза поднялась, но опять упала отъ другого удара. Вдругъ толпа разступилась и образовался небольшой пустой кругъ около лежавшей Лизы, а окровавленный, обезумѣвшій Маврикій Николаевичъ стоялъ надъ нею крича, плача и ломая руки. Не помню въ точной полности, какъ происходило дальше; помню только, что Лизу вдругъ понесли. Я бѣжалъ за нею"... (521 стр.).

Лизаветы Николаевны не стало. Судьба смилостивилась и отвратила смерчъ отъ нея, не хотѣвшей „сидѣть весь день".

„Я бѣжалъ за нею“... такъ обрываетъ разсказчикъ повѣсть. По этому внѣшнему движенію остается судить о переживаніи разсказчика.—Онъ остался вѣренъ себѣ до конца: горе и радость онъ скрылъ въ подпольѣ, потаенномъ отъ взора. Не въ этомъ ли подпольѣ боль, претворившись въ страшную ненависть, создала эпическую карикатуру?

IX.

Мы закончили анализъ отношенія разсказчика къ окружающему міру, выявили, по мѣрѣ силъ, душевный строй его. Но осталась еще полоса въ произведеніи, гдѣ разсказчикъ не дѣйствуетъ драматически, гдѣ формально его нѣтъ. Какъ доказать его бытіе, какъ обнаружить живое лицо его?

Можно привести характерныя, сближающія положенія; можно, въ подтвержденіе единства, показать идейное сходство. Но все это частичныя сближенія. Одинаковая же *природа* образа—въ языкѣ повѣствованія. Идеи измѣнчивы, временны, языкъ же самодовлѣющъ, властенъ и неподкупно правдивъ.

Мы различаемъ два свойства языка „Бѣсовъ“: необычайную дѣйственность, сдѣлавшую разсказчика дѣйствующимъ лицомъ (психологически и драматически) и гармоничную цѣльность, слившую образъ разсказчика въ одно художественное цѣлое. Подъ цѣльностью мы разумѣемъ психологическій ритмъ повѣствованія, при которомъ каждое слово, въ соотвѣтствіи съ предыдущимъ, органически едино развиваетъ образъ.

Кромѣ этихъ свойствъ языка, созданію художественнаго образа невольно для автора способствовали нѣкоторые его литературные пріемы; такъ пресловутая дружба разсказчика со Степаномъ Трофимовичемъ необходима автору для полнаго, исчерпывающаго изображенія „многочтимаго“. Характерна въ этомъ отношеніи деталь: сходство разсказчика съ покойнымъ братомъ Кириллова, благодаря которому Кирилловъ довѣрчиво отнесся къ разсказчику.

Пріемы эти слабы своей случайностью и преднамѣренностью. Однако тѣ элементы образа разсказчика, которые для автора были только преднамѣренными, формальными пріемами повѣствованія, благодаря безсознательной работѣ генія, явились цѣнными психологическими чертами, способствовавшими возникновенію живого лица. За этими спайками, слабыми своей формальной стороной, но сильными своей психической убѣдительностью, невѣдомо для самого создателя притаилась неожиданная, глубокая правда. Эта правда воплощалась въ разсказчикѣ.

Отношеніе Достоевскаго къ разсказчику то же, что Доріана Грея къ своему портрету: все душное и недоброе, что волновало Достоевскаго, переплавлялось творчески и чертило

живой образъ. Это была работа, потаенная отъ самого создателя, который увлекся житейскими счетами и позабылъ, что въ немъ бодрствуетъ его высшій судъ—геній. Совершались двѣ работы: сознательная и неправдивая, и сокровенная, но истинная. И каждый грѣхъ первой дѣлалъ ярче вторую.

Въ то время какъ Достоевскій, охваченный предвзятой мыслью, устами разсказчика неправдиво отливалъ жизнь въ предумышленныя формы, тутъ же съ его пера, повинуясь невѣдомому зову, падали драгоцѣнныя капли истиннаго искусства,—и въ невольно родившемся образѣ художнику готовилось тяжкое осужденіе: онъ не позналъ глубочайшую изъ радостей—„нечаянную радость" своего созданія.

С. Борщевскій.

Поэзія Блока.

Обычное дѣленіе поэзіи на лирику, эпосъ и драму не вполнѣ психологично: въ сущности есть одна только поэзія—лирическая. Душа, это—книга пѣсенъ. Ихъ можетъ быть больше и меньше, онѣ могутъ быть грубѣе и тоньше; но, какъ бы то ни было, именно изъ нихъ, и только изъ нихъ, состоитъ наша внутренняя, наша человѣческая литература. Прирожденная лиричность души,—вотъ главное; остальное приложится. И эпосъ и драма—лишь кристаллизація первороднаго лиризма. По аналогіи съ исторіей мірозданія, первичное состояніе души тоже газообразно. Да, лирика—нѣчто газообразное, и недаромъ у лирическаго поэта Блока стихъ клубится туманами. Душа безтѣлесна, и оттого ей къ лицу не „тяжкая твердость" эпоса или драмы, не ихъ прочная плотность, а безплотная воздушность лирики. Духу—воздушное. Лирическій воздухъ, благодаря которому дышитъ душа, образуетъ стихію какъ жизни, такъ и творчества. Это онъ внушаетъ душѣ-поэтессѣ ея интимные стихи, внятные или безмолвные,—тѣ бѣлые стихи, которые въ тишинѣ и тайнѣ слагаетъ каждый. Пѣвучесть—въ самой природѣ души; отъ душевной музыки идетъ духовная музыка и всякая иная разновидность вѣчнаго лиризма. Душа, это—лира.

Вотъ почему возможно принять за мѣрило достоинствъ поэта степень его совпаденія съ лирической категоріей духа. Тѣмъ выше поэтъ, тѣмъ поэтичнѣе поэтъ, чѣмъ онъ ближе и родственнѣе послѣдней. Если христіанство велико потому, что „всякая душа—христіанка", если существуетъ нѣкое естественное христіанство, неписанное Евангеліе, которое потомъ сказалось въ Евангеліи историческомъ; если существуетъ нѣкое естественное право, отъ котораго ведутъ свое происхожденіе всѣ остальныя права, права, тѣмъ болѣе правыя, чѣмъ больше походятъ они на своего родоначальника, то существуетъ и нѣкая естественная поэзія, къ которой и должны и хотятъ приближаться всѣ поэзіи вторичныя, всѣ литературы искусственныя. Лучшая словесность, это—слово.

Если съ такой точки зрѣнія посмотрѣть на поэтическій узоръ Александра Блока, то сейчасъ же увидишь тамъ легкіе слѣды первозданной лиричности. Она имѣетъ въ немъ одного

изъ тончайшихъ своихъ выразителей. Пѣвецъ Прекрасной Дамы „перстами легкими какъ сонъ“ касается жизни, и жизнь отъ этого теряетъ свою грубую матерьяльность и претворяется въ эѳирную субстанцію духа. Наслѣдникъ Фета, Блокъ имѣетъ въ своей музыкальной власти нѣжнѣйшія флейты и свирѣли стиха. Пытаясь ими сказать несказанное, онъ ткетъ паутинныя сплетенія лирики; они легко рвутся, и отъ реалистическаго дыханія какъ одуванчики разлетаются иныя его стихотворенія, изъ своего призрачнаго бытія безъ труда переходятъ въ полное небытіе. Въ своей автобіографіи разсказываетъ онъ, что съ дѣтства набѣгали на него „лирическія волны“; онъ имъ отдавался, онъ пьянѣлъ отъ нихъ, и такъ какъ у него съ тѣхъ поръ „душа туманамъ предана“, то вотъ изъ этой пьяности и туманности одинаково рождаются и произведенія завершенныя, совершенныя, и такія, которыя еще не готовы, не зрѣлы, темны и незначительны, стихи-эмбріоны. У Блока много лишняго и пустого. Онъ знаетъ бѣлое, но знаетъ и блѣдное, и бѣлое нерѣдко превращается у него въ бѣлесоватое. Какъ поэту, не чужда ему болѣзнь бѣлокровія. Деликатны всѣ его прикосновенія, но въ связи съ этимъ они бываютъ и вялы. Какъ ненюфары, какъ лиліи, растущія на водѣ,—многіе стихи его; здѣсь—очарованіе, но здѣсь и безцвѣтная неопредѣленность воды. Онъ часто непонятенъ, другимъ и себѣ, этотъ лунатикъ лиризма. Въ непонятныхъ строкахъ своихъ онъ, вѣроятно, даетъ уже продолженіе того внѣшняго и внутренняго факта, начало котораго читателю неизвѣстно; и мы недоумѣваемъ передъ этой безначальностью и потому незаконченностью, и мы только чувствуемъ, что предъ нами—какой-то намекъ. Не всегда хочется, не всегда стоитъ его разгадывать. Но тонкіе намеки его стиховъ, „грусть несказанныхъ намековъ“, иной разъ непостижимы, вѣроятно, и для самого автора. И это обусловлено тѣмъ, что вообще у него—душа-эскизъ, душа-набросокъ; не ярки ея линіи, не отчетливо обведены ея теряющіеся контуры. Лиризмъ не исключаетъ темперамента; между тѣмъ у нашего лирика послѣдней насыщенности темпераментомъ и нѣтъ. Ему недостаетъ той выразительности, того краснорѣчія, какими обладаетъ страсть. Безвольный, онъ не собралъ, не сосредоточилъ себя; и если согласиться съ Роденбахомъ, что душа—голубой акваріумъ, то въ хрустальныя стѣнки его, въ этотъ прозрачный плѣнъ, Блокъ не ввелъ, не заключилъ расплывающихся струй своего творчества.

Но замѣчательно, что всѣ эти недостатки его являются лишь изнанкой его достоинствъ и проистекаютъ изъ той органической и родственной близости его къ самой стихіи лиризма, которую мы только что отмѣтили. Какъ будто не самъ онъ отвѣтственъ за себя, и во всякомъ случаѣ вину за

туманы и улетучивающіеся флюиды своихъ стиховъ онъ долженъ дѣлить съ изначальной газообразностью лирической души. Оттого и сущность его поэзіи выплываетъ исподволь, не сразу: какъ будто ея туманное пятно свѣтлѣетъ мало-по-малу. Она въ томъ отношеніи развивается и растетъ, что происходитъ въ ней постепенная конкретизація. Медлительно и неувѣренно соединяются ея едва намѣченные штрихи въ опредѣленный и сдержательный рисунокъ, и водяными красками написана картина этой творческой, но не энергической и до конца не выявленной личности. Пристально вглядываясь въ ея очертанія, въ зыбкое марево ея примѣтъ, мы прежде всего различаемъ то, что Блокъ никогда не бываетъ одинъ. Не за нимъ слѣдуетъ тѣнь, а онъ слѣдуетъ за тѣнью, свѣтлой или темной, голубой или бѣлой, или черной, преслѣдуетъ Незнакомку, кого-то ищетъ, кого-то слышитъ, съ кѣмъ-то бесѣдуетъ. Лиризму свойственна углубленность; но, кажется, Блокъ достаточно глубоко въ себя не входитъ и не настолько умѣетъ оставаться наединѣ съ собою, чтобы потомъ разсказать себя внѣ своихъ соотношеній съ другими, съ друзьями, съ Другой. Не самостоятельный, онъ точно пребываетъ больше въ инобытіи, чѣмъ въ бытіи. Вѣчный женихъ той или иной Офеліи, будь это Мадонна или Карменъ, Дѣва Дѣвъ или цыганка, онъ „входитъ въ темные храмы, свершаетъ бѣдный обрядъ, тамъ ждетъ Прекрасной Дамы въ мерцаньи красныхъ лампадъ". Рыцарь и богомолецъ, онъ предчувствуетъ Богоматерь, идетъ по слѣдамъ ея голубыхъ путей, лазурною дорогой; и „съ глубокою вѣрою въ Бога" для него „и темная церковь свѣтла". Словно католикъ нашей поэзіи, онъ воздвигаетъ въ своей душѣ нѣкую готику. Но только она не запечатлѣна средневѣковой величественностью и не имѣетъ цѣльности. Въ самыя минуты озаренныхъ молитвословій, умиленнаго богослуженія, Блокъ, зная свое непостоянство и колебанія своей души, уже боится, что онъ не останется вѣренъ своей иконѣ, своей Мадоннѣ. И за это онъ винитъ либо ее, либо себя. Она измѣнитъ свой обликъ—рождается въ немъ „дерзкое подозрѣніе"; она „смѣнитъ въ концѣ привычныя черты". Но, разумѣется, это возможно только потому, что измѣнчивъ онъ самъ, что двулична его душа:

Люблю высокіе соборы,
Душой смиряясь, посѣщать,
Входить на сумрачные хоры,
Въ толпѣ поющихъ исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образъ дьявольскій и дикій
Въ сію священную броню.

Въ своей молитвѣ суевѣрной
Ищу защиты у Христа,
Но изъ-подъ маски лицемѣрной
Смѣются лживыя уста.

Конечно, нашъ поэтъ не такъ прикосновененъ къ аду, какъ онъ это изображаетъ, и образъ его не производитъ впечатлѣнія „дьявольскаго и дикаго"; но вѣрно то, что своей Прекрасной Дамы онъ—рыцарь только на часъ. Въ этомъ вѣдь и заключается основной надломъ его поэзіи,—въ этой невыдержанности его идеализма. Какъ и пушкинскій рыцарь, онъ тоже нѣкогда увидѣлъ (или, по стопамъ Владиміра Соловьева, внушилъ себѣ, что увидѣлъ) „у креста, на пути, Марію Дѣву, Матерь Господа Христа", но, въ противоположность своему прототипу, не сталъ навсегда приверженъ ея имени и духу святому. Его закружила метель жизни, та снѣжная вьюга, которую онъ такъ часто поминаетъ, и богу невѣдомому, Незнакомкѣ, началъ приносить онъ свои шаткія молитвы,—а она прихотливо мѣняла свои облики и являлась ему то какъ упавшая съ неба голубая звѣзда, то какъ Марія, какъ дальняя Мэри, то какъ грѣшная скиталица ресторановъ. Подъ снѣжной маской и подъ всякою другою маской скрывала передъ нимъ свое лицо его спутница, — или, лучше сказать, это было иллюзіей, въ дѣйствительности же съ маской, подругой измѣны, рѣдко разлучался онъ. Блокъ считаетъ это даже не только своей личной, но и общей участью:

И мнѣ, *какъ всѣмъ,* все тотъ же жребій
Мерещится въ грядущей мглѣ:
Опять любить Ее на небѣ
И измѣнить ей на землѣ.

Измѣнить или измѣнять: послѣднее вѣрнѣе, потому что говоритъ о приливахъ и отливахъ душевнаго моря, о перевалахъ жизненной дороги. На ея протяженіи бываютъ минуты, когда кажется, что твое Божество совсѣмъ отошло отъ тебя, навѣки, безвозвратно:

Ты въ поля отошла безъ возврата.
Да святится имя Твое!
. . . . . .
О, исторгни ржавую душу,
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!

Страшно сказать про свою душу, что она — ржавая; но вѣдь и въ самомъ дѣлѣ человѣческая душа способна ржавѣть, и Блокъ слишкомъ испыталъ это на самомъ себѣ. Пусть не отошла отъ него на вѣки Властительница моря и суши со своею тонкой рукой, съ тою въ кольцахъ узкою рукой, къ

которой такъ нѣжно прижимаетъ Блокъ свои уста, — надъ нею въ его сердцѣ уже не сіяетъ прежній ореолъ чистоты. Поэтъ прошелъ сквозь строй города, извѣдалъ его развращеніе, отравилъ себя его моральной ржавчиной и бѣленой, и между нимъ и Прекрасной Дамой стали иные образы. Чистыя одежды снѣга, который у Блока съ его душою, очень тронутой сѣверомъ,—явленіе не только атмосферное, но и мистическое, шлейфъ метели, оснѣженныя колонны Петербурга, и вся вообще эта поэма любимаго блоковскаго снѣга и снѣжной вьюги не сохранили однако нашего пѣвца для обителей вѣчной и блаженной бѣлизны. Знатный рыцарь въ голубомъ плащѣ и съ мечемъ, лирическій принцъ, по духу своему аристократъ голубой крови, онъ не оградилъ себя и отъ крови черной. Она оказалась не только въ той презрѣнной женщинѣ, которую онъ палкой ударилъ, но и въ немъ самомъ: одинаково въ обоихъ „нѣтъ, не смиритъ эту черную кровь даже свиданіе, даже—любовь!", и въ нѣкоторыя мгновенія „*мой* ротъ извивомъ алымъ на *твой* таинственно похожъ!.." И въ черномъ и въ бѣломъ роднятся между собою люди. Какъ не похожа на Беатриче та, которую непохожій на Данте палкой ударилъ!.. Но когда она спитъ и проникаетъ „утра первый лучъ звенящій сквозь желтыхъ шторъ", то „чертитъ Богъ на тѣлѣ спящей свой свѣтовой узоръ": какъ это примирительно и ласково, какъ это далеко отъ чернаго! и возвращаются Беатриче и Данте, и можно ли гнушаться той, на чьемъ тѣлѣ самъ Богъ не брезгаетъ чертить свои свѣтовые узоры, играть звенящими лучами своего благодатнаго солнца!.. Но все-таки, омрачая бѣлизну и ослабляя бѣлесоватость Блока, несчастно и счастливо, вторгается въ его стихи черное. Характерно, что самыя розы у него часто черны.

Я послалъ тебѣ черную розу въ бокалѣ
Золотого, какъ небо, Аи,—

опять соединеніе темнаго и свѣтлаго...

Бокалъ, „вечерній звонъ хрупкаго бокала" въ поэзіи Блока вообще имѣетъ не малую долю. Поэтъ „пригвожденъ къ трактирной стойкѣ", къ этому дьявольскому кресту новой Голгоѳы; душа его „пьянымъ пьяна... пьянымъ пьяна", и потому его счастье „потонуло въ снѣгу вѣковъ", умчалось тройкой въ „сребристый дымъ", въ „сребристую мглу" жизни. Впрочемъ, Блокъ опьяненъ какъ принцъ, и опьянила его именно струя Аи, благородная пѣна шампанскаго вина. Въ самомъ опьяненіи остается онъ изященъ: онъ опьяненъ, но не опошленъ. Какъ-то неглубоко вошелъ въ него „тлетворный духъ" ресторана, гдѣ онъ проводилъ безпутные часы, и лишь слегка задѣлъ эту не страстную душу. Но, разумѣется, ея первоначальная свѣжесть давно потеряна, теперь онъ смутенъ и сложенъ, теперь

накопилось въ немъ достаточно иронiи, теперь, зачерпнувъ изъ дѣйствительности совсѣмъ не романтической, онъ нажилъ печальное богатство насмѣшки надъ собственнымъ романтизмомъ. Это составляетъ одну изъ нѣсколькихъ точекъ соприкосновенiя между Блокомъ и Гейне.

У нашего русскаго лирика нѣтъ той остроты ума, какой отличается нѣмецкiй, и онъ гораздо сдержаннѣе послѣдняго въ своемъ скептицизмѣ, и несравненно сердечнѣе его, богаче патрiотизмомъ; но все же, когда Блокъ переводилъ Гейне, онъ шелъ этимъ на огонекъ, на блуждающiй огонекъ, себѣ родственный. И можно было бы творчество Блока разсмотрѣть какъ разъ въ этихъ двухъ планахъ: не-гейневскомъ и гейневскомъ; можно было бы различить въ его поэзiи теченiе благочестивое, въ духѣ Жуковскаго, который такъ не любилъ Гейне, и теченiе противоположное, уже потерявшее свою религiозную кристальность, уже смѣшавшееся съ черной кровью и тѣнями утомленнаго сердца, охлажденнаго солнца, уже отравленное ядами той поры возраста и духа, когда

...ни скукой, ни любовью,
Ни страхомъ ужъ не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью,

когда

...ограбленъ ты и нагъ:
Смерть невозможна безъ томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Такъ—только замедляетъ шагъ.

Не юная и не быстрая кровь, жизнь, еще не остановившаяся, но уже замедлившая свой шагъ: именно этотъ перiодъ такъ опасенъ для романтизма и такъ склоненъ пятнать его мечты. Вотъ почему и Блокъ отъ культа своей божественной невѣсты пришелъ къ сомнѣнiю, не картонная ли она, и Божiй мiръ предсталъ ему какъ балаганчикъ, и любовь, когда-то единая, разсыпалась на безчисленныя и обездушенныя любви: „ихъ было много... и тѣ же ласки, тѣ же рѣчи, постылый трепетъ жадныхъ устъ, и примелькавшiяся плечи“; „да, есть печальная услада въ томъ, что любовь пройдетъ какъ снѣгъ... нѣтъ, я не первую ласкаю и въ строгой четкости моей уже въ покорность не играю и царствъ не требую у ней“; „и стало все равно, какiя лобзать уста, ласкать плеча“. Наступила жуткая полоса, о которой очень сильно и сурово говоритъ поэтъ:

Здѣсь духъ мой злобный и упорный
Тревожитъ смѣхомъ тишину;
И, откликаясь, воронъ черный
Качаетъ мертвую сосну;

Внизу клокочутъ водопады,
Точа гранитъ и корни древъ;
И на камняхъ поютъ наяды
Безполый гимнъ безмужнихъ дѣвъ;

И въ этомъ гулѣ водъ холодныхъ,
Въ постыломъ крикѣ воронья,
Подъ рыбьимъ взоромъ дѣвъ безплодныхъ
Тихонько тлѣетъ жизнь моя!..

Или вотъ еще элегія полной безнадежности и унынія:

Весенній день прошелъ безъ дѣла
У неумытаго окна;
Скучала за стѣной и пѣла,
Какъ птица плѣнная, жена.

Я, не спѣша, собралъ безстрастно
Воспоминанья и дѣла;
И стало безпощадно ясно:
Жизнь прошумѣла и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будетъ скучно и темно;
Къ чему спускать на окнахъ шторы?
День догорѣлъ въ душѣ давно.

Вопреки собственному завѣту своихъ прекрасныхъ, серьезныхъ и религіозныхъ словъ: „свершай свое земное дѣло, *довольный возрастомъ своимъ*“, Блокъ сталъ недоволенъ, и затмилась у него прежняя ясность серафическаго взора. Когда-то у него, наивнаго, помимо общей возвышенности идеалистическаго духа, была болѣе обычная, но не менѣе цѣнная ласковость и привѣтливое дружелюбіе: очень трогательны, напримѣръ, его стихи о дѣтяхъ, объ умершей мамѣ, о томъ, какъ

Въ голубой далекой спаленкѣ
Твой ребенокъ опочилъ.
Тихо вылѣзъ карликъ маленькій
И часы остановилъ.

И часты у него стихотворенія о конкретныхъ несчастьяхъ жизни, стихотворенія-баллады,—хотя бы „Сказка о пѣтухѣ и старушкѣ“, о красномъ пѣтухѣ, отъ котораго сгорѣла бѣдная старушка:

А надъ кучкой золы разметенной,
Гдѣ гулялъ и клевалъ пѣтушокъ,
То погаснетъ, то вспыхнетъ червонный
Золотой, удалой гребешокъ.

Но это дорогое въ своей простотѣ нервно усложняется, и зрѣлище смерти уже вызываетъ не непосредственный откликъ сердца, а „вольныя мысли“ о смерти, и самою жизнью внушенная баллада принимаетъ очертанія, въ которыхъ фантастика и модернизмъ вступаютъ между собою въ причудливый союзъ, такъ что къ Донъ-Жуану приближается Командоръ не тяжелыми стопами Каменнаго Гостя, а, въ обстановкѣ нашихъ дней,—

Пролетаетъ, брызнувъ въ ночь огнями,
Черный, тихій, какъ сова, моторъ.
Тихими, тяжелыми шагами
Въ домъ вступаетъ Командоръ—

и несетъ месть Донъ-Жуану именемъ донны Анны, той Анны, передъ которой виноватъ всякій Донъ-Жуанъ.

Въ душѣ, прежде богомольной, начинаетъ гнѣздиться кощунство и богоборчество,—даже не жгучая ненависть къ Богу, а презрѣніе. Еще благочестіе и смиреніе не совсѣмъ умерли; но на похоронахъ младенца—

Пусть эта смерть была понятна,—
Въ душѣ подъ пѣсни панихидъ,
Ужъ проступали злыя пятна
Незабываемыхъ обидъ.
Уже съ угрозою сжималась
Доселѣ добрая рука.

. . . . . .

Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвенію предамъ.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночамъ.
Но—быть колѣнопреклоненнымъ,
Тебя благодарить скорбя?—
Нѣтъ. Надъ младенцемъ, надъ блаженнымъ,
Скорбѣть я буду безъ Тебя.

Въ сущности, безъ Бога и безъ божьяго креста оказывается и любовь Блока, раньше сохранявшая у него именно божественные аспекты. Въ своей драмѣ „Роза и Крестъ“, лучше задуманной, чѣмъ исполненной, онъ не показалъ возможности того, чтобы въ любви роза и крестъ сливались гармонически. Любовь Изоры—безкрестная, а въ любви тусклаго Бертрана—слишкомъ мало розы. Не освящена не только церковью, но и естественной святостью самой любви увѣнчанная любовь Изоры и Алискана (котораго не напрасно авторъ въ своемъ комментаріи къ пьесѣ называетъ „молодымъ и красивымъ пошлякомъ“, „не человѣкомъ, а красивымъ животнымъ“). Но въ „Розѣ и Крестѣ“ то хорошо и то соотвѣтствуетъ осложняющейся, налетомъ трагизма покрывающейся душѣ

Блока, что явленъ тамъ образъ именно черной розы. Она чернѣетъ, она становится все тяжелѣе отъ пропитывающей ее человѣческой крови; розу омрачаетъ страданіе, и этимъ она въ благоуханности своихъ омраченныхъ лепестковъ краснорѣчивѣе живыхъ героевъ говоритъ, что радость и страданіе могутъ сочетаться воедино.

Тяжесть любви, и соединеніе любви съ болью, съ убійствомъ, съ кровопійствомъ и вообще-то не однажды мерещится Блоку въ странныхъ сонныхъ видѣніяхъ его стиховъ. Какъ вонзается въ сердце острый французскій каблукъ, какъ любовникъ-вампиръ вонзаетъ свой перстень въ бѣлое плечо, и кровь, душный и смолистый напитокъ, пьетъ изъ плечъ благоуханныхъ,—это вѣдомо нашему поэту.

И если въ началѣ своего человѣческаго и поэтическаго пути Блокъ вѣрилъ въ поэта, то дальнѣйшее продвиженіе черезъ тѣснины жизни, такія обездоливающія и разоряющія, отняло у него эту вѣру, и мы знаемъ, какъ часто и съ какою горечью говоритъ онъ о „литераторѣ модномъ, словъ кощунственныхъ творцѣ“, о „сочинителѣ, человѣкѣ, называющемъ все по имени, отнимающемъ ароматъ у живого цвѣтка, больше любящемъ риѳмованныя и не риѳмованныя рѣчи о землѣ и небѣ, чѣмъ землю и небо“, „бродящемъ по улицамъ, ловящемъ отрывки незнакомыхъ словъ и разсказывающемъ свою душу подставному лицу“; и все больше и больше сомнѣвается онъ чтобы въ „легкомъ челнокѣ искусства“ можно было „уплыть отъ скуки міра“, и онъ проклинаетъ свои книги, своихъ дѣтей,—„молчите, проклятыя книги! я васъ не писалъ никогда!“

Лиризмъ по своей природѣ—утвержденіе; а въ душу Блока соблазняющей змѣею вкралось отрицаніе. Элементъ Гейне сказался, и по существу и по формѣ, также и въ той особенности Блока, благодаря которой ему все настойчивѣе открывалось присутствіе на землѣ сверхъ-естественныхъ силъ, демоническаго начала. Надъ міромъ простымъ построилъ онъ страшный міръ. Недаромъ третью книгу своихъ стиховъ, самую зрѣлую и примѣчательную, онъ посвятилъ такой музѣ, въ чьихъ напѣвахъ сокровенныхъ есть роковая о гибели вѣсть, проклятье святынь, поруганіе счастья, насмѣшки надъ вѣрой, искущеніе ангеловъ, и была ему „роковая отрада въ попираньи завѣтныхъ святынь“. Всякія пѣсни ада, и пляски смерти, и смерть, наклонившаяся въ аптекѣ передъ шкапомъ съ надписью Venena, и дурной глазъ тайнаго соглядатая: все это дошло до слуха и духа Блока.

Но смерть свою, настоящую и послѣднюю смерть, онъ представляетъ себѣ все-таки благообразной и торжественной. Она войдетъ къ нему „съ хрустальнымъ звономъ“, она „тронетъ

сердце нѣжной скрипкой", она закружитъ голову хороводомъ тихихъ грезъ.

Протянуться безъ желаній,
Улыбнуться навсегда.
Чтобъ въ послѣдній разъ проплыли
Мимо, сонно, какъ въ туманѣ,
Люди, зданья, города.

Все кружится и кружится эта легкая карусель. „Что жъ, конецъ?"

Нѣтъ, еще лѣса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русскіе туманы,
Наши шелесты въ овсѣ.
А когда пройдетъ все мимо,
Чѣмъ тревожила земля,
Та, кого любилъ ты много,
Поведетъ рукой любимой
Въ Елисейскія поля.

Особенно замѣчательны и привлекательны эти лѣса, поляны, проселки и шоссе, наша русская дорога, наши шелесты въ овсѣ. Здѣсь—русская стихія Блока, здѣсь тотъ его патріотизмъ, та искренняя и любовная заинтересованность Россіей, которые въ этомъ слагателѣ итальянскихъ стиховъ и въ этомъ едва ли не русскомъ Шелли производятъ неотразимое впечатлѣніе. Исторія нашей поэзіи пріучила насъ къ тому, чтобы отъ своихъ лириковъ мы не ждали гражданственности. На гражданскіе мотивы строилъ свои не всегда складныя пѣсни Некрасовъ; но истинные поэты, но Фетъ и Тютчевъ не здѣсь находили свое высокое вдохновеніе. Между тѣмъ тончайшій лирикъ Блокъ является вмѣстѣ съ тѣмъ, наперекоръ русской традиціи, поэтомъ-гражданиномъ. И многія страницы его проникнуты неподдѣльнымъ чувствомъ родины. Не безнаказанно, не безслѣдно прошла и проходитъ для него русская исторія: онъ ею живетъ и страдаетъ, онъ принимаетъ въ ней моральное участіе.

Необходимо оговориться: мы не имѣемъ въ виду послѣднихъ выступленій Блока, его публицистическихъ статей, его нашумѣвшей газетной прозы. Когда говоришь о его поэзіи, нѣтъ нужды вспоминать что-нибудь другое, кромѣ нея. Неизмѣримо слабѣе, чѣмъ его стихи, вся его проза вообще. Она часто наивна и безпомощна; въ ней онъ не мыслитель; съ нею нельзя серьезно считаться, и не политикѣ, и не идеямъ, а поэзіи можно и надо учиться у нашего лирика. Но вотъ именно въ предѣлахъ его пѣсенъ „за струнной изгородью лиры", внѣ потрясающей

картины теперешняго русскаго момента, слышится у него постоянное обращеніе къ Россіи; и для насъ важно какъ разъ оно. Не въ безвоздушномъ пространствѣ отвлеченныхъ далей, а въ опредѣленномъ, въ русскомъ воздухѣ, на просторѣ русскихъ полей помѣщаетъ онъ свою лирику. Если и Тютчевъ, только что упомянутый, въ свою космическую поэзію вводитъ иногда Россію, то все-таки Россія къ сути его творчества не имѣетъ прямого отношенія, а скорѣе представляетъ собою только эпизодъ, и Тютчевъ былъ бы собою даже и безъ своего славянофильства. Между тѣмъ Блокъ содержаніе и духъ своего лиризма не мыслитъ внѣ глубочайшей связи съ категоріей Россіи. Особый отпечатокъ своей души онъ выводитъ изъ новѣйшей русской исторіи:

Мы—дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи—
Забыть не въ силахъ ничего.
Испепеляющіе годы!
Безумья ли въ васъ, надежды ль вѣсть?
Отъ дней войны, отъ дней свободы—
Кровавый отсвѣтъ въ лицахъ есть.
Есть нѣмота—то гулъ набата
Заставилъ заградить уста.
Въ сердцахъ, восторженныхъ когда-то,
Есть роковая пустота.

Эту пустоту Блокъ стремится заполнить Россіей, религіей Россіи. И въ рядѣ стихотвореній онъ либо изображаетъ „полевого Христа“, нашу природу, живую миѳологію нашихъ полей и болотъ, міръ нашихъ „тварей весеннихъ“, либо говоритъ о Россіи съ какимъ-то болѣзненнымъ стономъ любви и тоски. Онъ называетъ ее своею женою, своей бѣдной женою, своею жизнью; онъ нищую страну свою и кругъ ея низкихъ нищихъ деревень принимаетъ глубоко въ сердце и безумно хочетъ разгадать ея загадку,—„она и въ снахъ необычайна“.

Мистичность своей „роковой, родной страны“ онъ прозрѣваетъ и въ ея текущихъ ужасныхъ событіяхъ; и на нихъ тоже распространяется та его первая и, должно быть, послѣдняя любовь, то его мистическое супружество, которое называется Россія. Но здѣсь уже политическій мыслитель Блокъ помѣшалъ лирическому поэту Блоку, и его поэма „Двѣнадцать“ создаетъ тяжелое впечатлѣніе. Не чуждая, конечно, художественныхъ достоинствъ, она все же не блещетъ ими сплошь, отталкиваетъ мѣстами своей—правда, намѣренной—грубостью, не бѣдна словесными шероховатостями, а, главное, безо всякой внутренней связи, безъ органичности и необходимости, только внѣшне связываетъ свою фактическую фабулу съ нашей революціей. Эта послѣдняя къ сюжету привлечена искусственно. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ то, что Петька, ревнуя къ Ванькѣ,

убилъ Катьку,—развѣ это не стоитъ совершенно особнякомъ отъ соціальной или хотя бы только политической революціи? И развѣ революція—рама въ которую можно механически вставлять любую картину, не говоря уже о томъ, что и вообще рама съ картиной еще не есть организмъ? Изображенное Блокомъ событіе могло бы произойти во всякую другую эпоху, и столкновеніе Петьки съ Ванькой изъ-за Катьки по своей сути ни революціонно, ни контръ-революціонно. Правда, Петька, одинъ изъ двѣнадцати,—красногвардеецъ; вотъ эта дань модѣ, этотъ послѣдній крикъ современности и позволили автору написать свое кровавое происшествіе на фонѣ именно революціи: такъ получилась политика. Сама по себѣ, она у нашего поэта двойственна. Съ одной стороны, онъ какъ будто сокрушается, что у насъ „свобода—безъ креста"; онъ находитъ къ лицу, или, лучше сказать, къ спинѣ, своимъ двѣнадцати „бубновый тузъ"; онъ слышитъ на улицѣ города, среди снѣжной вьюги, не покидающей Блока и здѣсь, слова женщинъ: „и у насъ было собраніе... вотъ въ этомъ зданіи... обсудили... постановили... на время десять, на ночь—двадцать пять"; и много другихъ штриховъ заставляютъ думать, что писатель далъ не столько поэму, сколько сатиру,—ѣдкую сатиру на русскую революцію, на ея опошленные лозунги, на ея отношеніе къ „буржуямъ", „попамъ", къ „сознательнымъ" и „безсознательнымъ". Съ другой стороны, самое названіе „Двѣнадцать", а не „Тринадцать" (эта дюжина была бы здѣсь умѣстнѣе, чѣмъ обыкновенная) и не какое-нибудь другое число, символически намекаетъ, что Блокъ имѣетъ въ виду нѣкій священный прецедентъ: хотя всѣ двѣнадцать идутъ вдаль „безъ имени святого", у читателей невольно, вѣрнѣе—по волѣ поэта, возникаетъ воспоминаніе о двѣнадцати апостолахъ. И что такое сближеніе не является произвольной выходкой со стороны кощунствующаго читателя, а предположено самимъ авторомъ,—это видно изъ неожиданнаго финала поэмы:

Такъ идутъ державнымъ шагомъ—
Позади голодный песъ,
Впереди—съ кровавымъ флагомъ,
И за вьюгой невидимъ,
И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ—
Впереди—Исусъ Христосъ.

Этого уже за иронію никакъ нельзя принять. Помимо тона, заключительный аккордъ поэмы, Христосъ съ краснымъ флагомъ, съ кровавымъ флагомъ, долженъ еще и потому прини-

маться нами не какъ насмѣшка, а всерьезъ, что здѣсь слышатся давно знакомыя и завѣтныя лирическія ноты Александра Блока—нѣжный жемчугъ снѣга, снѣжная бѣлая вьюга, дыханіе небесной божественности среди земной метели. Двѣнадцать героевъ поэмы, собранные въ одну грабительскую шайку, нарисованы авторомъ какъ темные и пьяные дикари,—что же общаго между ними и двѣнадцатью изъ Евангелья? И пристало ли имъ быть крестоносцами въ борьбѣ за новый міръ? Такъ не сумѣлъ Блокъ убѣдить своихъ читателей, что во главѣ двѣнадцати, предводителемъ красногвардейцевъ оказывается Христосъ съ краснымъ флагомъ. Имя Христа произнесено всуе.

Нѣтъ, не политикой, инороднымъ тѣломъ своимъ нарушающей поэтичность блоковскихъ мелодій, оправдываетъ нашъ пѣвецъ Россію и свою любовь къ ней, а именно самой поэзіей своей. Она—лишній доводъ въ защиту русскаго духа, новый аргументъ въ пользу нашей несчастной родины. „Не бездарна та природа, не погибъ еще тотъ край“, гдѣ могутъ зарождаться подобныя пѣсни. Что ни говорить о пѣснѣ, все равно ея не разскажешь. Нельзя разсказать и о пѣснѣ Блока, о ней особенно, потому что ничѣмъ, кромѣ ея самой, не воспроизведешь ея неуловимой музыкальности. Тайна ея своеобразныхъ ритмовъ едва ли можетъ быть вскрыта научнымъ анализомъ: лучше постигаешь ее, когда просто вслушиваешься въ нее слухомъ и сердцемъ и отдаешься ласкающимъ волнамъ его стиховъ. Блокъ умѣетъ находить такія простыя и скромныя, и вмѣстѣ неожиданныя сочетанія словъ и тоновъ, такіе серебряные переливы словесныхъ журчаній, что въ лучшія и типичныя его стихотворенія, сразу напѣвныя, входишь какъ въ нѣкое очарованное царство музыки. Присуще его поэзіи легкое дыханіе. Вся легкая и тонкая, она является достойной тканью, наиболѣе соотвѣтственной ризой для его настроеній и съ ними сочетается въ одно, какъ и самъ онъ настолько осуществляетъ единство съ предметомъ своего изображенія, что уже, напримѣръ, не отличаетъ себя отъ весны и прямо говоритъ: „*мы съ тобой* такъ нѣжно любимъ, тиховѣйная весна“... Его лиризмъ и не могъ бы выливаться какъ-нибудь иначе, чѣмъ въ этихъ соловьиныхъ треляхъ, какими звенитъ его поэзія. Блокъ—только лирикъ. На страницахъ своихъ драмъ онъ часто терпитъ крушеніе, но сейчасъ же спасается и крѣпнетъ—тѣмъ, что заводитъ пѣсню, какую-нибудь серенаду, отъ которой не можетъ не забиться сладостнѣе и сильнѣе взволнованное сердце. Стоитъ Блоку только начать, только сказать: „То не ели, не тонкія ели“... и вотъ уже онъ оплетаетъ васъ какими-то нѣжнѣйшими шелками звуковъ, и какая Аэлисъ не заслушается этого призыва:

Аэлисъ, о роза, внемли,
Внемли соловью...
Всѣ отдамъ Святыя Земли
За любовь твою?..

Кто поетъ, тотъ правъ. А Блокъ, нашъ плѣнительный менестрель, поетъ. Его разсужденія не убѣдительны; зато пѣсни его неотразимы.

Не достаетъ ему конечнаго паѳоса, и муза его—сомнамбула, вступающая „въ обманы и туманы", и нерѣдко явь у него—какъ сновидѣніе, какъ блѣдная отраженность зеркалъ, и опьяняется онъ все-таки не крѣпкимъ, не терпкимъ, а снѣжнымъ виномъ, „легкой брагой снѣжныхъ хмѣлей". Но акварельность и бѣлесоватость свою онъ преодолѣваетъ, и все богаче красками и оттѣнками, но не бѣднѣе воздушностью, становится его лиризмъ, и чѣмъ ближе подходишь къ нему, тѣмъ болѣе цѣнишь хрупкій хрусталь его стиховъ, исповѣдь его молитвъ и паденій,—красоту „соловьинаго сада".

Ю. Айхенвальдъ.

Взыскующій благодати.

(Ѳ. И. Тютчевъ: поэтъ и поэзія).

За исключеніемъ вдохновенной статьи Вл. Соловьева, въ которой блестяще было конструировано міровоззрѣніе Тютчева, и необыкновенно тонкой, но мало кому извѣстной эстетической оцѣнки Фета, у насъ нѣтъ положительныхъ данныхъ о поэтѣ и его поэзіи. Наши критики—Горнфельдъ, Мережковскій, правда, касались проблемы тютчевской личности—психологіи его творчества, но какъ неполно разработалъ вопросъ первый, и какъ невѣрно поставилъ его другой, для котораго Тютчевъ былъ не цѣлью, а лишь предлогомъ къ проповѣди синтеза индивидуализма и общественности. Въ заранѣе приготовленныя формулы пытался Д. С. Мережковскій втиснуть живое, трепетное содержаніе поэзіи своенравной, меньше всего поддающейся гнету формулъ, многообразной и сложно запутанной. И муза поэта ускользнула съ уготованнаго ей Мережковскимъ Прокрустова ложа. Отъ нея остался лишь призракъ невѣрный...

Объ этой судьбѣ занимающей насъ проблемы личности Тютчева нельзя не сожалѣть. Вѣрные пути къ раскрытію „психологіи“ этой поэзіи привели бы насъ и къ болѣе глубокому постиженію ея „философіи“. Многое въ міросозерцаніи геніальнаго поэта стало бы намъ яснымъ. Психологія дала бы ключъ къ его шифру. Отсутствіе психологическаго базиса составляетъ чрезвычайно большой пробѣлъ и въ превосходномъ этюдѣ Соловьева, пробѣлъ, еще не восполненный.

Мы не претендуемъ на разрѣшеніе этой загадки. Кто хотя немного проникалъ въ этотъ, покуда еще дѣвственный, лѣсъ тютчевскаго творчества, тотъ знаетъ, какъ причудливо сплетены самые разнородные элементы его поэзіи. Она—узелъ. И не рубить его надо, а распутать: все дѣло, вѣдь, именно въ этомъ, дѣло кропотливое и трудное. — Мы попытаемся лишь отчасти возстановить истину.

I.

Мережковскій рубитъ этотъ узелъ. Вся данная имъ постановка вопроса свидѣтельствуетъ о подобномъ безплодномъ способѣ рѣшенія задачи. По неизбѣжной для этого писателя схемѣ

противоположенiй, съ Некрасовымъ сопоставляется Тютчевъ, какъ поэтъ индивидуалистическiй, даже эгоистическiй. Его поэзiя -- поэзiя индивидуализма. Выше всего, полагаетъ критикъ, Тютчевъ ставитъ свое „я", и ему приноситъ все въ жертву.

Мы думаемъ, что вопросъ объ индивидуализмѣ Тютчева много сложнѣе.

Конечно, „я" занимало въ поэзiи Тютчева одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ былъ индивидуалистомъ. Къ „я" можно относиться, какъ къ грѣховному началу, какъ къ болѣзни. И такъ относился къ человѣческой индивидуальности Тютчевъ.

Поэтъ несомнѣнно религiозный, онъ въ поэзiи своей выражалъ то же мiросозерцанiе, то же воззрѣнiе на личность, которое онъ проводилъ въ своихъ философско-публицистическихъ статьяхъ. Тютчевъ не былъ разсудочнымъ мыслителемъ, холодно развивающимъ извѣстныя идеи. Его глубокiй и сильный въ логическихъ построенiяхъ умъ выражалъ въ нихъ свой внутреннiй опытъ. „Художникъ" и „мыслитель" сходились въ немъ. Произведенiя послѣдняго представляютъ прозаическое дополненiе и, хотя нѣсколько односторонний, но во многомъ вѣрный комментарiй творенiй перваго. Параллель между ними весьма поучительна.

II.

Нельзя отдѣлываться отъ политической идеологiи Тютчева словами: она — нѣчто внѣшнее, ничего общаго не имѣющее съ глубинами его личности. Такъ можетъ говорить лишь пристрастiе, стремленiе провести во что бы то ни стало предвзятую мысль. Славянофильство Тютчева составляло его глубокое и постоянное убѣжденiе. И не пренебрежительно отворачиваться отъ этого слѣдуетъ, а вдуматься. Разъ такiя убѣжденiя были, надо ихъ объяснить.

Результатомъ изученiя цослѣднихъ является слѣдующiй выводъ: политическiе и историческiе взгляды Тютчева—это тѣ же его философско-метафизическiя воззрѣнiя, переведенныя, а часто и не переведенныя, на языкъ политическихъ терминовъ. Здѣсь та же основная точка зрѣнiя, которая такъ художественно выражена имъ въ стихахъ. Это—примѣненiе въ области политики и исторiи метафизическихъ идей тютчевской поэзiи.

Въ Россiи видитъ Тютчевъ-публицистъ гарантiю осуществленiя того, къ чему онъ стремится, какъ поэтъ-философъ: устраненiя хаоса изъ человѣческихъ отношенiй; отрицанiе личнаго начала, противъ котораго онъ такъ воастаетъ въ своей

лирикѣ. Антитеза Россіи и Европы—это антитеза личнаго, хаотичнаго, и космическаго, благообразнаго, божескаго и дьявольскаго.

Корни славянофильства Тютчева — въ его поэзіи. Именно такой поэтъ могъ быть славянофиломъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ имъ былъ Тютчевъ.

Россія, по Тютчеву, носительница начала „возсоединенія", въ противоположность западному раздѣленію. Когда она появляется на аренѣ западно-европейской исторіи, то возстанавливаетъ нарушенное тамъ единство. (441, 442 стр.) [1]).

Почему же западъ страдаетъ „раздѣленіемъ"?

На этотъ вопросъ Тютчевъ намъ отвѣтитъ: да потому, что тамъ преобладаетъ личное начало. Апогей европейской исторіи—это революція, т. е. раздѣленіе — торжество „я", отдѣленнаго отъ „животворящаго" человѣческаго и божескаго океана. Тютчевъ былъ такимъ противникомъ революціи оттого, что она возвела самовластіе человѣческаго „я" въ политическое и общественное право. (457 стр. „Россія и революція").

Основы политическаго консерватизма Тютчева надо искать въ его метафизическомъ и психологическомъ антииндивидуализмѣ. Съ личнымъ началомъ боролся онъ всю жизнь въ себѣ, въ немъ видѣлъ причину зла жизни, потому онъ и не могъ не высказываться противъ его торжества въ исторической жизни человѣчества. Къ чему привела эта, опредѣленная личнымъ началомъ, исторія, поэтъ-мыслитель показываетъ намъ въ слѣдующихъ яркихъ строкахъ.

„Западъ исчезаетъ, все рушится, все гибнетъ въ этомъ общемъ воспламененіи. Европа Карла Великаго и Европа трактатовъ 1815-го г. Римское папство и всѣ западныя королевства, католицизмъ и протестантизмъ, вѣра уже давно утраченная и разумъ доведенный до безсмыслія, порядокъ отнынѣ немыслимый, свобода отнынѣ невозможная, и надъ всѣми этими развалинами, ею же созданными, цивилизація, убивающая себя собственными руками». (474 стр.).

Эта философія исторіи дополняетъ поэзію Тютчева въ области общественныхъ отношеній, подтверждаетъ антииндивидуалистическую идею тютчевской лирики историческими примѣрами. Въ своей публицистикѣ поэтъ остался вѣренъ ея духу. Это сказалось и въ его отношеніи къ христіанству. Въ его пониманіи, оно давало аргументы противъ зазнавшагося „я", оно воплощало тотъ идеалъ, къ которому истомленный своимъ „я" Тютчевъ не могъ не стремиться. Для него христіанство — наиболѣе сильное въ человѣческой исторіи отрицаніе личнаго начала. Революція „лична", слѣдовательно—противна христіан-

---

[1]) Всѣ цитаты по изд. Маркса.

ству. И въ своей публицистикѣ, и въ своей поэзіи отрицаетъ онъ „первѣйшее революціонное чувство: „высокомѣріе ума". (461 стр.).

„Чувство смиренія и самоотверженія, составляющее основу христіанства (т. е. надличнаго міровоззрѣнія. А. Л.), она (революція) намѣрена замѣнить духомъ гордости и самоутвержденія (т. е. началомъ индивидуалистическаго воззрѣнія. А. Л.)".

Революція, это—проявленіе сатанинскаго начала—начала бунта въ человѣческихъ дѣлахъ. А „сатана"—не воплощеніе ли того хаоса, которому Тютчевъ-лирикъ удѣлилъ такое вниманіе? И въ лирикѣ, и въ публицистикѣ изобличаются и порицаются заносчивость „я", самообольщеніе, хаосъ, отпаденіе отъ цѣлаго, и утверждается объединяющее, космическое начало, воплощенное въ Россіи, тотъ идеалъ, къ которому стремился этотъ геніальный критикъ личности въ міровой поэзіи.

Въ славянофильскихъ убѣжденіяхъ Тютчева отразились глубины его личности, міровая трагедія была для поэта лишь обобщеніемъ его личной трагедіи—трагедіи борьбы съ своимъ „я". Россія—это чаемый имъ выходъ въ большомъ масштабѣ. Для Тютчева—это воплощенная нирвана „эгоизма".

И, конечно, если политическія идеи Тютчева не могутъ быть отдѣлены отъ того оригинальнаго цѣлаго, которое представляетъ собой тютчевское творчество, то тѣмъ паче не слѣдуетъ выдѣлять политическія стихотворенія Тютчева за какую то одну скобку чуждаго, не настоящаго. Пора оставить этотъ предразсудокъ. Въ тютчевскихъ стихотвореніяхъ на политическія темы мы находимъ чрезвычайно характерные мотивы его личной душевной драмы.

III.

Перейдемъ къ ней теперь.—Политическая философія Тютчева, благодаря своимъ рѣзкимъ формулировкамъ, дала намъ уже отчетливые контуры его умонастроенія, вполнѣ подходящіе къ содержанію послѣдняго. Попытаемся ихъ нѣсколько заполнить.

Первый вопросъ, возникающій при попыткѣ заглянуть въ творческую душу — это: какъ чувствуетъ поэтъ міръ? Такой вопросъ примѣнимъ къ каждому истинному поэту; по отношенію же къ поэту космоса и хаоса онъ возникаетъ самъ собой.

Мы знаемъ, что Тютчевъ — пантеистъ. Индивидуализмъ и пантеизмъ—два полюса міровоззрѣнія. Кто становится пантеистомъ, тотъ уже не индивидуалистъ. Это недостаточно учла наша критика. Вѣрно отмѣтивъ пантеизмъ Тютчева, и Мережковскій, и другіе изслѣдователи однако не заполнили этого контура.

Къ какому типу пантеистовъ можно отнести нашего поэта?

Мы укажемъ здѣсь на двѣ формы этого міроотношенія

Есть пантеизмъ органическій и прирожденный—отъ здоровья: личность сознаетъ себя лишь „звеномъ въ цѣпи непрерывной творенья“, и мыслитъ себя нераздѣльно слитой съ природой; таковъ пантеизмъ Пушкина, Фета въ рядѣ его произведеній. Но есть и другой—отъ болѣзни: онъ — прибѣжище личности, истомленной бременемъ своего собственнаго „я“. Лишь кто испыталъ, какъ невыносимо тяжело быть собой, пишетъ:

Часъ тоски невыразимой!
Все во мнѣ,—и я во всемъ!

Такъ почему же тоска? Да потому, что несмотря на всю эту близость міру, что-то еще стоитъ между ними: ихъ еще раздѣляетъ, хоть и прозрачная, но все же непроницаемая пленка тѣла. Помимо этой близости къ природѣ уставшаго отъ жизни человѣка, которую онъ почувствовалъ лишь, когда

Жизнь, движенье разрѣшились
Въ сумракъ зыбкій, въ дальній гулъ,—

въ немъ все еще томленіе его тяжелаго трудового дня индивидуальности, обреченной на обособленную жизнь и обособленную борьбу, остро чувствующей свои запросы и, не покладая рукъ, стремящейся къ ихъ удовлетворенію. Онъ такъ усталъ отъ этого: и пусть сумракъ, опрозрачнившій его существо, пусть же онъ довершитъ свое вліяніе тѣмъ, чтобы оно стало проницаемымъ, чтобы оно слилось съ природой. И вотъ онъ молитъ:

Сумракъ тихій, сумракъ сонный,
Лейся въ глубь моей души,
Тихій, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства—мглой самозабвенья
Переполни черезъ край!..
Дай вкусить уничтоженья,
Съ міромъ дремлющимъ смѣшай!

Блаженное уничтоженье, которое желаешь вкусить! Ибо оно, собственно, уничтоженіе бремени отдѣльнаго „я“, но не смерть. Это „смѣшеніе“ съ міромъ, полнымъ вѣчной жизни—и потому жизнь въ мірѣ. Жизнь безъ тяготы,—жизнь *легкая*. „Я“ остается, но лишь какъ ощущеніе легкаго, ни съ чѣмъ въ отдѣльности не связаннаго, потому что со всѣмъ смѣшаннаго существованія. Ничто—и все! Вотъ это „уничтоженіе“ Тютчева. Оно—рай всѣхъ согбенныхъ подъ своей тяжестью. Это и понятно: представленіе о раѣ создается нашимъ адомъ, нашимъ страданіемъ.

Пантеизмъ такого типа часто становится гнѣвнымъ, протестующимъ противъ личности, какъ причины своего страданія, противъ этого „призрака тревожно-пустого“. И въ отличіе

отъ здороваго пантеизма, утверждающаго реальность и безсмертіе каждаго элемента въ природѣ, больной пантеизмъ особенно напираетъ на призрачность индивидуальности, пытаясь хотя бы такъ освободиться отъ нея. Но и это не спасаетъ: „ропщетъ мыслящій тростникъ“!

Особенно силенъ „ропотъ“ днемъ, когда человѣку приходится дѣйствовать, утверждать и защищать свою индивидуальность, добиваться удовлетворенія ея мучительныхъ запросовъ. И потому такъ ненавистны Тютчеву „шумъ, движенье, говоръ, клики младого, пламеннаго дня“. Его „багровые лучи“ жгутъ ему глаза. И оттого такъ любитъ онъ сумерки, „тихій сумракъ“, молчаливость ночи, „когда живая колесница мірозданья открыто катится въ святилищѣ небесъ“. Тогда тягота личнаго существованія чувствуется не столь остро, самоощущеніе также смягчается, и сліяніе съ міромъ болѣе возможно.

IV.

Изъ тѣхъ же душевныхъ глубинъ почерпнута и тютчевская поэзія хаоса. Хаосъ, по Тютчеву, — безформенная и безличная, темная, слѣпая, неорганизованная и зыбкая, какъ библейскія воды, кипящая, бурная основа міра. Изъ этой грубой ткани созидается „риза боговъ“, красочный, многообразный міръ формъ. Онѣ образованы именно этой, по существу—безформенной матеріей, застывшей въ извѣстной формѣ лишь на время, и могущей разрушить форму и вернуться къ прежнему безъобразному состоянію. Личное, какъ хрупкое, какъ совершенно не реальное, по сравненію съ вѣчной матеріей — нѣчто противоположное ей, непреходящей и всемогущей. Личность, какъ и все другое въ „миражѣ дня“, это лишь форма хаоса, приданная ему на время. Лишь игра его. Сама по себѣ, личность никакимъ содержаніемъ, никакой субстанціей не обладаетъ. Это временная форма чего-то вѣчнаго и мощнаго. Оно принимаетъ иное положеніе, и вотъ личности уже нѣтъ — есть другое, до слѣдующей перемѣны положенія. Самостоятельное существованіе исключается: нѣтъ же его у формы, приданной водѣ сосудомъ.

Личность и хаосъ — это нуль и величина. Личности нѣтъ безъ хаоса, но ничто болѣе не противоположно, чѣмъ они. Хаосъ слѣпъ и безформенъ, личность—образъ и сознательна.

Но въ чемъ выражается ея жизнь, ея „злая жизнь“? Въ желаніяхъ, въ стремленіяхъ, но освѣщенныхъ разумомъ, въ противорѣчіяхъ, но осознанныхъ, и потому гнетущихъ. Что такое личная жизнь? Вѣчное недовольство, вѣчный бунтъ,

томленіе. Она опутана „злыми чарами“ страстей. Она въ безпокойномъ движеніи, въ борьбѣ съ другими и собой. А что такое этотъ раздоръ и разладъ — основные признаки личнаго существованія—какъ не основные аттрибуты хаоса? А этотъ бунтъ, это недовольство? Они лишь осознанныя и очувствованныя проявленія этого бурнаго и темнаго начала, ненасытимаго въ своемъ хотѣніи. Хаосъ въ вѣчномъ, бурнопламенномъ кипѣніи, онъ безудержно и грубо нарушаетъ всѣ законныя преграды, отрицаетъ всѣ нормы, ограничивающія его стихійное движеніе.

Личность подобна этому хаосу. Вотъ почему она ощущаетъ такое родство съ нимъ, оттого онъ—„родимый“; онъ—ея „наслѣдье родовое“, то, съ чѣмъ она хочетъ слиться.

Итакъ, хаосъ безличенъ. И хаосъ — сама личность. Но ея нѣтъ, она призракъ? Не хаосъ ли все это, прикрытый обманчивымъ покровомъ? Такой вопросъ напрашивается. Но вотъ и отвѣтъ: да, ея нѣтъ, съ точки зрѣнія гносеологіи. Но личность есть—съ точки зрѣнія психологіи, живой, ощущаемой нами всѣми жизни. Личность есть постольку, поскольку хаосъ сталъ страданіемъ; безъ нея не было бы этой несомнѣнной для Тютчева реальности. А былъ ли бы этотъ ощущаемый нами разладъ, этотъ хаосъ — безъ „я“ — подобный вопросъ также ставитъ Тютчевъ. И по своему рѣшаетъ его.

V.

Всѣ эти вопросы и всѣ эти рѣшенія зависѣли отъ одного весьма важнаго обстоятельства: личное начало было такъ сильно въ Тютчевѣ, ему было такъ тяжело нести его бремя, что онъ всячески пытался умалить его философски, провозглашая призрачнымъ. Когда же эта „гносеологія“ не помогала и психологическая реальность страдающей личности давала о себѣ знать всей реальностью страданія, личность становилась въ возмущенномъ воображеніи поэта причиной всего міроваго разлада. Не призракомъ, не измѣнчивой формой хаоса, а самимъ хаосомъ въ мірѣ, помрачившимъ его благодать.

Откуда, какъ разладъ возникъ?
И отчего же въ общемъ хорѣ
Душа не то поетъ, что море,
И ропщетъ мыслящій тростникъ.

Отсюда эта двойственность тютчевской поэзіи хаоса. Двойственность, возникшая отъ перенесенія своей душевной драмы во внѣ, уже отмѣченнаго нами въ философіи исторіи поэта-мыслителя. Теперь это переносится въ мірозданіе. Двойственность концепціи хаоса порождена одной и той же причиной:

болѣзненнымъ ощущеніемъ личнаго начала, вызвавшимъ и неудачную попытку справиться съ нимъ, и обвиненіе „я“ во всемъ злѣ послѣ этой неудачной попытки побѣдить его философіей.

Въ результатѣ получилось слѣдующее: 1) Хаосъ—все, личность—ничто, лишь форма мгновенная и несущественная; 2) личность—фокусъ хаоса, его центръ, его выраженіе въ мірозданіи. Употребляя гегелевскую формулу,—не хаосъ ли это, пришедшій къ самосознанію? Наше „я“, признакъ коего сознаніе—не есть уже призракъ, а наиболѣе реальное выраженіе хаоса, реальнаго тогда вдвойнѣ—и объективно, и субъективно. Прежній „призракъ“ сталъ причиной величайшей реальности—хаоса въ мірѣ.

Такъ сложна и противорѣчива концепція хаоса у Тютчева. Это и темная сила рока, „настигшаго осиротѣлый міръ“, неразгаданная, непонятная и всемогущая, грозная объективная сила, передъ которой мы—призраки, вся неразгаданная тайна міра, неразгаданное существо и основа его. И предъ этимъ рокомъ и тайной, предъ этой бездной стоимъ мы, смущенные ея величіемъ и своей малостью. „И бездна намъ обнажена съ своими страхами и мглами, и нѣтъ преградъ межъ ей и нами“. И ночь страшна поэту именно потому, что она уничтожаетъ всѣ преграды между нами и такой противоположной намъ,—призракамъ дня — бездной. Но этотъ страхъ, въ сущности—страхъ передъ тѣмъ хаотическимъ, что живетъ въ нашей собственной душѣ, чего мы—бунтующіе и страстные мятежники мірозданія—являемся высшимъ выраженіемъ. Ночь будитъ хаосъ въ насъ. И нашъ ночной страхъ—страхъ передъ крушеніемъ тѣхъ нормъ, передъ уничтоженіемъ тѣхъ граней, за которыя мы такъ цѣпко держимся и внѣ коихъ не мыслимъ себя правыми передъ Богомъ и своей совѣстью, всего того, что гарантируетъ намъ миръ. Мы боимся нарушить его.

И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и немощенъ и голъ
Лицомъ къ лицу предъ этой бездной темной.
И чудится давно *минувшимъ сномъ* *)
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье родовое.

Но страшное такъ часто манитъ. Есть упоеніе полета въ бездну. Страхъ превращается въ соблазнъ.

Ночной вѣтеръ твердитъ объ этой манящей, соблазняющей близости хаоса къ самымъ глубинамъ личнаго существованія

*) Курсивъ вездѣ нашъ. А. Л.

„Какъ жадно міръ души ночной внимаетъ повѣсти любимой! Изъ смертной рвется онъ груди и съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться“... Страхъ сталъ соблазномъ, соблазнъ же страшенъ поэту: онъ силенъ. Ярко выраженное въ Тютчевѣ личное начало такъ тяготѣетъ къ хаосу именно какъ таковое. Вѣдь „есть сильнѣй очарованье... Сквозь опущенныхъ рѣсницъ угрюмый, тусклый огнь желанья“... „Люблю сіе, незримо во всемъ разлитое, таинственное зло“... Хаосъ манилъ Тютчева своей Діонисовской красотой. Поэтъ живо ощущалъ красоту и Аполлона, и Діониса. Діонисъ соблазнялъ его безграничнымъ буйствомъ индивидуальныхъ силъ, страшной, но увлекающей всякую страстную натуру свободой ихъ проявленія, безконечностью „бездны“. Діонисъ, а не Аполлонъ,—богъ личности, богъ мятущейся субъективности. Даже разобщенность съ міромъ, раздробленность и противорѣчивость идутъ къ этому „страдающему“ богу, упивающемуся своимъ страданіемъ, ищущему исцѣленія отъ него въ размахѣ своей страсти и снова страдающему и распадающемуся отъ этого размаха. Аполлонъ—объективенъ, безстрастенъ, созерцателенъ. Это не богъ субъекта. Богъ хаоса—богъ личности, ибо личность и есть, по Тютчеву, наиболѣе высшее выраженіе хаоса. И часто Діонисъ соблазнялъ поэта. Это былъ тотъ Антихристъ, который смущалъ его своей бѣсовской красотой и съ которымъ онъ всю жизнь боролся во имя Христа—во имя благого успокоенія духа. Соблазнялся, падалъ и каялся. Раскаяніе Тютчева столь же глубоко искренне, какъ и его увлеченіе.—Мы подходимъ къ вопросу о религіозности Тютчева, къ проблемѣ отношенія личности, чуткой къ „злымъ чарамъ“ Діониса, къ убѣжденности глубоко религіознаго человѣка. Но мы прежде остановимся на томъ, что опредѣлило эти убѣжденія: на тютчевскомъ отчаяніи, ибо религія Тютчева—религія отчаянія, какъ и въ его отчаяніи---большая доля дисгармоніи „злой“ индивидуальной жизни съ религіозными завѣтами.

VI.

Мотивъ тютчевскаго отчаянія уже выяснился, поскольку это возможно въ небольшомъ этюдѣ, изъ вышеизложеннаго. Личность, по Тютчеву—бремя непосильное для нея самой. Причины этой тягости многообразны и запутаны. Попытаемся указать нѣкоторыя.

Прежде всего, великій нашъ поэтъ—одинъ изъ неудавшихся мечтателей, всю жизнь тоскующихъ по мечтѣ. Правда, онъ видѣлъ и чувствовалъ въ природѣ и душу, и любовь, и свободу, и языкъ, но „высокомѣріе“ все разлагающаго, недовѣрчиваго ума мѣшало ему забыться въ этихъ поэтическихъ ин-

туніяхъ. Онъ былъ слишкомъ большой критикъ, чтобы природа не казалась ему по временамъ мертвыми часами. Вѣдь и онъ ее счелъ однажды „сфинксомъ безъ загадки". Въ концѣ концовъ, онъ былъ увѣренъ въ непостижимости темной основы міра, онъ не переставалъ вѣрить въ ея реальность, но для мечтателя мало этого безъобразнаго „темнаго корня" мірового бытія. Онъ хочетъ населить природу образами. Недаромъ Тютчевъ жаловался, что „нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ, разсудокъ все опустошилъ и покорилъ законамъ тѣснымъ и воздухъ, и моря, и сушу, какъ плѣнниковъ ихъ обнажилъ; ту жизнь до дна онъ изсушилъ, что въ дерево вливала душу, давала тѣло безтѣлеснымъ". И спрашивалъ: „гдѣ вы, древніе народы? Вашъ міръ былъ храмомъ всѣхъ боговъ".

Ко всему, что столь соблазняетъ мечтателя, къ индивидуальнымъ формамъ, Тютчевъ такъ часто относился, какъ къ покрывалу Майи, даже къ тому, что мы считаемъ реальностью, ко всѣмъ краскамъ и формамъ дня. И неудавшійся мечтатель тотъ, кто плохо вѣритъ въ свою мечту.

Поднимемся на ступень выше. И въ области религіи онъ тотъ же неудачникъ. Онъ мистикъ, искренній мистикъ, онъ человѣкъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, основанныхъ на внутреннемъ опытѣ, но онъ же и Ѳома невѣрующій, желающій лично убѣдиться въ чудѣ, „воткнуть персты въ раны гвоздиныя". И ему же приходится молить: „помоги моему невѣрью". Ибо гордъ его разумъ, и трудно ему принизить и обуздать его. Своимъ „усиліемъ минутнымъ" прерываетъ онъ „волшебный сонъ" вѣры: и, „отягченною главою", поэтъ упадаетъ „не къ покою, но въ утомительные сны". Нѣтъ цѣльности, довершенности и слаженности. И потому такъ тяжело нести себя. Неправда ли, во всемъ виновата личность, которую Тютчевъ такъ блестяще опровергалъ, сводилъ на нѣтъ, и которая, несмотря на свою призрачность, все время составляла психологическую реальность первой величины. „Игра и жертва жизни частной, убѣждалъ онъ ее, приди, отвергни чувствъ обманъ, и ринься бодрый, самовластный въ сей животворный океанъ," но она все не отрекалась отъ себя. И какъ ни казнилъ ее Тютчевъ всякаго рода гносеологическими казнями, онъ все же любилъ и жалѣлъ ее. Ненавидѣлъ, какъ бремя нераздучное, но и любилъ эту мятежницу мірозданья, можетъ быть, за самый этотъ мятежъ, за красоту ея хаоса, ея смятенья. И я слышу глубокую скорбь уже при преданіи ея на отрицанье, скорбь въ этомъ удивительномъ сравненіи ея съ тающей льдиной. Какъ скорбитъ онъ о ея преходящести, какъ ея „жалобъ и пеней" для него, по временамъ, „неправый *праведенъ* упрекъ". Тутъ уже не казнь, а плачъ. Ее, хрупкую, нѣжную и истерзанную жизнью, онъ бы хотѣлъ сохранить вдали отъ

жизни, разрушающей и извращающей ее необходимостью приспособленія. Онъ хочетъ, чтобы душа его была звѣздой „днемъ, когда сокрытыя какъ дымомъ палящихъ солнечныхъ лучей“ звѣзды недоступны, какъ божества. И въ „Silentium'ѣ“ онъ предостерегаетъ отъ расточающей ея цѣнности лжи слова. И особенно смущаетъ поэта ея преходящесть, хрупкость цѣнностей ея интимной жизни.

Былое—было ли когда?
Что нынѣ—будетъ ли всегда?
Оно пройдетъ!
Пройдетъ оно, какъ все прошло,
И канетъ въ темное жерло
За годомъ годъ!

Это скорбѣла та личность, которая подвергалась такому хуленію ею же, о своей горькой участи, объ ограниченности своихъ силъ, о роковомъ безсиліи ея бунта. „Я царь земли, приросъ къ земли“! Она должна, но она не *можетъ* сознать себя „злакомъ земнымъ“. И въ этомъ ея трагедія. Она видитъ конецъ свой, но не хочетъ признать его достойнымъ себя. Кто читалъ Тютчева, тотъ помнитъ великолѣпное стихотвореніе „Безсонница“, гдѣ это отчаяніе въ судьбахъ личности выразилось такъ ярко и художественно.

Онъ слышитъ съ тоскою „глухія времени стенанья, пророчески прощальный гласъ“:

Намъ мнится: міръ осиротѣлый
Неотразимый рокъ настигъ,
И мы, въ борьбѣ съ природой цѣлой,
Покинуты на насъ самихъ.
И наша жизнь стоитъ предъ нами,
Какъ призракъ на краю земли,—
И съ нашимъ вѣкомъ и друзьями
Блѣднѣетъ въ сумрачной дали...
...Насъ, друзья, и наше время
Давно забвеньемъ занесло.

Глубоко чувствовалъ Тютчевъ неизбѣжность забвенія и страдалъ отъ сознанія неминуемой физической и духовной смерти. И когда страданіе становилось невыносимымъ, обрушивался онъ на его причину,—на свою личность, которая въ „призрачной свободѣ“ утверждала свой разладъ съ природой и не хотѣла слиться съ нею. Но и личность защищалась не менѣе сильно, чѣмъ ее обвиняли. Она была такъ богата интимными цѣнностями! Защищалась не та, обезсиленная „роковыми“ и злыми страстями, но тихо скорбящая о „злой“ жизни, о хрупкости своего интимнаго достоянія. Она отвѣчала:

— Да, разладъ!.. Вѣдь въ этой, счастливой покорностью своимъ законамъ, природѣ нѣтъ интимной жизни, на которую ея законы посягаютъ. И потому я предъ ней права. Ты говоришь мнѣ, что я ничтожна и недостойна вѣчности, но „заносящее“ меня забвеніе, гасящее огни моихъ интимныхъ цѣнностей, не слѣпая ли и роковая это сила стихіи, не хаосъ ли это, безпощадный и безсмысленный? А предъ нимъ я права... Ибо „во имя чего“ я тону въ этомъ забвеніи?

„Твой, природа, міръ о дняхъ былыхъ молчитъ“. „Природа знать не хочетъ о быломъ“, „ея жизнь вся въ настоящемъ разлита“,—моя же жизнь въ измѣреніи былого и грядущаго, она имѣетъ глубину и высоту, и въ этомъ право на мой разладъ съ болѣе сильной, но не болѣе справедливой природой.

Душа моя—элизіумъ тѣней,
Что общаго межъ жизнью и тобою?

Такой отпоръ давало воинственному антииндивидуализму Тютчева, страдавшаго отъ избытка своего „я“, это страдальческое „я“. Двѣ „бездны“: пылающая „бездна“ страстей и холодная „бездна“ времени ужасали Тютчева, приводили его въ отчаяніе. Насъ забываютъ, но и мы забываемъ. До того властно время. Но личность имѣетъ право на свои воспоминанія. Это пламя, отъ котораго и поблекшая жизнь оживаетъ, какъ изсохшій цвѣтокъ, и въ темную осень души „вѣетъ какъ бы весною“. Но злая жизнь и здѣсь настигаетъ наше „я“ съ его интимными цѣнностями, въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ. У Тютчева есть замѣчательная пьеса на эту тему:

Вдругъ все замретъ. Слезамъ и умиленью
Нѣтъ доступа, все пусто и темно,
Минувшее не вѣетъ легкой тѣнью,
А подъ землей, какъ трупъ, лежитъ оно.
Ахъ, и надъ нимъ въ дѣйствительности ясной,
Но безъ любви, безъ солнечныхъ лучей,
Такой же міръ, бездушный и безстрастный,
Не знающій, не помнящій о ней.
И я одинъ съ моей тупой тоскою
Хочу сознать себя и не могу—
Разбитый челнъ, заброшенный волною,
На безыменномъ дикомъ берегу.
О, Господи, дай жгучаго страданья
И мертвенность души моей разсѣй—
Ты взялъ ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мнѣ оставь по ней...

И еще: „какъ ни тяжелъ послѣдній часъ, та непонятная для насъ истома смертнаго страданья,—но для души еще страшнѣй слѣдить, какъ вымираютъ въ ней всѣ лучшія воспо-

минанья". Это и понятно: даръ воспоминаній — залогъ нашей реальности, реальности личности. Исчезъ онъ—и нѣтъ этой реальности, душа опустошена.

Наша интимная жизнь подобна радугѣ—„радужному видѣнью".

Смотри:—оно ужъ поблѣднѣло;
Еще минута, двѣ—и что жъ?
Ушло, какъ то уйдетъ всецѣло,
Чѣмъ ты и дышешь и живешь.

Тютчева волновало это непрерывное измѣненіе, обусловливающее призрачность нашей душевной жизни. И напрасно онъ давалъ слово „не измѣняться до конца".

Мы не касаемся здѣсь обстоятельствъ личной жизни поэта. Насъ интересуетъ теперь то постоянное, что было бы при всякой смѣнѣ обстоятельствъ.—И въ эротической сферѣ, внѣ зависимости отъ нихъ, поэтъ былъ обреченъ на отчаяніе. Онъ, нѣжный, чуткій, совѣстливый, больно чувствовалъ жестокую природу любви, ея неправедную діалектику. Его отчаяніе питало это чувство роковой и жестокой гибели всего дорогого сердцу. Оно обречено. Тютчевъ напишетъ о разлукѣ—этой малой смерти, что въ ней „есть высокое значенье".

Какъ ни люби, хоть день одинъ, хоть вѣкъ,
Любовь есть сонъ, а сонъ—одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А долженъ, наконецъ, проснуться человѣкъ.

Онъ предчувствуетъ гибель. Въ жаркій лѣтній день онъ навѣрное замѣтитъ и отмѣтитъ первый „желтый листъ".

Тютчевъ скажетъ: „какъ увядающее мило, какая прелесть въ немъ для насъ", не потому ли, что все милое онъ видитъ увядающимъ, и,—чѣмъ милѣе—тѣмъ острѣе это чувство отцвѣта.

Самая сильная его любовь—послѣдняя; самый яркій ея свѣтъ—„прощальный свѣтъ", самая яркая ея заря—„заря вечерняя". Ея солнце—„закатное солнце". И она—„блаженство и безнадежность".

Эта больная личность относилась къ жизни съ глубокимъ недовѣріемъ прирожденнаго пессимиста. Какъ подъ старость „младая улыбка женскихъ устъ и женскихъ глазъ, не восхищая, не прельщая, лишь тревожитъ насъ", такъ „тревожнымъ глазомъ" глядѣлъ онъ „на этотъ блескъ, на этотъ свѣтъ. Не издѣваются ль надъ нами? Откуда намъ такой привѣтъ?"

Вѣдь мы такъ безпомощны предъ жизнью, такъ ограничены въ знаньи: „увы, что нашего незнанья и безпомощнѣй и грустнѣй?"

Одной изъ мукъ отчаявшейся тютчевской личности было чувство глухой обиды за свое положеніе въ космосѣ. „Безслѣдно все, и такъ легко не быть! При мнѣ иль безъ меня— что нужды въ томъ? Все будетъ тожъ—и вьюга такъ же выть, и тотъ же мракъ, и та же степь кругомъ“. Конечно, это чувство космической обиды ничуть не мѣшало отрицанію „я“, опредѣлявшемуся своими причинами.

VII.

Тютчевская личность представляла собой хаосъ, ощущавшійся какъ страданье. Она всячески стремилась преодолѣть его. Отдаваясь соблазнамъ, столь мучившимъ ее, она не избавлялась отъ этого страданія, а лишь усугубляла его. И въ минуты полнаго отчаянія, ища выхода, она устремлялась къ религіи. Религія Тютчева—религія отчаянія. Но оттого она не теряетъ своей искренности.

Несомнѣнная религіозность отразилась въ одномъ раннемъ, но очень характерномъ стихотвореніи Тютчева „Проблескъ“

Душой къ безсмертному летимъ!
Минувшее, какъ призракъ друга,
Прижать къ груди своей хотимъ.
Какъ вѣримъ вѣрою живою.
Какъ сердцу радостно, свѣтло!
Какъ бы эѳирною струею,
По жиламъ небо протекло.

Здѣсь уже намѣчается характерное для Тютчева стремленіе къ безсмертію, къ преодолѣнію времени, преходящести и смутно связывается съ вѣрою въ Бога, дарующаго эту побѣду надъ преходящестью и бренностью существованія.

Но и здѣсь уже высказаны сѣтованія на человѣческое слабодушіе, на неспособность человѣка къ длительному экстазу вѣры, къ длительному полету „съ земного круга“ въ небо. Но эта прискорбная слабость не исключаетъ религіозности: слабость эта именно потому такъ горестно ощущается, что человѣкомъ извѣдано и блаженство религіознаго подъема.

Тютчевъ продолжаетъ:

Но, ахъ, не намъ его судили!
Мы въ небѣ *скоро устаемъ*,—
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественнымъ огнемъ.

Пусть религіозность Тютчева—„сонъ“, но онъ не менѣе реаленъ, чѣмъ утомительные сны его „безнебеснаго“ существованія. И любовь Тютчевъ называетъ „сномъ“ („въ разлукѣ есть высокое значенье“), но кто сомнѣвается въ ея дѣйствительн

сти? Но для религіозности Тютчева почему-то дѣлается исключеніе. Она была несомнѣнно въ этой тоскѣ по потерянному раю вѣры и во многомъ другомъ. Онъ принималъ религію, „какъ единое на потребу". Пусть не откроютъ ему ея райскихъ вратъ, но вѣдь онъ стучится въ нихъ. Разъ есть религіозная потребность и опредѣленная оцѣнка религіи, какъ элементъ міровоззрѣнія—ихъ необходимо полностью учесть въ характеристикѣ душевной драмы поэта. Иначе итоги будутъ невѣрны, и поэзія его—соотношеніе ея элементовъ—не будетъ удовлетворительно освѣщена.

Въ нашей критической литературѣ о Тютчевѣ (правда, небольшой) укоренилась тенденція къ полному игнорированію его религіозныхъ стремленій. Пользуясь такими выраженіями, какъ „я вѣрю, Боже, помоги моему невѣрью", или „онъ жаждетъ вѣры (поэтъ говоритъ о своемъ вѣкѣ), но о ней не проситъ",—говорятъ о нерелигіозности Тютчева. Если даже онъ и былъ до такой степени невѣрующимъ, какъ это утверждаетъ критика, то и тогда она не должна была обходить стремленіе его къ вѣрѣ и гнѣвъ на безвѣріе. Это психологическіе моменты первостепенной важности, и отъ игнорированія ихъ страдаетъ все критическое построеніе. Фатальная односторонность русской критики въ данномъ отношеніи особенно замѣтна у Мережковскаго и роковымъ образомъ отразилась на всей его концепціи.

Тютчевъ—невѣрующій Ѳома русской поэзіи. Невѣріе апостола Ѳомы не исключало же его религіозности; не исключало оно и религіозности Тютчева.

Его, воспитаннаго въ религіозныхъ традиціяхъ, религія всегда манила тѣмъ уютомъ умиротвореннаго существованія, который даетъ ея смиреніе. Она освобождала отъ бремени эгоизма и расплавляла ненасытное, требовательное „я" въ отреченіи, въ покорности высшей волѣ. И онъ тяготѣлъ къ религіи тѣмъ болѣе, что былъ глубоко мистической натурой. Глубоко изучилъ онъ понятный сердцу языкъ, твердившій о непонятной мукѣ, такъ чувствовалъ мистическую сущность хаоса. И столь же глубоко могъ онъ пріобщаться къ мистеріи религіи. Правда, это рѣдкіе моменты творчества Тютчева, но характерные. Ибо религіозное просвѣтленіе являлось послѣ высшихъ моментовъ отчаянія изстрадавшагося „я", конечно, рѣдкихъ.

Разбитый усталостью отъ „злыхъ чаръ" „злой жизни", Тютчевъ молитъ:

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредетъ по жаркой мостовой.

Но если рѣдки были эти часы молитвы измученнаго и обнищавшаго путника, если рѣдки были минуты слезнаго размягченія колѣнопреклоненнаго страдальца отъ себя, то убѣжденіе въ вѣчной цѣнности религіознаго—христіанскаго міровоззрѣнія не оставляло его никогда. И страданіе, и отчаяніе его увеличивалось отъ того, что онъ не могъ жить по этому убѣжденію, что поступалъ вопреки ему, смущенный столь властнымъ надъ его художнической душой обаяніемъ хаоса. Художникъ-Тютчевъ иногда расходился съ убѣжденнымъ мыслителемъ-Тютчевымъ, увлекаясь красотой и соблазнами Діониса, но убѣжденный мыслитель бралъ верхъ въ этой борьбѣ поэзіи хаоса съ религіознымъ убѣжденіемъ. Онъ звалъ свой вѣкъ къ смиренію, къ отреченію отъ причины всѣхъ золъ—гордой, бунтующей личности. Вотъ яркое выраженіе этого религіознаго пониманія трагедіи личности, трагедіи ея гордыни:

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ...
И сознаетъ погибель онъ
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ.

И напрасно нашъ тонкій критикъ Горнфельдъ приписалъ послѣднимъ словамъ значеніе формулировки отношенія самого Тютчева къ религіи. Онъ умѣлъ и смиряться, и просить. Поистинѣ, Ѳома невѣрующій нашей поэзіи, онъ и „съ молитвой и слезой“, „скорбя предъ замкнутою дверью“, произносилъ евангельскія слова:

Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
Приди на помощь моему невѣрью!..

И дверь открывалась.

Поскольку Тютчевъ выражалъ содержаніе своей религіи, онъ указывалъ намъ смиреніе, какъ высшую ея максиму. Его Богъ—это, конечно, чисто-русскій Богъ самоотреченія. Какъ у Достоевскагои Толстого—народъ у Тютчева противопоставляется низводимой личности. Въ странѣ, гдѣ индивидуальность является неудобоносимымъ бременемъ, гдѣ индивидуализмъ быстро доходитъ до самоотрицанія, и могла зародиться подобная концепція коллектива или родины, какъ воплощеннаго отрицанія, ставшаго ненавистнымъ, личнаго начала. Народничество подобныхъ людей объясняется той же тенденціей

преодолѣнія тяжести своей большой и болѣзненно-сложной личности, вѣчно недовольной, вѣчно требовательной и безпокойной. Это эгоморфизмъ своего рода, только наизнанку. Народъ—это живая стихія самоотреченія и, пріобщаясь къ нему, Тютчевъ думаетъ почерпнуть силы для самоотрицанія. Онъ умиленно взираетъ на „бѣдныя селенья", „скудную природу," на родной „край долготерпѣнья", „край русскаго народа", и создаетъ классическій образъ русскаго Бога, Бога этого долготерпѣливаго народа:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

„Зракъ раба"—вотъ идеалъ неугомоннаго „я", познавшаго всю призрачность самоудовлетворенія и господства, всю тщетность неудовлетворимыхъ желаній. Рабство—не полное ли это освобожденіе отъ ставшей нестерпимой тяготы? И Тютчевъ хочетъ коснуться исцѣляющей „чистой ризы" этого Бога. Лишь „риза чистая Христа" прикроетъ и излѣчитъ всѣ язвы личности, всѣ

...Старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,
Растлѣнье душъ и пустоту,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...

Не на „порогѣ двойного бытія" былъ этотъ яркій „эгоистъ" въ жизни и колѣнопреклоненный грѣшникъ. Онъ переживалъ двойное бытіе острыхъ запросовъ властныхъ страстей и религіознаго сознанія то поочередно, то одновременно. Въ э душѣ „волны неслися, гремя и сверкая", и тихія, „чуткія звѣзды глядѣли съ высоты". Опутанный роковыми страстями, онъ припадалъ къ ногамъ Христа. Его снова уносили отъ него бурныя и сверкающія волны, но какъ о высшей радости мечталъ онъ объ ихъ одолѣніи и „какъ Марія" готовъ былъ „къ ногамъ Христа навѣкъ прильнуть".

Ибо всегда чувствовалъ Тютчевъ „скудость всѣхъ земныхъ силъ, свирѣпость жизни зла". Въ часы, когда, „какъ на краю могилы, вдругъ станетъ страшно тяжело", онъ обращался къ святой для него книгѣ—Евангелію. „Со всей душой, писалъ онъ другу, какъ къ изголовью, къ ней припади и отдохни".

Смиренная, по этой книгѣ, жизнь—залогъ смиренной, и потому счастливой смерти. Смерть!—съ ней труднѣе всего совладать натурѣ ярко-индивидуальной. И Тютчевъ восхищенъ, когда „смиренно и послушно, всѣ страхи смерти побѣдивъ", идутъ къ ней „благодушно, какъ на отеческій призывъ". Это

восторгъ отъ всей полноты отчаянныхъ сомнѣній, отъ страшнаго раздвоенья, на которое обреченъ былъ нашъ великій лирикъ.

VIII.

Роковыя страсти, хаосъ въ немъ, нарушавшій его религіозныя традиціи и убѣжденія; неполнота вѣры; растлѣвающій скептицизмъ; безпомощность и ограниченность „я", безпощадная власть времени, и, въ итогѣ, самое это „я", какъ причина всего томленія и „грустнаго тлѣнія"—вотъ мотивы отчаянія Тютчева. Судорожно цѣплялся онъ за религію,—за то, въ чемъ сомнѣвался. И соломинка часто спасала. Ничто такъ не растворяло этого вѣчно больного „я" въ блаженномъ покоѣ, какъ религія. Лучше всякой поэтической „гносеологіи" лечила она истерзанную душу.

Она снимала бремя ненавистнаго „я". Но она же сулила выходъ „я" любимому. Она сулила ему столь желанное безсмертіе, безсмертіе всего дорогого, интимнаго. Въ религіозномъ порывѣ онъ писалъ:

Чему бы жизнь насъ ни учила,
Но сердце вѣритъ въ чудеса:
Есть нескудѣющая сила,
Есть и нетлѣнная краса...
Нѣтъ, увяданіе земное
Цвѣтовъ не тронетъ неземныхъ
И отъ полуденнаго зноя
Роса не высохнетъ на нихъ.
И эта вѣра не обманетъ
Того, кто ею лишь живетъ,
Не все, что здѣсь цвѣло, увянетъ,
Не все, что было здѣсь, пройдетъ!

И какъ „радужный сонъ", нисходила религія въ эту томившуюся душу.

Былъ еще одинъ мотивъ въ поэзіи Тютчева, мотивъ не развившійся, вслѣдствіе специфическихъ условій жизни русской души. Выходомъ изъ отчаянія вѣдь могло быть не только смиреніе и резиньяція, но и трагедія, но и борьба. Какъ художникъ, онъ не могъ не видѣть красоты безнадежной борьбы, въ которой отчаяніе исчезаетъ въ героическомъ напряженіи. Въ стихотвореніи, посвященномъ любимой женщинѣ, онъ говоритъ о ней, какъ о „любившей наперекоръ и жизни, и судьбѣ". Сознавая всю прелесть этой борьбы съ хаосомъ-рокомъ, онъ писалъ:

Мужайтесь, о, други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравенъ, борьба безнадежна!
Надъ вами свѣтила молчатъ въ вышинѣ,
Подъ вами могилы, молчатъ и онѣ.
Пусть въ горнемъ Олимпѣ блаженствуютъ боги:
Безсмертье ихъ чуждо труда и тревоги,
Тревога и трудъ лишь для смертныхъ сердецъ...
Для нихъ нѣтъ побѣды, для нихъ есть конецъ.
Мужайтесь, боритесь, о, храбрые други,
Какъ бой ни жестокъ, ни упорна борьба!
Надъ вами безмолвные звѣздные круги,
Подъ вами нѣмые, глухіе гроба.
Пускай Олимпійцы завистливымъ окомъ
Глядятъ на борьбу непреклонныхъ сердецъ.
Кто, ратуя, палъ, побѣжденный лишь рокомъ,
Тотъ вырвалъ изъ рукъ ихъ побѣдный вѣнецъ.

Но Тютчевъ не былъ бойцомъ. Онъ былъ лишь кающимся грѣшникомъ, взыскующимъ благодати.

Ал. Лаврецкій.

Приспособленіе къ трагедіи.

(О лѣвомъ народничествѣ).

На протяженіи столѣтій исторія не разъ потрясала Россію, но толчки эти не поднимали ее на ноги. Озиралась она и снова погружалась въ терпѣливое рабское существованіе. Міровая война извнѣ всколыхнула Россію. Не преодолѣвъ своего рабства на родныхъ насиженныхъ равнинахъ, она пріобщилась къ великой трагедіи не для героическаго созиданія, а для героическаго разрушенія. Война медленно, но увѣренно пробуждала въ ней древнюю волю къ бунтарству, къ неопредѣленной борьбѣ „со всѣми врагами". Эта воля выявилась не сразу, скованная многочисленными условностями государственнаго бытія, образующими такъ называемые законы исторіи.

Масса всегда была орудіемъ историческихъ законовъ. Ею фатумъ исторіи неизмѣнно творилъ свою капризную волю, свою нелѣпую, чуждую гармоніи логику. Въ процессѣ своего стихійнаго приспособленія массы ведутъ съ нимъ медленную пассивную борьбу. Народная душа до поры, до времени тихо протестуетъ противъ рока. Она не владѣетъ критическимъ сознаніемъ, но въ ней таится и растетъ критическая скорбь, скорбное непріятіе міровыхъ явленій. Мучительной ощупью приближается она къ грани, за которой „хаосъ шевелится". Фатумъ даетъ „передышку". Чаша переполняется. Народныя массы не выдерживаютъ тяжестей войны, и сбрасываютъ ихъ въ пропасть. Война,—организованный абсурдъ, который раньше или позже долженъ вскрыться,—совершила неизбѣжное: началась революція.

II.

Каково же отношеніе интеллигенціи къ войнѣ и революціи? Претендующая, въ противоположность народнымъ массамъ, на роль критика историческихъ событій, интеллигенція оказалась безсильной предъ войной. Она поддалась стихійному потоку, не противопоставила ему мощнаго критическаго слова. Она обезличилась — приспособилась къ приспособившимся... Стихія войны заворожила интеллигенцію. Оторванная отъ народа въ жизни, она шла съ нимъ на смерть подъ знаменемъ „освободительной войны".

Идея жертвы, искупленія, быть можетъ, самая интимная идея русской интеллигенціи. Но въ ложномъ свѣтѣ войны она особенно ярко сочеталась съ самообманомъ, затемняла критическое сознаніе.

Любопытно отмѣтить, что въ свое время Глѣбъ Успенскій усомнился въ освободительномъ характерѣ добровольческаго похода русской интеллигенціи за „освобожденіе славянъ" отъ турецкаго ига. Русская интеллигенція, по взгляду Глѣба Успенскаго, бѣжала отъ себя, отъ неумѣнія жить, отъ скуки и безсмыслицы жизни... Она никогда не отличалась оптимистической стойкостью; въ ея сознаніи преобладаютъ два вида пессимизма: патетическій и созерцательный. Оптимизмъ же русской интеллигенціи не явленіе сознательнаго пріятія жизни, но актъ самозабвенія. Русская литература, которую нельзя упрекнуть въ идеализаціи интеллигенціи, достаточно полно свидѣтельствуетъ объ этомъ отсутствіи оптимистической стойкости. Въ ней нѣтъ гармонически выдержанныхъ оптимистическихъ образовъ. Въ сокровенной основѣ своей она являетъ намъ геніальную идеологію безнадежности.

Какъ это ни странно, но война какъ бы окрылила интеллигенцію легкомысленнымъ оптимизмомъ. Она почуяла дуновеніе свѣжаго, „очищающаго атмосферу" вѣтра и ждала пришествія чуда извнѣ. Но не только война,—и революція не принесла чуда. Революція оттѣнила и въ большой мѣрѣ усугубила оторванность интеллигенціи отъ народа. Недолго свѣтилась она откровеніемъ. Въ процессѣ своего развитія она не только не разрѣшала, но, напротивъ, осложняла сомнѣнія, назрѣвшія въ умахъ интеллигенціи. Революція расколола интеллигенцію на множество враждебныхъ лагерей; никогда еще она не дробилась такъ, какъ въ теченіи революціи...

Насъ интересуютъ здѣсь настроенія и основанная на нихъ идеологія той группы интеллигенціи, которая чувствуетъ себя наиболѣе близкой народу—настроенія и идеологія лѣваго народничества.

III.

Къ этой группѣ примкнули „коренные" интеллигенты—А. Блокъ, А. Бѣлый и интеллигенты изъ нѣдръ народныхъ—Клюевъ, Есенинъ и другіе. Они пріемлютъ революцію до конца,—со всѣми ея кошмарами и ужасами. Революція для нихъ Голгоѳа: сквозь муки и страданія они провидятъ свѣтлый образъ Спасителя. Революцію они переживаютъ мистически, воплощая въ ней свои религіозныя чаянія. Творенія ихъ—сплошной апоѳеозъ христіанской вѣры въ искупленіе черезъ боль и кровь, за которымъ грядетъ Христосъ. Путь революціи—и радостный, и скорбный. Они благословляютъ ея испытанія „грозой и бу-

рей", вѣруя, что „нѣтъ на землѣ неоправданной жертвы". Апоѳеозъ жертвенности въ идеологіи лѣваго народничества достигаетъ своего апогея:—„Лучше ли жить въ Раю, чтобъ Мессіи намъ не было? Нѣтъ: лучше намъ пострадать, чтобъ исполнить задачи судьбы",—пишетъ А. Бѣлый.

Идея жертвы во имя Воскресенія, откровеніе Голгоѳы противопоставляется откровенію благодати—неопалимой купины:

„*Чей крестный потъ и сѣрый кусъ*
Лучистый купины. [1])

Онъ—воскрешенный Іисусъ
Народъ родной страны". (Клюевъ).

Произведенія народныхъ поэтовъ полны религіознаго оптимизма. Характерно, что фаталистическій оптимизмъ какъ бы заглушаетъ чувство трагизма совершающагося. Оно лишь мигами мелькаетъ,—и растворяется въ паѳосѣ вѣры.

— „Какъ взойду я по ней (лѣстницѣ) съ кровью на отцахъ и дѣтяхъ",—спрашиваетъ Есенинъ, но не развиваетъ далейно этого вопрошающаго чувства трагедіи:

„Но дологъ срокъ до встрѣчи,
А гибель такъ близка". (Есенинъ).

Гибель несетъ освобожденіе, а долгій срокъ до встрѣчи сокращается вѣрой въ преображеніе.

„Кто все живитъ и зиждетъ,
Тотъ знаетъ срокъ и часъ". („Октоихъ" Есенина).

А завѣтный часъ уже пробилъ.

Трагедія современности не ослабила въ народныхъ поэтахъ чувства земли-родины. Они видятъ ее озаренной небеснымъ свѣтомъ, и не раскрываютъ намъ всей сложности трагедіи, мысля ее какъ логическое развитіе христіанскаго фатализма. И это не случайно. Люди земли, они крѣпко стоятъ на ней; для тѣхъ, кто крѣпко связанъ съ землей, съ міромъ, фатализмъ является наиболѣе естественнымъ выраженіемъ ихъ міроощущенія, и трагедія—такое же явленіе въ ряду прочихъ міровыхъ явленій, какъ листопадъ, осень, смѣна временъ года, рожденіе, расцвѣтъ и смерть...

IV.

Совершенно иначе ощущаетъ трагедію А. Блокъ. Творчество его, поэта трагическихъ предчувствій, полно глубочайшей сложности. Въ центрѣ его переживаній—родина въ широкомъ смыслѣ слова. Въ отличіе отъ Клюева, Есенина, у которыхъ ощущеніе родины—ощущеніе земли, дышущей жаркими про-

[1]) Курсивъ нашъ. С. Г.

сторами, земли весенней и лѣтней, согрѣтой и грѣющей,— А. Блокъ переживаетъ снѣжныя выюги, буйные вѣтры родины. Его чувство родины—не чувство родной *земли*, ея вѣчнаго, неизмѣннаго *бытія*, но чувство ея метелей, осеннихъ туманныхъ просторовъ, безконечной дали, сливающейся съ міровымъ пространствомъ. По родинѣ Блока гуляютъ міровые вѣтры, надъ нею крутитъ и вьется міровая метель, напѣвая безумную пѣснь о гибели. Его родина—это стремленіе, безконечное вихреобразное движеніе. Въ ней нѣтъ устойчиваго, прочнаго *бытія*, она вся *бываніе*, тревожное, мятущееся, стремительное. Отсюда эта неприкрѣпленность къ *мѣсту*, къ опредѣленной точкѣ пространства, этотъ полетъ съ родной земли въ міровыя дали, съ которыми у него сливаются родные просторы. Все это придаетъ его чувству родины *вселенскій*, а потому мессіанистскій характеръ.

Примѣчательно, что самыя капризныя и отвлеченныя индивидуальныя переживанія преломляются у Блока въ чувствѣ родины.

Ты, знающая дальней цѣли
Путеводительный маякъ,
Простишь ли мнѣ мои метели,
Мой бредъ, поэзію и мракъ?
Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
Отъ родины не увела?

Отчаявшійся въ любви, онъ льнетъ къ родинѣ, взыскуетъ ея. Интимнымъ мессіанистскимъ чувствомъ родины онъ преодолѣваетъ душевную пустоту отъ разочарованій въ любви, отъ мучительнаго безвѣрія, отъ тягостныхъ сомнѣній въ человѣчествѣ. Въ мучительномъ чувствѣ любви онъ вспоминаетъ „зимній закатъ за окномъ“, и закатъ сочетается съ представленіемъ казни на эшафотѣ:

Въ черныхъ сучьяхъ деревъ обнаженныхъ
Желтый зимній закатъ за окномъ.
(Къ эшафоту на казнь осужденныхъ
Поведутъ на закатѣ такомъ).

Не вѣетъ ли отъ этихъ словъ отдаленно чувствомъ родины, надъ которой вьется метель смерти?

Абстрактное чувство родины его единственная опора, прибѣжище отъ разочарованій. Имъ онъ возвышается надъ ея видимымъ безобразіемъ, надъ ея святотатственной разнузданностью.

Грѣшить безстыдно, непробудно,
Счетъ потерять ночамъ и днямъ,
И, съ головой отъ хмели трудной,
Пройти сторонкой въ Божій храмъ.
Три раза преклониться долу,
Семь—осѣнить себя крестомъ,
Тайкомъ къ заплеванному полу
Горячимъ прикоснуться лбомъ.
Кладя въ тарелку грошикъ мѣдный,
Три, да еще семь разъ подъ рядъ
Поцѣловать столѣтній, бѣдный
И зацѣлованный окладъ.
А, воротясь домой, обмѣрить
На тотъ же грошъ кого-нибудь,
И пса голоднаго отъ двери,
Икнувъ, ногою отпихнуть.
И подъ лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счетъ,
Потомъ переслюнить купоны,
Пузатый отворивъ комодъ,
И на перины пуховыя
Въ тяжеломъ завалиться снѣ...—
Да, и такой, моя Россія,
Ты всѣхъ краевъ дороже мнѣ.

Дороже, ибо Россія несетъ поэту „вѣсть о сжигающемъ Христѣ". Блокъ вѣруетъ чувствомъ родины, таящей въ себѣ залогъ мірового искупленія.

Этимъ же абстрактнымъ чувствомъ онъ сострадаетъ къ униженнымъ и оскорбленнымъ (а можетъ—и къ унижающимъ и оскорбляющимъ). Внѣ родины нѣтъ у Блока любви и состраданія къ міру и человѣчеству. Ея женственно-призрачный образъ осѣняетъ Голгоѳу реальной Россіи. Всѣ его переживанія родины образуютъ у него какое-то „шестое", мистическое чувство сверхъ-національнаго, сверхъ-государственнаго, которымъ онъ преодолѣваетъ соблазны и тяготу „человѣческаго—слишкомъ человѣческаго". Оно неизмѣнно—оно не измѣнитъ.

V.

Какъ сложнѣе чувство-представленіе родины у Блока, чѣмъ у современныхъ народныхъ поэтовъ, такъ и сложнѣе его отношеніе къ трагедіи, переживаемой Россіей. Война разочаровала поэта. Она представляется ему убогой, впитавшей въ себя всю нелѣпость, пошлость и ложь обыденной жизни.

Есть нѣмота—то гулъ набата
Заставилъ заградить уста.

Въ сердцахъ, восторженныхъ когда-то,
Есть роковая пустота.

Но и революція въ своей первоначальной стадіи—въ своей умѣренности—не обнадежила Блока, не овладѣла его душой. Когда же революція уподобилась его безумной снѣжной метели, въ которой „хаосъ шевелится",—онъ пошелъ къ ней навстрѣчу. Муза его воскресла. А она уже давно пророчила роковую „о гибели вѣсть":

Есть въ напѣвахъ твоихъ сокровенныхъ
Роковая о гибели вѣсть.
Есть проклятье завѣтовъ священныхъ,
Поруганіе счастія есть. („Къ Музѣ").

Онъ почувствовалъ родную смертоносную стихію, разрушающую до конца, вырывающую вѣковѣчные корни. Послѣ долгаго раздумья, онъ какъ бы снова приблизился къ роднымъ истокамъ, подошелъ къ нимъ вплотную. Безумная стихія уже давно была ему отрадой:—„И была роковая отрада въ попираньи завѣтныхъ святынь". Шумные вѣтры напѣвали ему сказки о гибели, и онъ привыкъ къ нимъ.

Вѣрь, другъ мой, сказкамъ: я привыкъ
Вникать
Въ чудесный ихъ языкъ.
И постигать
Въ обрывкахъ словъ
Туманный ходъ
Иныхъ міровъ,
И темный времени полетъ
Слѣдить,
И вмѣстѣ съ вѣтромъ пѣть: [1])
Такъ легче жить,
Такъ легче жизнь терпѣть
И уповать,
Что темной думы ростъ
Намъ въ вѣчность перекинетъ мостъ.
Надѣяться и ждать...
Жди, старый другъ, терпи, терпи,
Терпѣть недолго, крѣпче спи,
Все равно, все пройдетъ,
Все равно, вѣдь никто не пойметъ,
Ни тебя не пойметъ, ни меня,
Ни что вѣтеръ поетъ
Намъ, звеня...

[1]) Курсивъ нашъ. С. Г.

А. Блокъ долго ощущалъ и *терпѣлъ* трагедію, какъ сказочный призракъ, несущій избавленіе черезъ гибель. Но вотъ трагедія воплотилась—стала конкретнымъ міровымъ явленіемъ. Блокъ внимаетъ ея хаотическому движенію и ему чудится „музыка будущаго". Онъ улавливаетъ отдѣльные звуки этой музыки. Его не смущаютъ диссонансы, „отдѣльныя фальшивыя ноты"—онъ глубокъ въ своей духовной мужественности.

Блокъ слушаетъ эту страшную „музыкальную" сказку на яву и „въ обрывкахъ словъ" постигаетъ „ходъ иныхъ міровъ", слушаетъ и „вмѣстѣ съ вѣтромъ" поетъ:

Такъ легче жизнь терпѣть
И уповать,
Что темной думы ростъ
Намъ въ вѣчность перекинетъ мостъ.

Блокъ откликнулся на нашу трагедію поэмой „Двѣнадцать". Со свойственнымъ ему мастерствомъ, гибкой силой и прямотою слова онъ рисуетъ буйный походъ двѣнадцати (символическихъ) красногвардейцевъ противъ стараго міра; онъ подчеркиваетъ кошмарно-убійственный характеръ революціи, оттѣняетъ все безобразное на ея пути. Вихревая, буйная „черная злоба, святая злоба" къ старому міру—„безродному псу"—приковываетъ его вниманіе, манитъ поэта своей разрушительной стихіей, сметающей съ земли все старое, гнилое, ложное. Свобода революціи—„свобода безъ креста". Но „святая злоба" завораживаетъ поэта, какъ безумный снѣжный вѣтеръ. Совѣсть, грѣхъ, преступленіе—сливаются въ бушующій хаосъ. Онъ несется по тернистому пути, а впереди—

Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ—
Впереди Исусъ Христосъ.

Новаго слова не изрекъ поэтъ. Въ поэмѣ есть начало и конецъ, но нѣтъ середины—творческаго перехода отъ безобразія къ свѣтлому Образу, нѣтъ психологическихъ мотивовъ, влекущихъ за собой преображеніе, нѣтъ вѣры въ Христа, а есть *чувство* Христа. И это чувство является лишь отголоскомъ его прежнихъ поэтическихъ предчувствій Пришествія, упованій на Христа, смѣшанныхъ съ отчаяніемъ до „святой злобы", а, мгновеніями, быть можетъ,—и до равнодушія... Его нѣжное, прекрасное чувство Христа не свѣтитъ откровеніемъ. Оно психологически необходимо поэту, чтобы „легче жить, терпѣть и уповать",—безъ него жить нельзя.

Хаосъ революціи послужилъ соблазномъ для Блока: онъ показался ему реальнымъ воплощеніемъ той міровой метели, которой онъ грезилъ въ прежніе годы своего творчества и съ которой отожествлялась его мечта-представленіе родины.

Соблазнъ былъ великъ: вѣдь мечта стремится къ воплощенію!.. Но Блокъ не только довѣрился трагедіи; плѣненный этой невѣдомой ему раньше реальностью ея, онъ приспособляется къ ней—идетъ къ ней на послушаніе.

— Слушайте трагедію!—такъ кончаетъ Блокъ одну изъ своихъ статей, посвященныхъ революціи. Онъ и не думаетъ, что и ее, какъ все человѣческое,—надо преодолѣть, надо поднять на высшую ступень. Именно въ ней для Блока „истина и жизнь"—жертвенная правда Голгоѳы.

VI.

То, что Блокъ увидѣлъ въ революціи жертвенную правду Голгоѳы, объясняется особенностями его творческой личности, ея развитія, но и вообще апоѳеозъ жертвы характеренъ для передовой русской интеллигенціи. И сейчасъ въ лицѣ лѣваго народничества русскую интеллигенцію заполонилъ христіанскій миѳъ объ искупленіи. Въ отношеніи трагедіи миѳъ этотъ усыпляетъ критическое сознаніе.

Выразителемъ апологіи христіанскихъ настроеній въ лѣвомъ народничествѣ является Ивановъ-Разумникъ. Съ энтузіазмомъ онъ пишетъ о величіи творящейся нынѣ „новозавѣтной" правды Голгоѳы, съ паѳосомъ глаголетъ противъ ветхозавѣтнаго откровенія неопалимой купины.

„Звали они революцію—и пришла она. Но пришла она не въ тишинѣ, не въ тихомъ пламени неопалимой купины, а въ грозѣ и бурѣ народнаго вихря". Онъ утѣшается евангельскимъ изреченіемъ: „Не миръ, но мечъ несу я вамъ".—Это буквально такъ, это фактъ: на протяженіи исторіи ученія и откровенія о любви и братствѣ невольно давали намъ мечъ въ руки. Но смыслъ „меча" всегда былъ въ непримиримомъ и неразрѣшенномъ противорѣчіи съ той абсолютной истиной, которую проповѣдывала та или иная религія. Для Иванова-Разумника трагедія фатально-логична,—чужда психологическихъ противорѣчій. Въ своемъ безудержномъ оправданіи жертвы онъ незамѣтно для себя ввергается въ ветхозавѣтность, забывая, что откровеніе въ „тихомъ огнѣ" или „въ тихомъ вѣяніи вѣтра" есть уже признакъ преодолѣнія ветхозавѣтной жертвенной стихіи. И хочется спросить: не помѣнялись ли мѣстами „ветхій" и „новый" завѣты? Насъ интересуютъ эти два откровенія—внѣ тѣсной связи съ религіозными концепціями. Мы далеки отъ богословскаго спора. Но должно однако замѣтить, что многократность, непрерывность воплощенія христіанскаго миѳа объ искупленіи искажаетъ его изначальный великій смыслъ.

Вспоминаются стихи А. Блока дореволюціоннаго періода:

Кольцо существованья тѣсно:
Какъ всѣ пути приходятъ въ Римъ,
Такъ намъ заранѣе извѣстно,
Что все мы рабски повторимъ.

И теперь не повторяемъ ли мы рабски и Голгоѳу?

Интеллигенція не выдержала испытанія „грозой и бурей". Но выдержали ли его народы? Огни и мечи, грозы и бури сливаются въ языческій жертвенный кошмаръ, въ которомъ задыхается независимое, свободное человѣческое сознаніе. Никто не выдержалъ испытаній, ибо всѣ ослѣплены жертвенной стихіей..

Война и революція! Но не стираются ли грани между ними? Революція отравлена войной, она впитала въ себя весь ядъ войны, она вышла изъ ея темныхъ истоковъ. Преодолѣетъ ли она ихъ, обрѣтетъ ли самодовлѣющіе источники?

Неоспоримая правда: міръ долженъ быть измѣненъ въ корнѣ. Но какъ?

„Она (побѣда) придетъ, вѣроятно, лишь тогда, когда ясно станетъ человѣку, что нѣтъ полнаго освобожденія ни въ соціальной, ни въ духовной революціи, *а только въ той и другой одновременно*", — отвѣчаетъ Ивановъ-Разумникъ. Но синтезъ духовной и соціальной революціи только кажущійся; онъ разсудоченъ и потому поверхностенъ. Этимъ синтетическимъ воззрѣніемъ можно только обойти трагедію, но не осмыслить ея психологическихъ основаній. Соціальная революція невозможна безъ соціалистической психологіи, но и образованіе такой психологіи немыслимо безъ соціальнаго переустройства міра. Мы попадаемъ въ заколдованный трагическій кругъ. И при жуткомъ свѣтѣ безысходной трагедіи тускнѣетъ соблазнъ христіанскаго миѳа объ искупленіи...

Ивановъ-Разумникъ въ своей соціалистической апологіи христіанскихъ настроеній напоминаетъ намъ свободомыслящаго педагога—сторонника воспитанія путемъ уразумѣнія, внушенія, втайнѣ думающаго, что и „порка" не пройдетъ безслѣдно — „авось" преобразитъ ученика...

Интеллигенція просвѣщаетъ и просвѣщается по книгамъ, народы—по кровавымъ событіямъ. Но кровавыя событія—плохая книга для народа, а книга и миѳъ еще недостаточное событіе для интеллигенціи.

VII.

Въ наши дни, когда событія такъ смущаютъ человѣческую мысль и когда она, слабая и безпомощная предъ ними,— такъ искажаетъ смыслъ событій — нельзя не вспомнить Толстого. Того, кто такъ великъ въ своемъ непріятіи внѣшнихъ законовъ, въ безупречномъ пренебреженіи къ законамъ

исторіи, въ отрицаніи войны и крови. Онъ великъ въ своей несокрушимой вѣрѣ, что преображеніе человѣка не можетъ быть достигнуто насиліемъ и кровавыми потрясеніями. О Толстомъ говорятъ, что онъ великъ въ своей вѣрѣ, но идеи его устарѣли въ своей элементарности. Эта молва о Толстомъ большое заблужденіе. Ошибочно думать, что человѣчество доросло до элементарной этической истины тѣмъ болѣе, что оно переросло ее. Забываютъ, что для того, чтобы усвоить древнюю мудрость морали, нужно преодолѣть тысячелѣтія — духовный процессъ, пережитый человѣчествомъ со времени ея открытія до нашихъ дней. Это совершилъ Толстой,—и внѣшніе законы міра не были ему страшны, не запугали его. Онъ усвоилъ великую мистическую душу элементарной этики. Для человѣчества же она все еще продолжаетъ оставаться мертвой формулой. Человѣчество перегружено сложностью—лишними, вѣчно повторяющимися опытами. Оно томится тоской по ясности. Но въ этихъ рабски повторяющихся опытахъ заглохла великая мистическая душа элементарной этики; они внушили человѣку сомнѣніе въ реальности души. Онъ привычно ощущаетъ человѣческую душу, какъ призракъ, мелькающій, исчезающій и вѣчно прячущійся за міромъ вещей, матеріи; онъ привыкъ мыслить ее, какъ болѣе или менѣе налаженный механизмъ инстинктовъ. О реальности души вспоминаютъ лишь при ощущеніи страха смерти: она улетучивается изъ тѣла—это смерть. Но какъ живетъ душа — объ этомъ мало и рѣдко думаютъ, какъ рѣдко смотрятъ въ небо, какъ рѣдко мѣрятъ взглядомъ и чувствуютъ небесную высоту. Смотрѣть въ небо не принято въ человѣческомъ обществѣ: кто ходитъ съ обращенной къ небу головой, тотъ вѣдь очень похожъ на безумнаго...

VIII.

Мы не должны себя обманывать: человѣчество не развивается по путямъ независимой, самодовлѣющей этики. Не всѣ могутъ и не всѣ будутъ мыслить въ духѣ Толстого. Пріемля его идеологію въ отношеніи внѣшнихъ законовъ исторіи, мы не должны забывать, что человѣчество безпомощно предъ ними. Оно продолжаетъ и будетъ еще долго продолжать свое развитіе по пыльнымъ и кровавымъ слѣдамъ исторіи. Какъ бы человѣчество ни ограждало себя отъ исторіи,—она будетъ творить свое дѣло неравномѣрнаго созиданія, неравномѣрнаго разрушенія. Подтачивая гнилые берега налетами бурь, срывая холодныя ржавѣющія скалы, она будетъ уносить ихъ въ другія мѣста, образовывать новыя насыпи. Поглощая землетрясеніями города и государства и претворяя ихъ въ горючую жидкость, она будетъ извергать ихъ кипучими, вновь затопляющими лавинами.

Между законами природы и исторіи и отрицающимъ ихъ свѣтлымъ человѣческимъ сознаніемъ—неизмѣримая пропасть. Значитъ трагедія вѣчна, а можетъ и безсмертна, если параллельные пути—исторіи и не примиряющагося съ нею человѣческаго сознанія—не сойдутся. Пути же эти слишкомъ противоположны. Пока же исторія изощряется въ пыткахъ, человѣчество рабски приспособляется къ ней и претворяетъ эти пытки въ ослѣпительные миѳы...

Намъ ясно, что будущее должно принадлежать новой культурѣ, которая безповоротно порветъ съ рабскими опытами прошлаго и будетъ поражать міръ не кровавыми встряскими, а духовными откровеніями. Это культура—въ корнѣ отрицающая жестокую, слѣпую безличность, воплощенную въ государствѣ.

Преодолѣетъ ли человѣчество это рабское наслѣдіе тысячелѣтій?—Приспособленіе къ трагедіи не является такимъ преодолѣніемъ. Кто и къ трагедіи относится критически, тотъ не можетъ не узрѣть великой безысходности.

Идеологію лѣваго народничества мы разсматривали какъ иллюстрацію къ вопросу о „переоцѣнкѣ цѣнностей“ трагедіи.

Въ послѣдніе годы до міровой войны вопросъ о „переоцѣнкѣ цѣнностей“ являлся темой для многихъ философскихъ и психологическихъ изысканій. Война, оборвавшая нить культурнаго творчества, довела трагедію до той грани, за которой нечѣмъ дышать. За ея безпредѣльностью нѣтъ воздуха, есть — „роковая пустота“.

Трагедія ускользнула отъ критическаго сознанія, и вопросъ о ея цѣнности долженъ быть снова поставленъ во всей своей широтѣ.

С. Гордонъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

М. ГЕРШЕНЗОНЪ. Духъ и душа. . . . . 3—20

С. БОРЩЕВСКІЙ. Новое лицо въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго . . . . . 21—46

Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ. Поэзія Блока. . . . . 47—60

АЛ. ЛАВРЕЦКІЙ. Взыскующій благодати (Ѳ. И. Тютчевъ: поэтъ и поэзія). . . . . 61—79

С. ГОРДОНЪ. Приспособленіе къ трагедіи. (О лѣвомъ народничествѣ). . . . . 80—90